

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Андреев Артём Андреевич

ПАРАНАУКА: ОСНОВАНИЯ, МЕСТО И РОЛЬ
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Сыров Василий Николаевич

Томск – 2018

Оглавление

Введение.....	3
1. История возникновения, определение понятия и эволюция паранауки	15
1.1. Генезис языка описания внеучного знания в контексте формирующейся науки.....	15
1.2. Определение понятия паранауки.....	44
1.3. Паранаука в контексте научного знания.....	57
2. Социокультурные основания и функции паранауки в культуре.....	94
2.1. Социокультурные основания современной паранауки.....	94
2.2. Ключевые функции паранауки в современной культуре.....	128
Заключение.....	132
Список литературы.....	136

Введение

Актуальность темы исследования. Переход от мифа к логосу, осуществлённый в Древней Греции, стал ярким событием в истории мировой культуры. Данное событие привело к зарождению рационального мировоззрения, которое легло в основу будущей европейской науки. Но, как выяснилось, в течение всей двухтысячелетней истории европейского рационализма миф продолжал жить в сознании людей и оказывал влияние на развитие науки и всей человеческой цивилизации. Даже в современном мире научно-технического прогресса миф проявляется во многих сферах культуры и продолжает оставаться одним из основных типов мировоззрения.

Рационалистическая культура на всех исторических этапах своего развития сопровождалась различными внерациональными направлениями, сохраняющими или включающими в себя мифологические черты. На определённом этапе стало популярным такое направление как паранаука, которая начала оказывать активное влияние на общество и на такие сферы культуры, как наука, искусство, политика, экономика, средства массовой информации.

Тенденция возникновения и распространения паранаук наблюдается во многих современных обществах. Актуализация паранаучных форм на современном историческом этапе связана с тем, что начали пересматриваться основания культуры, её мировоззренческие и ценностные категории, которые стали отличаться своей изменчивостью, подвижностью и относительностью. Проявилось это в том, что ценностные ориентации современного человека приобрели характер неустойчивости, а также в поиске новых духовных идеалов. Данные факторы приводят к определённым жизненным ситуациям, в которых формируется мировоззрение людей и смысл их существования. Своеобразной проблемой в жизни современного человека становятся экзистенциальные кризисы и поиск способов их преодоления. В обществе возникает интерес к необычным формам знания и их возможности удовлетворять творческие и духовные потребности общественного сознания. Популярность таких форм также связана с

прагматическими интересами людей, финансовыми и экономическими проблемами современных государств. Поэтому они могут использоваться в качестве методов манипуляции и тем самым приводить к негативным последствиям в обществе.

Таким образом, в современной культуре формируются необходимые предпосылки для возникновения и распространения паранаук. Паранаучные учения начинают свободно воспроизводиться в условиях современной, технологически развитой городской цивилизации и оказываются востребованными в ней.

К феномену паранауки в общественном сознании сложилось неоднозначное отношение. Ряд мыслителей считают, что паранаука открывает новые области и направления для дальнейшего развития науки, предоставляет науке новые рациональные идеи, указывает на её методологические недостатки, стимулирует появление новых научных теорий и концепций.

Но в то же время большинство мыслителей полагают, что паранаука подрывает авторитет науки в обществе, ведёт к упадку духовных и нравственных ценностей, порождает мировоззренческие искажения и заблуждения, формирует ложные убеждения и стереотипы. Поэтому преобладающая часть работ, посвящённых исследованию паранауки, направлена на поиск и осмысление её негативных аспектов. В данных работах вполне достаточно отражена отрицательная роль паранауки по отношению к науке, обществу и всей культуре в целом.

Негативное отношение к паранауке связано с тем, что она часто приравнивается к ошибочным представлениям, суевериям, фальсификации, манипуляции, понимается как форма социального отчуждения, общественная утопия или результат культурного кризиса. Но такой подход является недостаточным, поскольку не учитывает того, что паранаука способна выполнять продуктивные функции в социокультурном и научном аспектах. Поэтому для выявления глубинных причин такого неоднозначного и противоречивого

положения паранауки в современной культуре необходим философско-культурологический анализ её оснований.

Степень разработанности темы. Исследования феномена паранауки до сегодняшнего дня проводились в рамках различных научных и философских направлений. К представителям естественно-научного материализма по отношению к паранауке относятся: С.К. Абачиев, Е.Б. Александров, В.А. Васильев, В.Л. Гинзбург, В.Б. Губин, Ю.Н. Ефремов, Э.П. Кругляков, Л.Н. Медведев, Л.И. Пономарёв, А.Б. Савинов, В.Г. Сурдин, Б.М. Чиков, Е.Д. Эйдельман. Исследования данных авторов направлены на выявление основных положений паранауки, противоречащих позиции естественно-научного материализма.

Существуют работы энциклопедического характера, в которых авторы представляют собственный ненаучный взгляд на феномен паранауки. К таким можно отнести «Большую энциклопедию парапсихологии» А.Ю. Панасюка.

Философский анализ паранауки в социокультурном, онтологическом и эпистемологическом аспектах осуществлён такими авторами, как Н.И. Мартишина, В.М. Найдыш, Е.Н. Гнатик, В.Н. Данилов, Р.К. Стерледев, Г.Н. Калинина, В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, В.Н. Порус, В.П. Лебедев, Н.Г. Апухтина, Д.В. Головин, Т.Г. Лешкевич, Ю.М. Сердюков, Р.М. Юсупов, И.Н. Круглова, А.М. Конопкин, J. Agassi, H. Bauer, M. Mahner, M. Boudry, E. Goode, M. Martin, R. Shultes, F. Wilson. Данные авторы также представляют собственные классификации и систематизации определений понятия «паранаука».

Исследование психологических оснований паранауки проводили К. Юнг, М. Рицль, Д.Н. Куликов, А.П. Дубров, В.Н. Пушкин, И.А. Бескова, С.С. Степанов, В.И. Лебедев, Ч. Хэнзел, Дж. Смит, Р. Bloom, D.S. Weisber. В настоящих исследованиях раскрываются психологические причины возникновения и распространения паранауки, связанные с деятельностью сознания и психики человека.

Анализ вненаучного знания во взаимосвязи с историческими типами рациональности и формами мышления осуществляли Н.С. Автономова,

В.С. Степин, М.К. Мамардашвили, И.Т. Касавин, Б.С. Грязнов, В.С. Швырев, А.Я. Гуревич, Дж. Холтон, С. Роуз, П. Фейерабенд. В работах данных авторов представлен анализ типов рациональности и выявлены основные изменения этого понятия, произошедшие в современной науке.

Взаимосвязь вненаучного знания и критериев научности исследовали Л.А. Микешина, В.В. Ильин, А.А. Бажанов, В.А. Окладной, О.С. Разумовский, Н.Н. Сычѳв, Б.В. Марков, А.Ф. Кудряшѳв, А.В. Кезин, Е.А. Мамчур, Н.Б. Шулевский. В имеющихся исследованиях показаны границы критериев научности, их методологические и концептуальные основания на современном этапе развития науки.

Анализ вненаучного знания и различных форм познания осуществлѳн такими авторами, как П.С. Гуревич, Я.Э. Голосовкер, В.М. Пивоев, И.И. Дубинин, В.Н. Горелова, А.Н. Елсуков, Л.Г. Гуслякова, С.А. Токарев. В настоящих работах проводится анализ вненаучного знания в культурно-историческом контексте, выявляется его специфика в аспектах религиозного, мифологического и художественного познания.

Несмотря на большое разнообразие подходов к исследованию паранауки, данный феномен остаѳтся сегодня недостаточно изученным. Наибольшее количество исследований паранауки представлено в научно-методологическом аспекте и связано с вопросами соотношения паранауки с научными критериями, методами познания, научными революциями, парадигмами, картинами мира. Данные исследования направлены на выявление негативных сторон паранауки по отношению к науке. Но данный аспект не позволяет объяснить причины роста популярности паранауки в современной культуре, а также определить роль паранауки в динамике самого научного знания. Поэтому представляется, что предпринятый в данном диссертационном исследовании философско-культурологический анализ паранауки даст более широкое представление о её природе в общем и целом, в её культурно-исторической перспективе, а также позволит переосмыслить проблемы паранауки, ранее выявленные в других научных областях.

Проблема диссертационного исследования состоит в том, что сведение анализа паранауки к её сравнению с критериями и стандартами научности не может дать исчерпывающего описания значения и природы паранауки, а также не позволяет понять основания возрастающего интереса к паранауке как в культуре в целом, так и в самом научном познании. Исходя из этого, возникает **проблемный вопрос**: чем является паранаука в современной культуре – случайным, временным явлением или свидетельством и одновременно одним из условий формирования нового типа культуры?

Объектом исследования является паранаука.

Предметом исследования являются культурные основания паранауки и функции паранауки в современной культуре.

Целью исследования является выявление сущности и места паранауки в современной культуре.

Реализация этой цели предполагает решение следующих **задач**:

1. На основании критического анализа существующей исследовательской литературы определить степень достигнутых результатов и выявить проблемы, не позволяющие получить необходимые выводы в исследованиях паранауки.

2. Исследовать имеющиеся определения понятия паранауки, провести их критический анализ и сформулировать собственное авторское определение.

3. Установить границы и возможности изучения паранауки в контексте научного знания.

4. Выявить социокультурные основания актуализации современного интереса к паранауке.

5. Определить ключевые функции паранауки в современной культуре.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Предпринят критический анализ научной литературы, позволивший определить ключевые проблемные области в исследованиях паранауки. Выявлена ущербность существующих концепций вненаучного знания, направленных на исследование природы и значения паранауки. Показан процесс обогащения языка

описания вненаучного знания в контексте развития науки, а также выделившиеся новые методологические основания и понятия в ходе этого процесса.

2. На основании анализа существующих определений паранауки выявлены их концептуальные и методологические недостатки, заключающиеся в их узости и односторонности, либо терминологической избыточности. Предложено собственное авторское определение паранауки, которое позволяет выявить существенные черты основных паранаучных феноменов и которое характеризуется своей самодостаточностью, заимствованием научной терминологии и норм научного описания для доказательства собственных идей.

3. Исследование паранауки в контексте научного знания позволило установить недостаточность обращения к данному контексту для описания значения и природы паранауки, а также понимания причин роста её популярности в современной культуре, которая состоит в том, что исследование паранауки сводится к решению научно-методологических вопросов и обусловлено игнорированием социокультурного контекста функционирования и динамики науки, а также интерпретацией науки как готового, сложившегося знания.

4. Анализ социокультурных оснований паранауки позволил выяснить основания и условия актуализации интереса к паранауке в современной культуре. К ним относятся культура постмодерна, ставшая причиной размывания границ между основными областями культуры; информационное общество, породившее большое количество способов и средств информационного распространения паранаучных учений; популярная культура, обеспечившая свободное присутствие паранауки в обществе.

5. На основании анализа особенностей современной культуры определены ключевые функции паранауки: психотерапевтическая, коммуникативная, культуротворческая, нарративная. Благодаря реализации данных функций паранаука может обогащать культуру плодотворными идеями, обеспечивать направление поиска новых путей развития и раскрытия человеческого творческого и духовного содержания.

Теоретическая значимость исследования. Предпринятый в данном диссертационном исследовании философско-культурологический анализ паранауки даёт более широкое представление о природе паранауки в её культурно-исторической перспективе, а также позволяет переосмыслить проблемы паранауки ранее выявленные в других научных областях. Также философско-культурологический анализ позволил теоретически осознать ограниченность имеющихся научных подходов при исследовании феномена паранауки. Теоретический вклад диссертационного исследования в теорию и историю культуры состоит в признании того, что при исследовании культурных феноменов и самой культуры необходимо учитывать существующие в ней нетрадиционные направления, которые могут содержать важные аспекты её существования и развития. К ним относится паранаука, анализ которой позволил найти новые аспекты взаимосвязи культуры с вненаучным знанием, а также выявить новые пути развития и способы обогащения культуры творческими идеями. Во-первых, была выявлена взаимосвязь паранауки с различными направлениями, стилями и жанрами искусства, например, с такими как фольклор, фантастика, мифология, сюрреализм, футуризм. Во-вторых, было установлено, что паранаука является новым этапом в развитии фольклорного сознания в условиях современной, технологически развитой городской цивилизации. В-третьих, был раскрыт исторически закономерный и самодостаточный характер паранауки в культуре. В-четвёртых, была выявлена мировоззренческая роль паранауки в современной культуре, показывающая, что паранаука ведёт к переосмыслению мировоззренческих универсалий и ценностей культуры.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования полученных основных положений для осмысления конкретных научных проблем, а также культурных, социальных и исторических феноменов и явлений, присутствующих как во всём мире в целом, так и в российском обществе в частности. Паранаука в данном диссертационном исследовании представляется как многомерная модель и комплексная междисциплинарная проблема. Поэтому

философско-культурологический анализ паранауки позволяет моделировать возможные состояния и будущие сценарии развития культуры и общества.

Систематизированный материал, проведённый анализ и полученные выводы могут стать основой для дальнейшей научной исследовательской работы, а также для разработки и реализации научно-исследовательских, социальных и культурных проектов.

Материалы диссертации можно использовать в преподавательской практике при чтении спецкурсов по теории и истории культуры, истории и философии науки, социальной философии и культурологии.

Методология и методы исследования. Для определения места и роли паранауки в естественно-научном и социально-гуманитарном познании использовались критерии разделения сциентизма и антисциентизма, предложенные В.С. Швыревым; идеи демаркации науки и паранауки по критериям естественно-научного материализма и культурного релятивизма Е.Д. Эйдельмана и В.М. Найдыша; идеи эвристической ценности паранауки Н.И. Мартишиной, Б.М. Чикова, В.А. Лекторского, Х. Бауэра, М.Р. Жбанкова; классификации, определения и свойства парапсихологических явлений М. Рицля, А.П. Дуброва и В.Н. Пушкина.

С целью выявления социокультурных оснований паранауки были использованы идеи взаимосвязи паранауки с фольклором и ценностным аспектом сознания В.М. Найдыша; идеи мифологической природы паранауки Н.И. Мартишиной; экзистенциальные предпосылки возникновения паранауки, выявленные Р.М. Юсуповым; социальные причины возникновения паранауки, раскрытые Е.Б. Александровым; идеи анализа паранауки в контексте информационного общества В.Г. Сурдина и В.В. Дворникова.

Для выяснения ключевых социокультурных функций паранауки использовались характеристики паранауки как языковой импровизации Н.И. Мартишиной; идея социальной роли паранауки В.А. Лекторского, заключающаяся в создании коммуникации между социальными группами; идея творческой плодотворности паранауки В.М. Найдыша; идея эвристической роли

паранауки Б.М. Чикова и М.Р. Жбанкова; идея прагматической эффективности паранауки Б.И. Пружинина.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ характера описания вненаучного знания в контексте формирующейся науки показал, что существующие концепции вненаучного знания оказываются ущербными в попытках определить природу и значение паранауки. Во-первых, в данных подходах преобладает негативная оценка вненаучного знания, где оно часто трактуется лишь как фальсификация или заблуждение. Во-вторых, характеристика вненаучного знания осуществляется учёными преимущественно с целью решения научно-методологических проблем, что не позволяет объяснить растущую популярность паранауки в современной культуре, выявить её культурные основания и социокультурную роль.

2. Необходимость формулировки собственного авторского определения паранауки обусловлена преобладанием её узкого, одностороннего понимания, либо терминологической избыточностью существующих определений. Поэтому паранаука определяется как совокупность учений, находящихся за границами науки, обладающих самостоятельностью, но использующих научный язык и правила научного описания для обоснования своих идей.

3. Недостаточность обращения к контексту научного знания для понимания значения и природы паранауки заключается в том, что исследование паранауки сводится к решению научно-методологических вопросов и обусловлено игнорированием социокультурного контекста функционирования и динамики науки, а также интерпретацией науки как готового, сложившегося знания. Актуализация социокультурного контекста позволяет выявить способность паранаучного творчества угадывать новые области и направления, которые могут содержать в себе большой потенциал для будущего развития и совершенствования науки, и выполнять, таким образом, роль научного авангарда. Но такая функция паранауки может быть продуктивно реализована только при трансформации представлений о характере современной культуры и, прежде всего, преодолении жесткости демаркационных границ между её сферами.

4. Ключевыми социально-культурными основаниями актуализации паранауки являются: постмодерн, способствовавший размыванию границ между основными областями культуры и росту критики науки как высшего уровня знания; информационное общество, которое привело к увеличению возможностей информационного распространения паранаучных учений, повышению их интерпретативных и коммуникативных свойств, что позволило паранауке лучше обосновывать собственные идеи и более активно влиять на мировоззрение людей; популярная культура, ставшая причиной более лояльного отношения к различным формам культуры, что предоставило паранауке возможность свободно присутствовать в обществе и расширить возможности воздействия на массовое сознание.

5. Паранаука может выступать важным способом обогащения культуры плодотворными идеями, обеспечивая направление поиска новых путей развития и раскрытия человеческого творческого и духовного содержания. Проявляется это в таких функциях паранауки в современной культуре, как психотерапевтическая, коммуникативная, культуротворческая, нарративная.

а) Психотерапевтическая функция паранауки в современной культуре состоит в способности паранаучных учений избавлять индивида от ощущения отчуждённости, одиночества и монотонности повседневной жизни, душевной пустоты, пессимизма и нигилизма, что помогает людям легче преодолевать проблемы и трудности реальной жизни, уходить от депрессий и комплексов, и делает их жизнь интереснее, разнообразнее и эмоционально богаче, удовлетворяя данную потребность в более рационализированных формах.

б) Коммуникативная функция паранауки заключается в её способности создавать сообщества в эпоху глобализации. Такие сообщества становятся наиболее оптимальной и гибкой формой существования людей в современном мире, обеспечивающей равновесие между личностью и обществом, позволяющей людям сохранить интересы и ценности своего сообщества в социуме. Тем самым паранаука организует в обществе публичные пространства, в которых поддерживаются и реализуются общие идеи и желания индивидов.

в) Культуротворческая функция паранауки проявляется в способности паранауки становиться новым этапом в развитии различных форм и жанров искусства и тем самым сферой производства новых культурных ценностей, например, художественных, творческих и экзистенциальных. Паранаука производит новые способы исполнения и формы повествования, к которым относятся паранаучные легенды и былички, выступающие как наукообразные, технологичные и модернизированные формы мифа. Таким образом, воспроизводя древние мифы в современном виде и создавая новые, паранаука способствует формированию культурных ценностей, проявляющих себя в новых художественных жанрах, творческих направлениях и экзистенциальных смыслах.

г) Нарративная функция паранауки в современной культуре проявляется в том, что она способна представлять свои идеи в таких нарративных формах, как рассказ, легенда, история, повесть и выполнять тем самым функцию посредника между наукой и культурой, выражая в приемлемой для массового сознания (нарративной) форме свои идеи.

Степень достоверности результатов проведенного исследования. Достоверность полученных результатов определяется многолетней исследовательской работой, включающей в себя объективный критический обзор российской и зарубежной научной литературы, аналитический и системный подход к решению поставленных задач, учёт статистических данных социальных и психологических служб, анализ данных журналистских расследований, проведение опросов населения и специалистов редакций популярных журналов, посвящённых паранаучной тематике. Достоверность результатов также подтверждается логикой диссертационного исследования, состоящей в последовательной постановке задач и их решении, приведении важных аргументов, на основе которых доказываются выносимые на защиту положения.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. Основные

положения диссертации были представлены на докладах и выступлениях XXXV Международной научно-практической конференции «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (Новосибирск, 2017), Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Художественная культура России вчера, сегодня, завтра: региональный аспект» (Красноярск, 2017), XXXIII Международной научно-практической конференции «Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований» (Новосибирск, 2017), XXI Международной научно-практической конференции «Культура. Духовность. Общество» (Новосибирск, 2015), XXIII Международной научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты» (Новосибирск, 2015), IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Актуальные проблемы человека в инновационных условиях современного образования и науки» (Санкт-Петербург, 2015), XXI Международной конференции «Ребенок в современном мире. Детство и массовая культура» (Санкт-Петербург, 2014), Международной научно-образовательной конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (Казань, 2012), Международном форуме «Современные тенденции психологической науки и практики» (Казань, 2012), Международной научно-практической конференции «Кризис или реформа: современные проблемы развития социально-экономических систем» (Саратов, 2012), 61-й и 62-й научных конференциях «Наука ЮУрГУ» (Челябинск, 2009, 2010).

Публикации по теме исследования. Основные научные результаты диссертации изложены в 24 публикациях, восемь из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК.

1. История возникновения, определение понятия и эволюция паранауки

1.1. Генезис языка описания вненаучного знания в контексте формирующейся науки

Анализ генезиса языка описания вненаучного знания в контексте формирующейся науки необходим, во-первых, с целью выявления научно-исследовательских подходов к вненаучному знанию. Во-вторых, требуется установить причины недостаточной исследованности социокультурных предпосылок возникновения и распространения паранауки в современной культуре. В-третьих, необходимо определить методологические основания и понятия для описания вненаучного знания, а также выяснить характер развития языка описания вненаучного знания.

Важно отметить, что вненаучное знание в каждом историческом периоде имеет свои особенности, отличающиеся от других исторических периодов. Также большое значение имеют критерии, на основе которых определяются различия научного и донаучного знания в конкретном периоде истории. Например, когда в качестве основных берутся критерии, сформированные естественнонаучным знанием в эпохе Нового Времени, тогда к донаучным будут относиться учения, существовавшие до этой эпохи. Если основным полагается критерий рациональности, тогда донаучными будут считаться учения, которые существовали до эпохи Античности, поскольку натурфилософские учения древнегреческих философов являются рациональными.

Рассматривая процесс зарождения и формирования донаучных знаний в эпоху древности необходимо подчеркнуть, что этот вопрос представляет такую же трудность для изучения, как и вопросы о появлении вселенной или первого человека на планете. Социокультурная обусловленность, разнообразие мировоззренческих позиций, большая временная дистанция между древностью и современностью не позволяют дать точные ответы на данные вопросы. По этой причине их, как правило, относят к «вечным». По поводу вопросов и проблем,

имеющих отношение к древнему периоду истории, современная наука располагает лишь множеством различных гипотез. Поэтому появление паранауки в древней эпохе только гипотетически может быть связано с моментом возникновения первых представлений людей древней эпохи о космосе, природе, человеке и других важных духовных и материальных потребностях. Появление данных представлений, их специфика и предназначение сегодня остаются недостаточно изученными. Но исследования современных специалистов в области археологии, антропологии и истории позволяют утверждать о наличии у древних культур глубоких знаний о собственной жизни и об окружающем мире. Эти знания имели сакральный, мистический характер или были связаны с хозяйственной, практической деятельностью. Данные знания являются начальным этапом развития вненаучного знания в форме донаучного.

В современной научной литературе в качестве важного признака донаучных знаний в древнем историческом периоде указывается на религиозные системы, изобретения и открытия в Древнейших культурах Египта, Шумера, Вавилона, Китая, Индии и Южной Америки, включавшие в себя достаточно развитые знания подобные современной математике, астрономии, геометрии, анатомии и химии. Но данные знания не предназначались для познания природы и были в тесной взаимосвязи с религией и мистикой.

Например, Д.И. Заров и А.С. Борщов отмечали, что до возникновения науки человек умел получать достоверные знания и использовать их в практической деятельности [85, с. 27]. Люди обладали развитыми экологическими, медицинскими и космологическими представлениями, которые могли быть более результативными в практическом применении, чем современные научные теории. Представители древности изобрели колесо, открыли севооборот, овладели огнём, нашли возможности приручения и выведения новых пород животных, сортов растений. В это время не ставились задачи и цели исследования, не выдвигались научные гипотезы, но при этом совершались открытия. На Востоке были изобретены книгопечатание, порох и компас. Позже представители науки,

например Коперник, признавали, что свои идеи они заимствовали у древних [85, с. 27].

Также отмечается, что египетские жрецы пользовались десятичным счислением, содержащим специальные значки для десятичных единиц, проводили процедуру умножения и действия с дробями. В задачах Древнего Египта вычислялись объёмы зерна и площади земельных участков. Вавилоняне решали квадратные уравнения с двумя неизвестными и рассчитывали площади фигур. Они знали простые таблицы для умножения кубических и квадратных корней. В Древней Индии присутствовали знания схожие с современной математикой. Например, в священных книгах джайнизма существует число $\pi = \sqrt{10}$. Древние китайцы создали «Девять книг о математическом искусстве». В них были представлены различные способы решения известных в настоящее время задач. Например, теорема Пифагора и задачи с системой линейных уравнений. Для вычисления площади окружности древние китайцы использовали примерное значение числа $\pi = 3$ [85, с. 32].

Донаучному знанию, присутствовавшему в культуре Древнего Востока, даются такие характеристики, как отсутствие механизма выработки нового знания; его практически-прикладной и закрытый характер; отсутствие изменений, необходимости доказывать знание, а также различий между приближёнными и точными способами решения задач [85, с. 32–33].

Также Дж. Бернал, рассматривая древнейшие истоки современной науки, отмечал, что научная деятельность начинается с практических умений первобытного человека. Современная цивилизация, основывающаяся на науке и технике, развилась из обычаев и ремесел прошлого. Ещё до появления науки у человека уже была жизненно необходимая математическая логика в физическом обращении с абстрактными и определенными объектами [24, с. 51].

По мнению А.Б. Демидова, в древневосточных цивилизациях знания, относимые к области астрономии, медицины, математики и механики имели прикладной характер [71, с. 17]. На основе этих знаний создавались культовые и гидротехнические сооружения, дворцы, строительная и боевая техника,

производились землемерные работы, вёлся контроль и учёт хозяйственной деятельности, придумывались календари, предсказывались соотношения небесных светил, исцелялись болезни. Эти знания имели сакральное, магическое значение. Они были предназначены для определенной касты, передавались посвящённым или от родителей детям [71, с. 17]. Некоторые математические и астрономические знания восточных стран использовались древнегреческими учёными. Например, сформулированное в теореме Пифагора знание о соотношении сторон прямоугольного треугольника, появилось в Древнем Китае, Египте, Вавилоне, Индии раньше, чем в Древней Греции [71, с. 17].

Похожее мнение высказывает Т.Г. Лешкевич, указывая на наличие в системе древнейших знаний математики, медицины, химии, геометрии и географии. Древнейший прототип науки представлял собой вкрапление в оккультную сферу, как довольно разработанную и достаточно полную систему знаний. Поэтому можно утверждать, что связь науки и оккультизма является генетической и опирается на происхождение [138, с. 166].

В.И. Арнольд указывал на известность теории Коперника ещё за две тысячи лет до его рождения. Например, египетские жрецы знали о том, в каком порядке идут планеты, об их вращении вокруг Солнца и о теории Ньютона. Данный факт признавал и сам Ньютон. В своих неопубликованных алхимических и теологических трактатах Ньютон упоминает о восстановленных им египетских доказательствах происхождения миров [92, с. 112].

Также современные учёные в качестве признака донаучного знания в древнем историческом периоде отмечают практическую потребность людей [137, с. 96–98]. Например, указывается на то, что в древнем Египте по причине вероятности разливов рек появилась необходимость наблюдения за явлениями природы. Это привело к тому, что были открыты определенные связи между ними. Был создан календарь и обнаружены циклически повторяющиеся затмения Солнца. Жрецы владели гипнозом и знаниями в области математики, медицины, физики, химии, психологии и фармакологии. Также древние египтяне владели иридодиагностикой и искусством мумифицирования [137, с. 96–98].

Поскольку в хозяйственной деятельности в древнем Египте использовались вычисления, поэтому был собран большой комплекс знаний в области математики [137, с. 97]. Например, вычисление площадей, расчет выплат и налогов, подсчет произведенного продукта. Также использовались пропорции, поскольку распределение благ производилось пропорционально социальным и профессиональным рангам. Для практического потребления создавались таблицы с готовыми решениями. Древние египтяне занимались математическими расчётами, необходимыми только для их хозяйственных нужд. При этом они не создавали каких-либо теорий, которые являются важным признаком научного знания [137, с. 97].

Другим примером является изобретение шумерами колеса, цветного стекла, гончарного круга и бронзы. Также они установили, что год равен 365 дням, 6 часам, 15 минутам, 41 секунде. Современное значение: 365 дней, 5 часов, 48 минут, 46 секунд. Для объяснения явлений шумеры использовали аналогии из жизни людей [137, с. 97–98].

Признаки практической обусловленности знаний, существовавших в древности, отмечались также и В.С. Степиным [213, с. 57]. Он предполагает два способа формирования знаний, которые соответствуют зарождению науки – это «преднаука» и наука. Зарождающаяся наука изучает те вещи и методы их изменений, с которыми человек имеет дело в своём обыденном опыте. Для предвидения итогов своих действий человек строит модели таких изменений. Например, египетские таблицы сложения являются схемой практических преобразований, производимых над предметными совокупностями. Такая же связь с практикой находится в первых знаниях в области геометрии, основывающейся на измерениях земельных участков [213, с. 57].

Мировоззрению древней эпохи присущи такие характеристики, как мифологизм, интуитивизм, мистицизм, символизм, синкретизм, магичность, сакральность, образность, ассоциативность, умозаключения по аналогиям.

С приходом эпохи Античности в европейской культуре начало формироваться рациональное мировоззрение, которое было представлено в

натурфилософских учениях древнегреческих философов. К вненаучному знанию исследователи стали относить учения, отличающиеся от рациональных натурфилософских учений. Например, орфизм, орфико-пифагорейские теории, герметизм и гностицизм.

В орфизме познание понималось как мистическое постижение божественной жизни путем аскетизма, нравственного совершенствования и слияния с этой божественной жизнью. Целью орфических таинств было возвращение человека к божественному первоисточнику. Орфический путь познания мира представляет собой путь спасения человека.

Герметизм или герметическая философия представляет собой собрание теософско-окультурных текстов 2-3 веков в форме диалогов, считавшихся откровениями Бога Гермеса. Диалоги написаны в назидательно-проповеднической форме и объединяют в себе гностические греческие, еврейские и египетские религиозные идеи. Герметизм имеет синкретичный характер, поскольку в нём соединились способы философского, религиозного и научного осмысления мира [138, с. 192].

Гностицизм трактуется Н.В. Шабуровым как комплекс религиозных течений первых веков новой эры, в которых главную роль играла категория гносиса. Гносис представляет собой тайное знание о Боге, мире и подлинной духовной природе человека. Такое знание открывало путь к спасению и было доступно только избранным [246].

В эпоху Античности на смену старому мифологическому мировоззрению, основывавшемуся на вере, пришло новое рациональное мировоззрение, полагающееся на логику. Поэтому главной задачей философии было рациональное, то есть разумное объяснение любого явления в окружающей жизни. С помощью астрономических наблюдений, математических и геометрических вычислений древнегреческие философы познавали природу и подтверждали свои философские идеи. Абстрактные философские суждения были во взаимном единстве с конкретными знаниями. Идея поиска мирового

первоначально легла в основу натурфилософских учений древнегреческих философов.

Многие авторы, исследующие проблему соотношения научного и вненаучного знания на этапе античности, отмечают такие критерии, как рациональность, логичность, целесообразность. Например, М.И. Горидько отмечает, что в античности наука являлась составной частью деятельности, которая была направлена на достижение определённой цели [58, с. 30]. Аристотель выделял три вида наук. Во-первых, это теоретические, высшие науки, познающие свой предмет с помощью разума. К ним относятся философия, математика и физика. Во-вторых, практические науки, предметом познания которых являются начала государства, например, экономика, этика, политика. В-третьих, это низшие, ремесленные науки, изучающие искусственные вещи. К ним относятся медицина, строительство, военное дело [58, с. 30].

П.П. Гайденок идеалом античного типа рациональности считает созданную Аристотелем науку о природе – физику. Аристотель был первым, кто создал стройную систему понятий для определения того, что такое движение, а тем самым и первую последовательно продуманную и теоретически обоснованную науку [47, с. 25]. Похожее мнение высказывает и А. Койре, когда характеризует физику Аристотеля как прекрасно разработанную науку, несмотря на то, что она не была математической. Физика Аристотеля не являлась плодом детской фантазии и не состояла из словопрений здравого смысла. Она представляла собой теорию или учение, которое основываясь на данных здравого смысла, подвергало их систематическому и связному объяснению [116, с. 132].

Оценивая античную науку, А.Н. Чанышев отмечал её одновременное появление вместе с философией. По его мнению, первые античные философы, пройдя предварительное обучение в Египте и в Вавилонии, усвоили достижения ближневосточной протонауки. При этом древнегреческие философы стали преобразовывать афро-азиатскую вычислительную математику в дедуктивную науку. Благодаря этому возникла античная философия как рационализированное мировоззрение, находящееся в поисках основы мироздания [241, с. 122].

Исследовательский подход к вненаучному знанию, существовавшему в эпохе Средневековья, имеет некоторые особенности и отличия, связанные с появлением христианского мировоззрения и изменениями в рациональности. Например, П.П. Гайденко, характеризуя средневековый тип рациональности, отмечает два типа рационального знания. Первый тип представляет «знание ради знания». Он предназначен для описания и объяснения различных явлений. Это рациональное знание в обычном, узком смысле слова. Второй тип – «знание ради назидания». Как и знание первого типа, оно опирается на построение картины мира, но эта картина используется не для более глубокого познания явлений, а для изменения установки сознания познающего субъекта и совершенствования его внутреннего мира. Формирование рационального знания, которое способствует совершенствованию внутреннего мира человека, является главной особенностью средневековой культуры [47, с. 115]. Также в средневековом периоде завершается формирование того типа «знания ради знания», которое было основано античной философией. В Средневековье философско-научное знание было логически формализовано с целью его максимальной рационализации. Но рационализм Средневековья имел определённый недостаток, который заключался в стремлении логически формализовать любое содержание [47, с. 115–116]. Унаследовав от античной культуры тип образовательной и научной деятельности, основанной на исследовании священных текстов, христианство пополняло свой круг авторитетов. К концу Средневековья христианство почти полностью включило в себя всю предшествующую европейскую культуру, обогатив её собственным духовным опытом изучения и создания священных текстов. Появление университета привело к изменению европейской рациональности, отказавшейся от школьного авторитарного знания. Намеченная в поздней Античности дисциплинарная система знания получила самостоятельное развитие [47, с. 164–165].

А.В. Кураев и В.И. Кураев, оценивая средневековую рациональность, говорят о возможной рационализации знания полученного нерациональным путем. Христианское богословие является примером рационализации

религиозной веры. Например, в сочинениях Иоанна Дамаскина или Фомы Аквинского можно встретить суждения, где мысль развивается как логически последовательное движение от одной дефиниции к другой. Почти во всех богословских сочинениях этого периода присутствует склонность к максимальной рационализации веры и формулированию её в строгих логических формах [93, с. 92]. При этом отношения между верой и рациональностью не являются противоречивыми. Религиозная вера в её христианском смысле не является разновидностью рациональности. Религиозное знание скорее относится к сверхрациональному. Оно выходит за рамки норм научной рациональности как высшего продукта этой рациональности [93, с. 94].

В эпохе Средневековья философия и теология являлись главными интеллектуальными формами, которые претендовали на истину. Естествознание и изучение природы отсутствовало вплоть до позднего периода Средних веков. Путь к истине понимался как результат религиозной веры, поэтому изучение природы не имело первостепенного значения по отношению к истинам откровения. Центральной темой стало взаимоотношение веры и разума. Познание природы в средневековой эпохе было подобно расшифровке текста. Значительную роль в понимании истины играла трактовка истории. Как отмечал М.А. Барг, «Вместе с евангелием верующий усваивал ту непреложную истину, что ключ к познанию мира не в естественном порядке вещей, как полагали римляне, а в истории человека. Именно здесь проходила грань между двумя культурно-историческими эпохами – античностью и средневековьем [23, с. 152]». С развитием историзма в средневековом христианстве происходило постепенное разделение научного и морального аспектов, которые раньше были в тесной взаимосвязи. Данный процесс послужил основой для формирования научного мировоззрения в эпохе Возрождения.

В позднем Средневековье произошел переход от концептуального реализма к номинализму. Данный переход представлял обращение к конкретным вещам. Это также способствовало появлению науки в эпохе Возрождения. Важную

роль здесь сыграли и такие древнегреческие теории, как атомизм Демокрита и философия математики неоплатоников.

В средневековой культуре происходило постепенное развитие естественнонаучных понятий в контексте философии и технических познаний в сфере сельского хозяйства и ремесел. Эти факторы также привели к возникновению естественных наук в эпохе Ренессанса.

Оценивая характер вненаучного знания в эпохе Возрождения, многие исследователи указывают на пантеистические представления о природе. Например, немецкий врач, алхимик и астролог Парацельс представлял природу как живое целое с невидимым астральным телом, которое понималось как мировая душа, деятельное начало природы, близкое к аристотелевскому эфиру и квинтэссенции в алхимии [190]. Благодаря параллелизму микрокосмоса и макрокосмоса любой человек, овладевший тайными средствами, может магически воздействовать на природу. Самопознание аналогично природознанию, помогает обуздать силы природы и подчинить их человеку. Учение Парацельса основывалось на платоновско-пифагорейской традиции и герметизме [190].

Б.И. Пружинин, рассуждая о специфике вненаучного знания в эпохах Средневековья и Возрождения, отмечает наличие магии и колдовства. По его мнению, в истории почти всех наук были периоды, когда они формировались в тесном взаимодействии с псевдознанием. В эти периоды научное познание подчинялось псевдонаучному, которое было направлено на прагматическое использование его результатов. Такие отношения науки и псевдонауки складывались, например, внутри различных типов магии во время Позднего Средневековья и Возрождения [185, с. 315]. Суеверия и фольклорные представления в эпохе Средневековья являлись той духовной средой, в которой существовало колдовство. Колдовство в конце Средних веков приобрело в массовом сознании статус «законного» составного элемента социокультурной среды [185, с. 317–318]. Рассматривая рациональный подход к исследованию колдовства в Средневековье, Пружинин Б.И. указывает на попытки построения научной, опытной «демонологии». Рациональное обоснование необходимости и

методов борьбы с ведьмами привело к появлению большого количества демонологической литературы, которая включала в себя строгие классификации и детальные описания [185, с. 323].

Основной причиной интеллектуализации магии Пружинин Б.И. считает неоплатонизм, который служил мировоззренческой основой для реализации естественнонаучных установок. Аристотелизм в отличие от неоплатонизма настаивал на духовных основаниях магии и способствовал распространению в схоластике веры в ведовство. Таким образом, интеллектуализация магии превращала её в форму становления естествознания, причем масштабы этого процесса дают право говорить о соответствующем этапе в становлении научного познания [185, с. 325]. По предположению Б.И. Пружинина, пути науки и псевдонауки расходились по степени ориентированности на прагматическую пригодность своих результатов [185, с. 331].

По поводу прагматической обусловленности и прикладной направленности средневековой магии также высказывался А.Я. Гуревич, упоминая про магические заклинания женщин над ткацкими станками и тканями, которые должны были способствовать их работе. Всё это создаёт впечатление того, что в эпоху неразвитости техники и безразличия к ней магия становится её заменителем [66, с. 140–141].

Зарубежный учёный Дж. Агасси, исследуя соотношение научного и вненаучного знания в эпохе Возрождения, отмечает, что интеллектуальная деятельность 17 века ещё содержала в себе признаки религиозного мировоззрения. В этих условиях зарождающаяся наука могла проявлять себя только в форме «естественной религии», читающей «книгу природы» аналогично христианской религии, интерпретирующей Библию. Данный образ науки имел натуралистические черты, поскольку был основан на гипотезе о «естественном субъекте», «естественном способе познания», представляющем собой индивидуальное исследование, отображающее природу независимо от социальных норм [266, с. 28]. Наука понималась как «минимальная религия». Если религию образуют доктрины, включающие в себя истины откровения и

ритуалы, то есть обряды посвящения, то и наука трактовалась также: доктрины, включающие в себя установленные истины и ритуалы, то есть исследования. По мнению Дж. Агасси в 19 веке эта рациональная реконструкция науки, идущая с одной стороны от Бэкона, Гоббса и Руссо, а с другой стороны от Кеплера, Галилея и Беркли уступила место взгляду Э. Дюркгейма на зарождающуюся науку как магию [266, с. 28]. Данный подход был социально обусловлен отделением науки от религии в ходе институционализации [266, с. 28]. Такая смена идеалов рациональности показывает, что конкретно-историческая оценка науки, религии и магии обусловлена не их природой, а меняющимся социальным контекстом [266, с. 28]. Поэтому первобытные танцы дождя и современная техника рассеивания облаков могут считаться одинаково рациональными, как по практическим следствиям, так и по скрытым предпосылкам, отражающим специфику исторического отношения человека к природе [266, с. 28].

П.П. Гайденко, рассматривая тип рациональности, формировавшийся в эпохе Возрождения, указывает на то, что существовавшая до Галилея физика в 16 веке ещё разделяла убеждение аристотеликов в том, что математика и физика имеют дело с различными предметами [47, с. 38]. Например, математика работает с отвлечёнными конструкциями, а физика с материальными телами и их движениями [47, с. 38]. Аристотелевская физика не была наукой математической. Перед Галилеем стояла задача доказать, что между физическим движением и его математической моделью не существует различия [47, с. 38]. Сближая математический и физический объекты, настаивая на важности изучения идеализованных объектов, а не явлений эмпирического мира, Галилей формирует основные черты нового типа рациональности [47, с. 43]. Данный тип рациональности, во-первых, устраняет непроходимую границу между физикой, объясняющей причины движения, и математикой, позволяющей описать это движение, то есть сформулировать его закон [47, с. 43]. Во-вторых, упраздняется различие между математикой и физикой как науками, с одной стороны, и механикой как искусством, с другой [47, с. 43]. В-третьих, новый тип рациональности отменяет старое представление о том, что математика является

наукой о неизменных сущностях [47, с. 43]. Таким образом, начинает формироваться новый тип математики, способный описывать движение и устанавливать законы изменения. В-четвёртых, он приводит к убеждению в том, что для физики законы, описывающие процессы изменения явлений, важнее умопостигаемых причин [47, с. 43].

Оценивая социальный статус науки в эпохе Возрождения, П.П. Гайденко отмечает, что наука обретает свой язык, входит в социальные структуры и формирует новый жизненный мир европейцев [47, с. 178]. Научное знание становится единственным надёжным источником культурного и социального переустройства мира, делом самосознающего разума освобождающегося от власти авторитета как принципа культуры и знания, как источника их легитимизации и трансляции. Знание теперь представляет собой не готовую мудрость, а строгое исследование [47, с. 178]. Переход от мистически обусловленных онтологии и космологии Возрождения к науке Нового времени привёл к тому, что знание стало превращаться в познание. Об этом также свидетельствует его методологизация и гносеологизация [47, с. 179].

Рассматривая рациональность Нового Времени, Александр Койре указывал, что из науки этого периода изгоняются все рассуждения, упоминающие о ценностях, совершенстве, гармонии, смысле и цели. Из науки исчезают формальные и конечные причины, а остаются только действующие и материальные [116, с. 30].

В.А. Лекторский, исследуя с точки зрения сциентизма соотношение и взаимосвязь научного и вненаучного знания в эпохе Нового времени отмечает, что сциентизм не отрицает наличие глубокого взаимодействия науки, философии и религии в процессе формирования современного научного знания. Примером является влияние религиозно-мистических интересов Кеплера на его научные открытия, философских размышлений Декарта на картезианскую программу в физике или алхимических исследований Ньютона на понимание им механики. Основатели науки Нового Времени были религиозными людьми. Но тот тип

научного мышления, который они сформировали, предполагает отношение к миру, принципиально отличное от религиозного отношения [135, с. 39–42].

В.С. Степин, характеризуя классическую рациональность, отмечает, что классическая наука не осмысливает свою обусловленность преобладающими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями [213, с. 633].

Необходимо отметить, что на соотношение научного и вненаучного знания в эпохе Нового Времени повлияло окончательное разграничение религиозного и научного знания, формирование механистической картины мира и появление механистического материализма. Также сформировались критерии научности классической науки. К ним относятся следующие: 1) Объективность, когда окружающий мир понимается в качестве познаваемого объекта; 2) Истинность, где научное знание воспринимается как главная истина, предстаёт как самое правильное и точное среди других типов знания; 3) Интерсубъективность (общезначимость), то есть любое научное открытие обязано получить признание всего научного сообщества; 4) Универсализм (фундаментализм), когда наука должна предоставить достоверное и обоснованное знание; 5) Опытность, где научное знание подтверждается опытом, осуществляемым на основе наблюдения, измерения и эксперимента; 6) Воспроизводимость, то есть научный эксперимент воспроизводимый много раз показывает неизменные результаты.

Данные критерии также стали служить основанием для отличия научного знания от вненаучного. Любое знание, не соответствующее этим критериям на данном историческом этапе развития науки, признавалось вненаучным.

Оценивая критерий интерсубъективности в классической науке, И.В. Черникова отмечала, что он помогал отстоять самостоятельность и независимость нового знания от средневекового религиозного мышления. Из науки исключались высшие смыслы, целевые причины и субъективность. Признавались только действительные причины, природа виделась простой, лишённой качественности и смыслов, подобной механизму [244, с. 104]. Происходило постепенное формирование физического типа научности, начатое

Френсисом Бэконом, считавшим эксперимент основным методом, ведущим к истине [244, с. 104].

Сопоставляя традиционный и современный подходы к рациональности, В.С. Швырев выделяет следующие особенности классической рациональности [250, с. 171–173]:

1) Направленность рационального сознания на миропорядок, существующий независимо от субъекта. При этом сохраняется возможность его различного философского объяснения. Предпосылки воспроизведения данного миропорядка в рациональном сознании не являются предметом специального познания. Рациональное сознание направлено на прямое наблюдение и познание исследуемого предмета.

2) Ориентация на «закрытость» и движение в принятой системе координат.

3) Монологизм и стремление к отстаиванию единственной претендующей на истину позиции.

4) Установка на абсолютную рационализацию ментальности, игнорирование или недооценка внерациональных форм культуры и ментальности.

5) Сведение ответственности субъекта рациональности к «твёрдой почве» эмпирического базиса, логической истинности и интеллектуальной интуиции.

6) Направленность на то, чтобы исключить ценности «человеческой» размерности знания.

7) Рациональность понимается как прослеживание связей «готового» Бытия.

8) Рациональное сознание как воспроизводство внешней данности противопоставляется проектно-конструктивной деятельности сознания и познания.

9) Рациональное познание абстрагируется от контекста социальной деятельности.

10) Рациональность противопоставляется творчеству, свободе и риску. Ориентация на рациональность связывается с попытками ухода от драматизма человеческого бытия [250, с. 171–173].

В неклассическом периоде развития науки, следующем за классическим, произошли важные изменения в понимании и оценивании вненаучного знания. Возникновение и развитие неклассической науки занимает временной интервал от начала 19 до середины 20 века. Данный период многие исследователи описывают как время великих научных открытий, которые привели к изменению научной рациональности и повлияли на дальнейший ход развития научного и вненаучного знания. К наиболее значимым событиям в неклассической науке учёные относят изменения, произошедшие в фундаментальной и прикладной научных областях. Например, в космологии на место теории иерархической Вселенной К. Шарлье пришла теория эволюционирующей Вселенной Фридмана. В математике программу формализации Д. Гильберта заменила теорема К. Гёделя о неполноте. В физике релятивистская и квантовая механика пришла на смену механики Ньютона. В методологии эпистемологический анархизм постпозитивистов сменил логическую программу Венского кружка. Важными явились открытия элементарной частицы – электрона Дж. Томпсоном, ядра атома Э. Резерфордом, кванта М. Планком. Теория относительности А. Эйнштейна показала, что пространство и время не являются абсолютными, связаны с материей и движением между собой. В науке произошёл отказ от основных критериев позитивистской научности – фундаментализма, универсализма, интересубъективности и кумулятивизма.

Оценивая характер вненаучного знания в контексте развития неклассической науки, исследователи подчёркивают важность духовной ситуации, сложившейся в европейской культуре в конце 18 – начале 19 веков. Данную ситуацию часто характеризуют как «усталость» от научного рационализма. По мнению многих мыслителей, европейская культура, основанная на принципах научного рационализма, к началу 19 столетия исчерпала себя, и её дальнейшее развитие представлялось невозможным. Об этом говорит появление таких культурных направлений, как романтизм и символизм, а также возросший интерес к мистицизму. В философии наблюдался расцвет иррационализма, а позже началось развитие постпозитивизма. Среди мистических учений наиболее

популярным становится антропософия. Данные направления также способствовали развитию вненаучного знания и появлению такой его формы, как паранаука. Поэтому анализ этих культурных и научных направлений стал одной из главных тенденций в исследованиях вненаучного знания в контексте развития неклассической науки. Например, Б.И. Пружинин, описывая роль постпозитивизма в отношениях науки и паранауки, отмечает, что с точки зрения постпозитивистской философии науки попытки использования методологических норм для оценки научного статуса знания в аспекте установки на рост знания воспринимаются как наивный кумулятивизм. В результате направленность познания ученых теряет внутреннюю определенность. Также теряют смысл попытки различать паранауку и науку с помощью формальных методологических норм. Нарушение этих норм в какой-либо системе представлений о мире, независимо от контекста познавательного использования этой системы ещё ни о чем не говорит, поскольку познавательный статус их нарушения в научных системах или парадигмах оценивается по-своему. В том числе и в паранаучных парадигмах [185, с. 309–310].

Необходимо указать на то, как развивался и обогащался язык описания вненаучного знания в контексте развития классической и неклассической науки. Например, для описания вненаучного знания в контексте развития классической науки выделялись новые методологические основания и понятия. К ним относятся характеристики мифологического и рационального мировоззрения; признаки доантичного и античного типов мышления; протонаука древних восточных государств; средневековые религиозные и магические практики и учения; пантеистические представления эпохи Возрождения; критерии научности, сформулированные в эпоху Нового времени. Таким образом, при описании вненаучного знания в контексте развития классической науки, учёные выделяют понятия и причины преимущественно внутреннего, то есть научного и культурного характера.

При описании вненаучного знания в контексте развития неклассической науки исследователи указывают на причины внешнего характера. К ним можно

отнести социальные, экономические и политические процессы, происходившие в 19 веке в Европе. Среди них отмечается рыночная торговля, демократия, частная собственность, промышленное производство. Данные процессы способствовали тому, что во многих сферах общества стали появляться новые формы удовлетворения материальных и духовных потребностей. Начали возникать первые научные лаборатории, работающие на промышленность и такие технические изобретения, как паровоз, двигатель внутреннего сгорания, телефон, кино, радио. Открытия фундаментальных наук всё чаще применялись в прикладных областях, которые направлены на обслуживание интересов общества.

Также в научно-исследовательской литературе указывается на важную роль позитивизма, который привёл к возникновению новых наук – психологии, социологии и генетики, основывающихся на критериях естествознания. Вслед за ними появилась такая новая форма вненаучного знания, как парапсихология, которая также была востребована в обществе и активно конкурировала с официальной научной психологией за интересы массового сознания. Термин «парапсихология» и греческое слово «пара» («παρά») впервые были введены в научную терминологию немецким философом Максом Дессуаром в 1889 году. М. Дессуар был основоположником критического анализа парапсихологических феноменов и проводил систематические наблюдения за медиумами. Поэтому он был первым, кто выделил понятие паранауки в сфере вненаучного знания. Таким образом, язык описания вненаучного знания в контексте развития неклассической науки обогащался новыми методологическими основаниями и понятиями.

Особое внимание при исследовании вненаучного знания в контексте развития неклассической науки учёные уделяют проблеме рациональности. Например, П.П. Гайденко отмечает, что в 19 веке понятие рационального всё чаще совпадало с понятием научного. Научное стало пониматься как объективное, обоснованное, предсказуемое, аналитический подход, дедуктивная выводимость, калькулируемость, то есть вычисляемость, реализация и повторяемость экспериментов, intersубъективность результатов [47, с. 205].

Также В.С. Степин, характеризуя неклассический тип рациональности, указывал на то, что на данном этапе связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями не являлись предметом научного анализа. Но имплицитно, научный анализ определял характер знаний, что именно и каким способом учёные выделяют и осмысливают в мире [213, с. 633].

Таким образом, анализ генезиса языка описания вненаучного знания в контексте развития неклассической науки показал следующее. Во-первых, проблема вненаучного знания актуализируется в научной литературе в связи с попытками учёных понять глубокие изменения, начавшиеся в науке и научной рациональности неклассического исторического этапа.

Во-вторых, научной рефлексии подверглась сфера материальных интересов и потребностей общества, где вненаучное знание активно конкурировало с научным. Учёными было осознано, что в прагматическом смысле массовое сознание для реализации практических целей начало возлагать большие надежды на научное и вненаучное знание в равной степени. Пригодность научного и вненаучного знания стала определяться массовым сознанием в зависимости от способности этих знаний разрешать духовные и материальные проблемы.

Рассмотренные научно-исследовательские подходы к вненаучному знанию в контексте развития классической и неклассической науки приводят к выводу об их недостаточности для осмысления феномена паранауки на современном, постнеклассическом этапе. Проявляется это, во-первых, в том, что эти подходы направлены на понимание вненаучного знания преимущественно в научно-методологическом аспекте, где слабо учитываются социокультурные основания. Во-вторых, в данных подходах преобладает негативная оценка вненаучного знания, где оно часто приравнивается к ошибочным представлениям или фальсификации.

Причиной вышеназванных недостатков является классическое понимание науки, основанное на устаревших теоретико-методологических представлениях, в которых преобладает строгий критериальный подход к определению границы между научным и вненаучным знанием. Ограниченность критериального подхода

становится заметной в научно-исследовательской литературе ещё в то время, когда происходило осмысление важных изменений в основаниях неклассической науки. Наибольшим образом это проявилось на постнеклассическом этапе развития науки, поскольку критериальный подход не позволял правильно определить сущность паранауки и оценить изменение её роли в контексте развития постнеклассической науки.

Для решения данной проблемы потребуется обратиться к анализу постнеклассической рациональности, которая отражает глубокие изменения, начавшиеся в науке и культуре на постнеклассическом историческом этапе.

Постнеклассический этап развития науки занимает временной интервал от середины 20 века до современности. Исследователи данного периода обращают внимание на важные процессы и явления, затронувшие основания научного и вненаучного знания. Во-первых, они указывают на появление новых форм вненаучного знания, среди которых наиболее известными становятся лженаука, псевдонаука, квазинаука, антинаука. К ним стали относить уфологию, криптозоологию, экстрасенсорику, волновую генетику, теорию торсионных полей, парапсихологию, а также учения, появившиеся ещё в древнем историческом периоде – астрологию и нумерологию.

Во-вторых, в научной литературе становится актуальной проблема рациональности. В частности, указывается на то, что культурно-исторические предпосылки и социокультурные основания паранауки определяются теми изменениями и тенденциями, которые начали проявляться в основах рациональности. Учёными отмечается, что в постнеклассической рациональности преобладают социокультурные исследования, а также представления о неустойчивости и неравновесности окружающего мира. Например, В.С. Степин рассматривает переход к постнеклассической рациональности в контексте обращения науки к новому типу объектов, которыми являются сложные саморазвивающиеся системы. К ним он относит такие «человекообразные» объекты, как экологические системы, биосфера и объекты биотехнологий. Получаемые знания начинают соотноситься не только со средствами

деятельности, но также и с ценностно-целевыми структурами [210, с. 16]. Е.М. Сергейчик отмечает такую характеристику постнеклассической рациональности как интеграция наук, которая выражается в плюрализации подходов, ломке иерархических структур познания и делении рациональности на несоизмеримые типы при одновременном существовании различных идеалов разума [203, с. 14–15]. Проявление интегративной тенденции в постнеклассической рациональности видится также в создании новых дисциплинарных синтезов в системе научного знания и в пересмотре границ научности. В результате этого начали рассматриваться научные и ненаучные формы мышления, научная рациональность и другие типы рациональности.

Среди других важных признаков постнеклассической рациональности учёные отмечают возможность выхода за границы рационального познания, равноценность и единство различных методологических и мировоззренческих позиций, коммуникация с внерациональными формами культуры, междисциплинарный подход к познанию любых проблем и явлений, принятие ранее полагавшихся внерациональными различных типов рациональности, которые не зависят от научной рациональности. К таким типам относятся религия, искусство, миф.

По мнению В.С. Швырева, рациональность в науке начинает рассматриваться только в плане технологии реализации отдельных парадигм и исследовательских программ, как внутрипарадигмальная рациональность, нормы и критерии которой действуют только в рамках соответствующей замкнутой концептуальной системы [250, с. 29]. Сопоставляя традиционный и современный подходы к рациональности, В.С. Швырев отмечает следующие особенности рациональности на современном, постнеклассическом этапе её развития [250, с. 171–173]:

- 1) Рациональность предстаёт как метарациональность, которая включает в себя критико-рефлексивное отношение к своим предпосылкам. Предметом рационального сознания является деятельность по выработке рационального знания на основании имеющихся познавательных предпосылок и средств.

Развитие позиции метарациональности приводит к тому, что предметом анализа становятся не только познавательные, но и социокультурные и ценностные предпосылки рациональности.

2) Установка на открытость и возможность выхода за границы любых сформированных предпосылок рационального познания.

3) Диалогизм и признание равноценного существования несводимых друг к другу различных позиций.

4) Признание невозможности абсолютной рационализации отношения человека к миру. Направленность на диалог с внерациональными формами культуры и ментальности.

5) Субъект рационального сознания не может перекладывать свою ответственность на авторитет какой-либо внешней к нему когнитивной инстанции.

6) Ценности «человеческой» размерности включаются в «тело» знания.

7) Рациональность представляется как конструктивная работа в условиях соревнующихся позиций развивающихся в проблемной ситуации.

8) Рациональное познание понимается как конструктивная деятельность по «доставанию» проблемной ситуации и как частный момент рациональной деятельности вообще.

9) Рациональное познание рассматривается в аспекте социального действия, которое ориентировано на позицию Другого.

10) Рациональность понимается как осознанная необходимость свободы и риска человеческого «поступка». Данное понимание рациональности присутствует и в сфере познания [250, с. 171–173].

П.С. Гуревич, характеризуя современную рациональность, указывает на современные исследования разных видов духовной деятельности людей, которые показали утрату монополии науки и научного мышления на рациональность. Каждая форма духовной деятельности обнаруживает собственную рациональность и логику, то есть объективную упорядоченность, несводимую к другой, например, к научной. Поэтому можно говорить о существовании

различных форм «рациональности», имеющих у мифа, искусства, морали и религии, которые раньше представлялись как внерациональные [67, с. 215].

Необходимо отметить, что познание в постнеклассической науке понимается как реализующееся во всех видах человеческой деятельности. Знание содержит в себе формы вненаучного знания и полагается как основа человеческого бытия, культурно-исторический феномен, который определяется различными когнитивными практиками. Так, например, В.С. Степин отмечает, что постнеклассическая научная рациональность учитывает соотнесённость знаний об объекте не только со спецификой средств и операций деятельности, но и с ценностными и целевыми структурами [213, с. 633]. Также выявляется соотношение внутринаучных целей и ценностей с вненаучными [213, с. 633].

Л.А. Микешина, оценивая классическую и постнеклассическую науку, указывает на то, что познание в классической науке представляло собой поверхностно-логический процесс, в котором не просматривалась реальность самих познавательных актов. Но в постнеклассической науке происходит отказ от понимания теории познания как теории отражения. Появляется необходимость разработать такое понимание чувственного познания, которое будет учитывать единство образного и знакового, отражательного и интерпретирующего моментов, а также личностное знание субъекта [160, с. 38]. Исходя из данного суждения, можно сделать вывод, что модель знания в постнеклассической науке характеризуется тем, что познавательный, интерпретативный опыт формирует саму реальность, само бытие. Это проявляется и в том, что специфика постнеклассической науки характеризуется наличием комплексных исследовательских программ и междисциплинарных исследований, в которых участвуют специалисты из различных научных областей.

Исследуя постнеклассическую рациональность, И.В. Черникова обращает внимание на то, что знание в ней представляется не как ментальная копия объекта, а как средство адаптации к окружающей среде. Критерии научности не predetermined теорией, а доопределяются жизнью и сопоставляются с реальной практикой науки [243, с. 34]. В данном контексте паранаучные учения являются

примером того, когда ценность знания определена не научно-методологическими критериями, а социальной и прагматической пригодностью. В паранауках также существуют попытки «доопределения» критериев научности, но не в соответствии с реальной практикой науки, а в соответствии с интересами и потребностями общества. Поэтому паранаука проявляет высокую адаптацию к окружающей среде.

По мнению К. Хюбнера, в постнеклассической рациональности сохранились следующие признаки рациональности: познаваемость, обосновываемость, ясность, последовательность, общеобязательная приемлемость [239, с. 219]. Данные признаки имеются и в паранауке. В методологическом плане паранаука создаёт имитацию познаваемости, обосновываемости, последовательности и ясности. В социальном смысле паранаука является более доступной и понятной для массового сознания, её идеи легко и быстро усваиваются, она не требует от человека специальной профессиональной подготовки. Но в паранауке нарушается общеобязательная приемлемость, поскольку идеи одной паранауки могут быть не признаны другими паранауками, а также официальными науками.

Необходимо отметить, что актуализация культурного и социального аспектов рациональности становится заметной и на примере различных определений данного понятия, появившихся на постнеклассическом этапе.

Например, Попов В.В и Щеглов Б.С. определяют рациональность как человеческую деятельность, которая осуществляется в соответствии с правилами, ценностями, нормами и идеалами, способствующими достижению поставленных целей и удовлетворяющими определенным социальным потребностям [180].

Н.С. Автономова выделяет два подхода к рациональности: прагматико-функционалистский и ценностно-гуманитаристический. Прагматико-функционалистский подход ориентируется на науку, в которой применяются строгие формы и средства упорядочения и систематизации материала. Этот подход применяется и там, где эмпирия содержательно может быть не готова к таким операциям. Данного подхода придерживаются большинство современных позитивистских и постпозитивистских построений [4, с. 57–58]. Ценностно-

гуманитаристический подход характеризуется ограничением или отрицанием тех функций разума, на которых основывалась рассудочная форма позитивистской науки. Этот подход направлен на спонтанность эстетического, этического, политического и религиозного действия. В более чистом виде данный подход представлен в экзистенциализме и персонализме. В менее чистых формах он присутствует в современных философских концепциях субъективности [4, с. 57].

Л.А. Микешина отмечает, что в современном научном сознании было уточнено понимание рациональности как *ratio*, разумности, которая предполагала целесообразность, систематичность, согласованность, упорядоченность, передаваемость и логичность суждений и поведения [159, с. 74]. Выяснилось, что рациональность и логичность не совпадают полностью, как это раньше считалось в европейской традиции. Законам логики могут подчиняться ошибочные и бессмысленные суждения. Также стало ясным, что существует рассудочная рациональность, которая жестко следует правилам и определениям, и разумная рациональность, которая подвергает критическому анализу основания всех правил и определений [159, с. 74]. Целью разумной рациональности является создание новых понятий, определений, норм и критериев, опираясь не только на логику, но и на творческие, интуитивные предпосылки [159, с. 74].

По мнению А.В. Юревича, в современной науке нормативные основания построения знания и общие критерии его рациональности являются исторически изменчивыми [264, с. 110]. Критерии рациональности могут меняться в пространстве и во времени. Их пространственная изменчивость состоит в том, что каждая культура вырабатывают собственные критерии рациональности. Примером этого являются западная и восточная, особенно индийская и китайская, наука [264, с. 110].

И.Т. Касавин считает рациональной такую деятельность, которая способна эффективно удовлетворять социальную потребность. Когда удовлетворение социальной потребности способствует социальному прогрессу, тогда она является рациональной [104, с. 64–65]. Если социальная потребность не имеет к социальному прогрессу реального отношения, тогда она считается

нерациональной. В том случае, когда социальная потребность противоречит социальному прогрессу, тогда она иррациональна [104, с. 64–65].

По мнению И.Т. Касавина, рациональность представляет собой, во-первых, структуру человеческой деятельности, с помощью которой происходит познание человеком мира и самого себя [103, с. 206–207]. Во-вторых, рациональность выступает как неявная деятельностная установка, благодаря которой человек начинает действовать, поскольку чувствует себя способным к действию и видит в нём смысл [103, с. 206–207]. В-третьих, рациональность культуры связана с её включённостью в социальную систему и с устойчивым существованием в ней.

Также И.Т. Касавин выделял основания для формулировки обобщённых типологий рациональности:

Во-первых, способ освоения действительности служит основанием для практической, духовно-практической и теоретической рациональности.

Во-вторых, тип субъекта является основой для общесоциальной, групповой и индивидуальной рациональности.

В-третьих, степень рационализации может быть основанием для формальной, содержательной, сущностной и мнимой рациональности.

В-четвёртых, характер потребности служит основой для основной, производной, заимствованной и изобретённой рациональности.

Данные типологии позволяют углублённо исследовать рациональность и выяснить, почему одно и то же явление может быть одновременно рациональным, нерациональным и иррациональным исходя из ситуации его проблематизации [103, с. 195].

Рассматривая псевдонаучную рациональность, Касавин И.Т. отмечал три ситуации её проблематизации [103, с. 204–205]. Во-первых, под наукообразной формой понимается идеологическая концепция, часто реакционная. Во-вторых, незрелая наука может стремиться к статусу зрелой науки. В-третьих, в форме науки может быть некоторое практическое искусство, возможность превращения которого в науку вообще неясна [103, с. 204–205]. Только исследование

конкретных условий, в которых какая-либо социальная группа представляет одну из таких концепций, может определить их рациональность.

Понятие рационального имеет тесную взаимосвязь с понятием иррационального. Е.М. Сергейчик выделяет несколько значений иррационального знания, которые могут проявляться в паранауке:

Во-первых, иррациональное понимается как нечто непостижимое, не оформленное «логосом» или мистическое, например природа Божественного [203, с. 54]. Данное понимание иррационального присутствует в паранаучных учениях, основывающихся на мистических озарениях и интуитивных ощущениях. Например, парапсихология и экстрасенсорика.

Во-вторых, иррациональное трактуется как дорациональное, когда оно ещё не вошло в сферу рефлексии и не осмыслено, но подлежит познанию и осмыслению [203, с. 54]. Среди паранаучных учений примером является космонавтика К.Э. Циолковского или гелиобиология А.Л. Чижевского.

В-третьих, иррациональное представляется как внерациональное, неосознаваемое и неявное по отношению к сознанию, оно не контролируется человеком, но принадлежит к явлениям сознания. Это есть бессознательное [203, с. 54]. Многие паранаучные учения полагаются на такие бессознательные основания, как архетипы, архаичные формы сознания, мифологические и фольклорные символы и образы. Примерами являются уфология и криптозоология.

В-четвертых, иррациональное объясняется как инорациональное, основанное на других правилах и стандартах, которые отличаются от традиционно принятых [203, с. 54]. В паранауках также присутствует имитация правил и стандартов официальной науки, либо изобретаются свои собственные.

В-пятых, иррациональное понимается как нечто неадекватное существующим целям или нереализуемость этих целей [203, с. 54–55]. Примером являются паранаучные идеи вечного двигателя, машины времени или торсионных полей.

Также Е.М. Сергейчик отмечает, что точное определение границ между рациональным и иррациональным является невозможным по причине их историчности. То, что вчера считалось рациональным, сегодня может восприниматься как иррациональное и, наоборот [203, с. 55].

П.П. Гайдено в структуре иррационального выделяет дорациональное и сверхрациональное. Под сверхрациональным понимается не только мистическое, но также и те особенности научной и философской мысли, которые определены ценностным аспектом. Они входят в общий объём рационального, но не уместаются в его границах и при этом существенно влияют на него [47, с. 52].

Зарубежный учёный Г.В. Мортимор представил шкалу возрастающих требований к рациональности от полной иррациональности до полной рациональности [275, с. 106]:

1) действие, осуществляемое по каким-либо причинам, например, импульсивные и бессознательные действия;

2) действие по осознаваемым причинам;

3) действие по причинам, прояснённым рефлексией;

4) действие по вполне обоснованным практическим причинам;

5) действие соответствующее нормам практической рациональности;

6) действие, основывающееся на сравнении и выборе путей и средств исходя из цели;

7) действие, соответствующее иерархии целей, которые не зависят от потребностей индивида [275, с. 106].

Таким образом, рассмотренные социокультурные аспекты постнеклассической рациональности позволяют определить характер паранауки и выявить специфику её отношения с официальной наукой. Выясняется, что на постнеклассическом этапе актуализируется социокультурный аспект рациональности, определяющий характер паранауки и позволяющий ей свободно существовать в современной культуре. Например, если рациональность начинает учитывать социальные потребности, нормы и ценности, то паранаука также начинает ориентироваться на них в своих теоретических построениях и

практических изобретениях. Когда рациональность делает акцент на этическом или эстетическом аспектах, тогда паранаука, соответственно, начинает включать в свои учения самые актуальные в современном обществе этические или эстетические идеи.

Важно отметить, что паранаука в контексте развития постнеклассической науки выступает как попытка восстановления некоторых признаков классического периода науки, утраченных современной наукой. Например, к таким признакам относится единство знания, когда теория представляет себя как универсальную и обобщающую все знания о конкретных предметных областях.

Таким образом, анализ генезиса языка описания вненаучного знания в контексте развития постнеклассической науки позволил выявить глубокие причины присутствия паранауки в современной культуре и обществе. Выясняется, что паранаука имеет свою структуру, способы интерпретации, методы познания и картину мира. Поэтому паранаука в контексте постнеклассической рациональности становится самостоятельной областью знания, имеющей собственный язык и категории. Это позволяет ей активно влиять на науку, общество и всю культуру в целом.

В контексте постнеклассической рациональности большую актуальность приобретает социокультурный аспект. Также постнеклассическая рациональность допускает возможность одновременного, равноценного и совместного существования различных типов рациональности. Данные изменения также предоставили возможность паранауке оказывать влияние на культуру и общество. Паранаука не является типом рациональности, но её свободное существование среди различных типов рациональности позволяет ей влиять на основания культуры и определять её дальнейшие пути развития.

Также было выявлено, что вненаучное знание включает в себя различные формы. Среди них особенно выделяются паранаука, псевдонаука, лженаука, квазинаука и антинаука. Большинство подходов к исследованию вненаучного знания в контексте формирующейся науки направлены на выявление его признаков и особенностей в различных исторических периодах. Например,

знания, присутствовавшие в древнем историческом периоде, часто называют донаучными. Донаучные знания являются частью вненаучного. К изучению донаучных знаний исследователи обращаются с целью выявления причин возникновения паранауки и её признаков. К таким признакам, например, относят мистицизм и мифологизм древности, которые легко просматриваются во многих современных паранауках.

Итак, анализ генезиса языка описания вненаучного знания в контексте формирующейся науки показал, что существующие концепции вненаучного знания оказываются ущербными в попытках определить социокультурные основания паранауки. Во-первых, исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки. Во-вторых, познание вненаучного знания осуществляется учёными преимущественно с целью решения научно-методологических проблем и вопросов. Важно отметить, что данные подходы не позволяют объяснить растущую популярность паранауки в современной культуре, выявить её социокультурные предпосылки и возможную положительную роль в культуре.

Для решения данных проблем необходимо обратиться к анализу определения понятия паранауки.

1.2. Определение понятия паранауки

В данном параграфе ставится задача сформулировать такое определение понятия паранауки, которое позволит описывать основные паранаучные феномены и явления, их социокультурный смысл, а также показать, что понятие паранауки не сводится к понятию лженауки, а включает в себя намного больше смысловых значений. Также необходимо провести классификацию существующих определений паранауки.

В современной научной литературе присутствует множество определений понятия «паранаука». В переводе с греческого языка слово «*παρά*» имеет следующие значения: около, рядом, при, возле. Поэтому дословно термин

паранаука может переводиться как «околонаука». Все определения паранауки можно классифицировать на две группы. К первой группе относятся определения наиболее объёмного характера, в которых авторы стремятся охватить максимум всевозможных паранаучных феноменов и явлений. Например, феномены природы, космоса, сознания, ошибки и заблуждения учёных, попытки мошенничества и фальсификации, методологическую нечёткость, научную интуицию, бессознательные мотивы, фольклорные, мифологические, фантастические и мистические идеи, обыденные представления, суеверия, попытки манипуляции сознанием. В эту группу входят определения Н.И. Мартишиной, Т.Г. Лешкевич, И.Т. Касавина, В.М. Найдыша, В.С. Степина, В.В. Ильина, М.Р. Жбанкова, Д. Раднера и М. Раднера.

Ко второй группе относятся определения с наименьшим смысловым объёмом, в которых авторы ограничиваются минимальным количеством критериев или факторов. Сюда входят определения В.П. Филатова, Дж. Холтона, В.А. Бажанова, Э.П. Круглякова и Р.М. Юсупова.

Рассмотрим подробно первую группу определений:

По мнению Н.И. Мартишиной, паранаука является одним из видов околонаучного знания. Околонаучное знание определяется ею как совокупность специфических форм познания, которые концентрируются вокруг науки, воспроизводят некоторые из присущих науке гносеологические особенности, но при этом не соответствуют критериям научности в полном объёме и реализуются в стандартах иных видов знания [150, с. 17]. Околонаучное знание включает в себя следующие виды знания: псевдонаука (лженаука), экстранаука, паранаука, народная наука, научная апологетика [150, с. 20–21].

Псевдонаука (лженаука) – это концепции, которые построены на принципиально неверных основаниях, они претендуют на самостоятельность в данной предметной области, базируются на эмпирическом материале, который получен с существенными отклонениями от нормативных процедур научного исследования и аналогичных теоретических построениях.

Экстранаука представляет собой учения мистического характера, объект которых лежит за пределами данного бытия и представляет собой сверхреальность, а методы являются иррациональными и противопоставлены научным как грубым и примитивным. Примером является мистическая танатология.

Паранаука определяется как концепции в основе которых лежат ненормативные интерпретации рациональных исходных положений, в которых воспроизводятся специфические признаки научного знания, а критерии научности замещаются противоположными ориентациями.

Научная апологетика – это учения, объект которых находится за пределами наличного бытия и при этом персонифицирован. К ним относятся обоснования богословских истин путём определённой интерпретации данных нормативной науки, а также использования научных средств.

Народная наука – это знания, которые передаются в устной форме и объединяются вокруг определённых областей деятельности. Примером является метеорология, педагогика, народная медицина [150, с. 20–21].

Также Н.И. Мартишина отмечает, вопрос об отнесении конкретного учения к какому-либо виду околонучного знания решается по-разному в зависимости от того, какие будут выделены идеи в качестве базовых. Например, астрология может быть представлена либо как псевдонаука, либо как паранаука. Всё зависит от того, что полагать её базовым основанием – идею предопределённости судьбы человека под влиянием созвездий или идею, лежащую в основе гелиобиологии А.Л. Чижевского, о влиянии на жизнь человека космических тел и космоса в целом. Оценка степени рациональности базовых идей в обоих случаях будет различной [150, с. 21].

Другие определения приводит Т.Г. Лешкевич [137, с. 7–8]. Она выделяет следующие формы вненаучного знания:

1) Ненаучное знание – это разрозненное, несистематическое знание, оно не формализуется, не описывается законами и противоречит существующей научной картине мира.

2) Донаучное знание – это прототип или предпосылочная база научного знания.

3) Паранаучное знание – это знание, которое несовместимо с имеющимся гносеологическим стандартом. Оно включает в себя учения о феноменах, объяснение которых не выглядит убедительным с точки зрения критериев научности.

4) Лженаучное знание – это знание, которое сознательно эксплуатирует домыслы и предрассудки. Оно является ошибочным и часто представляет науку как деятельность аутсайдеров. Иногда лженаучное знание связывают с патологической деятельностью психики его автора, которого называют «маньяком» или «сумасшедшим». Признаками лженауки могут быть претенциозность, малограмотный пафос, принципиальная нетерпимость к опровергающим аргументам. Лженаучные знания чувствительны к наболевшим проблемам и сенсациям. Они не обладают универсальностью и систематичностью, не могут быть объединены одной общей парадигмой, существуют вместе с научными знаниями в виде отдельных вкраплений. Лженаучное знание обнаруживается и развивается через квазинаучное.

5) Квазинаучное знание опирается на методы принуждения и насилия. Оно развивается в условиях жестко иерархизированной науки, где правит идеологический режим и становится невозможной критика власти. Примером в истории России являются фиксизм в советской геологии 50-х годов, лысенковщина, преследование генетики и кибернетики.

6) Антинаучное знание представляет собой утопичное, сознательно искажённое представление о действительности. Предмет и методы исследования в нём противоположны науке. Примером является «лекарство от всех болезней», которое станет легкодоступным для всех. Наиболее популярным антинаучное знание становится в периоды социальной нестабильности. Принципиальное избавление от него невозможно.

7) Псевдонаучное знание – это интеллектуальная активность, основанная на совокупности популярных теорий. Примером являются истории о снежном человеке, древних астронавтах, лох-несском чудовище.

Также Т.Г. Лешкевич отмечает наличие в истории культуры многообразных форм знания, отличающихся от классического научного стандарта и отнесенных к области вненаучного знания. Такие знания объединяются общим понятием – «эзотеризм» [137, с. 7–8].

В.В. Ильин указывает на следующие виды ненаучного знания: 1) ненаучные формы познавательной деятельности, например, практически-обыденная и художественная; 2) донаука или протознание являющееся основой будущей науки; 3) лженаука, представляющая собой предрассудки, имеющие наукообразный вид; 4) паранаука, определяемая как знание, которое не удовлетворяет науку по своему гносеологическому статусу; 5) антинаука, понимаемая как преднамеренное искажение научной точки зрения на окружающий мир [89, с. 21–25].

М.Р. Жбанков различает такие виды паранаучного знания, как протонаука, девиантная наука и псевдонаучное знание [82, с. 760–761]:

Протонаука представляет собой первичные формы осмысления реальности, которые возникают в процессе становления конкретно-исторического типа научного знания. При этом отсутствует необходимый эмпирический материал и наблюдается неразработанность методов исследования и нормативов построения теории.

Девиантная наука определяется как самостоятельная область теоретического знания, которая не соответствует наличным критериям научности.

Псевдонаучное знание понимается как попытка расширения сферы научного поиска с помощью построения теории на вненаучных основаниях [82, с. 760–761].

И.Т. Касавин определял псевдонауку как специфический тип исследования и форму идеологии, особенности которых связаны со стремлением превратить свои процедуры и выводы в научную форму. При этом их содержание выходит за

пределы признанных в настоящее время научных концепций [103, с. 203]. По его мнению, паранаука показывает, что содержание официальной науки неоднородно и некоторые её элементы могут не укладываться в идеалы научной рациональности, соответствующие преобладающей теоретической парадигме [105]. Тогда название паранауки получает новая и ещё не завоевавшая своего авторитета теория, которая позже может войти в сферу науки. Примером является космонавтика К.Э. Циолковского и гелиобиология А.Л. Чижевского. В такой теории отсутствует развитая теоретическая схема, но при этом провозглашается новая научная картина мира. В итоге теоретическое объяснение эмпирического материала строится на основе этой новой научной картины мира. Такая теория полагается на непроверенные факты, в ней присутствуют теоретические гипотезы, противоречивые логические построения, неразработанные вспомогательные теории или практические приложения [105].

Паранаучными также называются устаревшие и деградировавшие научные теории, которые не учитывают многочисленные опровержения и новые научные данные. В этом случае они получают название альтернативных или девиантных [105]. Примером является теория флогистона, известная в истории химии как «сверхтонкая материя» или «огненная субстанция», наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся из них при горении. Гипотеза флогистона была первой теорией в химии и позволила обобщить множество реакций. Эта теория была важным шагом на пути становления химии как науки. В 1770-х годах гипотеза флогистона была опровергнута Антуаном Лавуазье, который предложил на её место кислородную теорию горения.

Понятие паранауки показывает то, что идеалы научной рациональности не обязательны и для других видов познания, например практического или практически-духовного, которые намеренно демонстрируют оппозиционность к науке и выступают в форме таких «народных наук», как народная медицина, народная архитектура, народная педагогика, народная метеорология и синоптика, «органическая агрикультура» Р. Штайнера. Народные науки выражают практический и обыденный опыт, приспособленный к традиционным условиям

жизни. Народные науки способны дополнять науку и технологии и заменять их при определённых обстоятельствах. Примером является народная медицина во время культурной революции в Китае. Также народные науки могут содержать знания, дающие толчок развитию науки и техники. Например, форма поморского коча, использовавшаяся при проектировании первых ледоколов. Преувеличение результатов народной науки может привести к её деградации и превращению в псевдонауку. Примером является мичуринская опытная селекция, противопоставляемая научной генетике [105].

Также паранаукой может называться система знания, оформленная в университетскую или школьную специальность. Примером этого являются «кулинарные науки», «сельскохозяйственные науки», «семейные науки», «спортивные науки», «музыкальные науки». Эти дисциплины содержат полезные знания и навыки, но в них отсутствуют системы идеальных объектов, процедур научного объяснения и предсказания. Поэтому они остаются прикладными руководствами по различной тематике и не поднимаются выше систематизированного и дидактически оформленного опыта [105].

Ещё одним видом псевдонаук является околонучная публицистика, которая спекулирует на общественно актуальной или таинственной тематике. Примером является уфология, основывающаяся на фантастических гипотезах и малодостоверных фактах. Такую же характеристику имеют парапсихология, теория биоритмов и биоэнергетика, которые доказывают существование особых, неизвестных науке природных сил и субстанций или преувеличивают роль определенных природных закономерностей [105].

Д. Раднер и М. Раднер приводят несколько характеристик псевдонауки. Во-первых, псевдонаука определяется как форма анахронического мышления, которая возрождает отвергнутые концепции, но при этом не приводит новых аргументов в их защиту [276, с. 1–3]. Во-вторых, псевдонаука трактуется как объяснение чудес, которое не даёт новых предсказаний. Поэтому псевдонаука использует миф в качестве источника эмпирических данных. Недостатком этого является недооценка научного опыта и некритическое восприятие сомнительных

слухов, которые порождаются обыденным сознанием. Псевдонаука обращается только к тем фактам, которые подтверждают её положения. Поэтому псевдонаучные гипотезы являются непроверяемыми. Они не воспринимают критику и не устаревают, а также могут объяснить любую аномалию. При этом такое объяснение основывается не на общих законах, а на различных примерах, метафорах и аналогиях. В-третьих, псевдонаука похожа на истолкование библейских текстов, где интерпретация литературных данных используется в качестве источника сведений [276, с. 1–3].

В.С. Степин различает вненаучное знание и псевдонауку. Понятие псевдонауки выражается в таких терминах, как девиантная наука, паранаука, антинаука, лженаука. Псевдонаука способна помешать научному исследованию. Она похожа на чуждый науке вирус, который внедряется в науку и приводит к опасным искажениям в её исследовательской деятельности. К вненаучному знанию относятся необходимые для воспроизводства и развития социальной жизни аспекты человеческого опыта, которые не может выразить наука. Например, философия, искусство, политика, право, мораль, обыденное познание. Данные аспекты представляют собой социокультурные ценности. Вненаучное знание выражает различные формы человеческого опыта и не представляет опасности для науки. Наука может исследовать вненаучное знание и взаимодействовать с ним [214, с. 375].

В.М. Найдыш выделяет три типа квазинаучного творчества:

1) Сознательные научные фальсификации, в которых происходит отказ от субъективно-ценностных установок науки или пренебрежение ими [165, с. 112].

2) Паранаука (лженаука, псевдонаука) представляет собой форму общественно-культурной активности, претендующую на то, чтобы стать научной деятельностью и использующую научную терминологию. Паранаука опровергает проверенные практикой законы природы, не соответствует критериям, стандартам и нормам науки и сознательно или бессознательно отстает от них [165, с. 113]. Некоторые разновидности паранауки основываются на противоположных началах, то есть отказываются от мировоззренческой установки о естественном

характере мировых процессов и допускают сверхъестественные параметры. Такая паранаука ориентирована на поиск синкретических форм религиозного и научного мировоззрений. Она развивается от материализма к деизму и затем к теизму, к идее полного единства мира и Бога. К этому типу паранауки относятся теософия и эзотерика. Современная эзотерика основывается на синтезе религии, науки и философии.

В этом виде паранаук существует две основные тенденции [165, с. 116]. Первая тенденция состоит в том, что пробелы, имеющиеся в любой научной проблеме, часто пытаются восполнить представлениями о сверхъестественных факторах. Например, в области фундаментальных проблем науки, имеющих мировоззренческое значение. К ним относятся, во-первых, проблемы происхождения Вселенной: идеалистические трактовки природы сингулярности, антропного принципа, «духи» в мире элементарных частиц. Во-вторых, проблемы происхождения жизни и биогенеза: новые разновидности витализма и новейшие варианты идеи панспермии. В-третьих, проблемы антропосоциогенеза, включающие в себя идеи панпсихизма. В вопросе о происхождении человека специалисты отмечают господствующую в современном обществе теорию пришествия, по которой люди прибыли на Землю из других космических миров [165, с. 189]. Такая теория удовлетворяет стремление массового сознания к компромиссу науки и религии. И этот компромисс поддерживается новыми открытиями, например, в космохимии: открытие сложных органических соединений существующих в космическом пространстве и в астрономии: открытие микроорганизмов, способных выживать в космическом вакууме.

Вторая тенденция заключается в попытках найти истину в новых и древних пластах религиозного сознания и выделить в них то, что может свободно войти в современную науку. Например, поиск фундаментальных идей о строении космоса и космических превращениях вещества в античных теокосмогонических мифах. По мнению сторонников данной точки зрения, наука должна стремиться найти в глубинных религиозных представлениях некое «сокровенное» знание. В таком

типе паранауки в современной культуре возрождается старая средневековая тенденция сближения научно-философской и религиозной онтологий [165, с. 117].

3) Квазинаучная мифология основывается на размывании границ между объектом и субъектом познания, на отказе от представления о противоречиях между знаниями человека о мире и реальным объективным миром, между объектом и его образом. В квазинаучной мифологии сочетаются элементы, принадлежащие мифологии и науке совершенно различным, разделённым большой исторической дистанцией и поэтому несовместимым формам сознания [165, с. 119]. В квазинаучной мифологии свободно сосуществуют научные понятия и древние мифопоэтические образы, стереотипы обыденного сознания и религиозные представления. Примерами являются снежный человек, лох-несское чудовище, Бермудский треугольник, полтергейст, НЛО, реинкарнация, левитация. Тенденция возникновения мифологем наиболее сильно проявляется в вопросах организации и населённости Вселенной, истоков и судеб человеческой цивилизации. Квазинаучная мифология склонна онтологизировать любые идеи творческого воображения человека [165, с. 120–121].

Теперь перейдём к рассмотрению второй группы определений.

Зарубежный учёный Дж. Холтон называет антинаукой знание альтернативное науке, включающее в себя, во-первых, патологическую науку в виде концепций, порождаемых спорными идеями и представлениями. Во-вторых, псевдонауку, представляющую собой концепции, противоречащие фундаментальным научным истинам. В-третьих, сциентизм как совокупность концепций, являющихся сверхоптимистичными в оценке возможностей науки [233, с. 26–58].

В.П. Филатов выделял народную науку, которую развивают такие группы общества, для которых познание не является основной целью деятельности [228, с. 157].

В.А. Бажанов предлагает понятие «тенева наука», которое он трактует как деятельность представителей научных сообществ и микросоциумов, входящих в них по формальным или содержательным признакам. Такая деятельность

строится на нарушениях принятых в обществе в качестве идеалов, ценностей и норм, например, правовых или этических, которые регулируют научную жизнь [20, с. 153].

Э.П. Кругляков приводит следующие типы лженауки: 1) наивная лженаука, основывающаяся на фантазиях, невежестве или слабом представлении о предмете; 2) лженаука, полагающаяся на ошибочно интерпретируемые факты; 3) мошенническая лженаука, которая имитирует науку, использует терминологию переднего края научного поиска, характеризуется безграмотностью, а также способностью на фальсификации и подлоги [123, с. 66–67].

Р.М. Юсупов определяет паранауку как современную информационную мифологию, которая приобрела антинаучный и массовый характер [95, с. 378].

Также ко второй группе относят определения, характеризующие паранауку как нетрадиционную религию, суеверие, современную мифологию, квазимифологию, самостоятельный способ познания, не сводимый ни к какому другому [150, с. 89]. Сюда же причисляют побочные разработки учёных лишённые собственного научного характера. Например, опыты по телепатии В.М. Бехтерева или по достижению бессмертия через переливание крови А.А. Богданова.

Анализ данных определений показывает их терминологическую сложность и выявляет некоторые недостатки, состоящие в следующем. Авторы второй группы определений, ограничиваясь минимальным количеством критериев и оснований, представляют узкое, одностороннее понимание паранауки, либо описывают её только в негативном и отрицательном смысле. Например, Э.П. Кругляков основаниями паранауки считает фантазии, невежество, ошибки, мошенничество и фальсификации.

Авторы первой группы определений, стремясь охватить максимально возможное количество паранаучных феноменов и явлений, порождают большое множество терминов. То есть данный подход страдает терминологической избыточностью. Например, для обозначения паранаучных феноменов и явлений авторы используют различные термины: паранаука, лженаука, псевдонаука,

квазинаука, антинаука, протонаука, экстранаука, народная наука, девиантная наука, теневая наука, альтернативная наука, патологическая наука, идеологизированная наука, нетрадиционная наука, грязная наука, фальсифицированная наука, ведомственная наука, научная апологетика, околонучное знание, донаучное знание, ненаучное знание, вненаучное знание, эзотеризм. При этом многие авторы отмечают, что все эти термины могут быть взаимозаменяемыми. То есть, данными терминами могут обозначаться как одинаковые, так и различные паранаучные феномены и явления.

А.М. Конопкин, анализируя данные определения, указывает на наличие большой путаницы в их фактическом словоупотреблении по причине отсутствия в научной литературе общепринятой классификации [117, с. 41]. По его мнению, такие термины, как паранаука, псевдонаука, лженаука, антинаука и квазинаука являются наиболее употребительными и к ним сводятся все другие понятия из околонучной сферы. Для разрешения этой терминологической сложности А.М. Конопкин обратился к этимологии данных терминов, которая показала, что приставки «квази», «псевдо» и «лже» на латинском, греческом и русском языках означают одно и то же. Поэтому этимологически термины квазинаука, псевдонаука и лженаука имеют одинаковое значение и было бы неправильно ставить одно понятие над другим [117, с. 41].

Данная ситуация осложняется ещё и тем, что каждый автор предлагает собственную классификацию со своими критериями различия данных терминов. В различных терминах, принадлежащих разнообразным классификациям, представлено разное объяснение целей, смыслов, функций и результатов имитации науки. В определённых классификациях один и тот же термин обозначается различными названиями, имеющими одинаковые, либо разные смыслы. Например, термин паранаука, часто обозначается как паранаучное творчество или паранаучная деятельность. И в зависимости от конкретной классификации эти однокоренные термины имеют различный, либо одинаковый смысл. В аналогичной ситуации находятся и остальные термины. То есть среди всех терминов, как внутри отдельных классификаций, так и между самими

классификациями наличествует большое количество синонимов и омонимов, а также терминов абсолютно различных, либо совпадающих по смыслу и названию. К тому же во многих терминах недостаточно определён или вовсе отсутствует социокультурный смысл паранаучных феноменов и явлений.

Таким образом, выясняется, что попытки учёных определить термин паранауки наталкиваются на проблему, схожую с попытками определить такие объёмные термины, как «культура», «религия», «искусство». Количество определений каждого из этих терминов насчитывает более пятисот.

Учитывая данную терминологическую сложность, представляется необходимым объединить все паранаучные термины в один общий, универсальный термин, более широкий по смысловому объёму, включающий в себя значения всех остальных терминов, подходящий для описания основных паранаучных феноменов и явлений, их социокультурного смысла. В качестве такого универсального термина предлагается следующий:

Паранаука – это совокупность учений, находящихся за границами науки, обладающих самостоятельностью, но использующих научный язык и правила научного описания для обоснования своих идей.

Данное определение закономерно приводит к вопросу об отличии паранауки от лженауки. Для ответа на данный вопрос необходимо обратить внимание на то, что большинство определений понятия лженауки подразумевают преднамеренную фальсификацию, манипуляцию или обман. То есть использование признаков научного знания в лженаучных учениях осуществляется с целью преднамеренного обмана. Но в паранаучных учениях использование признаков научного знания может быть результатом многих факторов: творческой фантазии, научного поиска, ошибок допущенных в ходе решения научных проблем и др. То есть в паранауках признаки научного знания используются не преднамеренно, а ошибочно. Поэтому лженаука играет отрицательную роль в развитии науки. А паранаука может играть как отрицательную, так и положительную роль. Данный вывод приводит, во-первых, к вопросу об эвристической ценности паранауки. Для решения этого вопроса

понадобится обратиться к анализу паранауки в контексте научного знания. Во-вторых, к пониманию того, что использование признаков научного знания в паранауке допускает легитимацию паранаучного знания. Таким образом, можно сделать предположение о том, что паранаука имеет определённые социокультурные основания, которые необходимо выявить и исследовать.

1.3. Паранаука в контексте научного знания

Основная задача данной главы состоит в том, чтобы выявить границы и возможности изучения паранауки в контексте научного знания. Для этого понадобится, во-первых, показать, что паранаука может играть положительную роль в познании. Во-вторых, выяснить предпосылки возникновения и распространения паранауки в аспектах естественно-научного и социально-гуманитарного знания.

Первым шагом к решению данных задач будет рассмотрение паранауки с точки зрения таких научно-методологических и идейных позиций, как сциентизм, антисциентизм, интернализм, экстернализм, культурный релятивизм, естественно-научный материализм.

По мнению В.С. Швырева, сциентизм (от лат. *scientia* – знание, наука) является идейной позицией, в которой научное знание представляется как высшая культурная ценность и определяющий фактор ориентации человека в мире [251]. При этом в качестве научного идеала рассматривается точное математизированное естествознание. Под его воздействием в познании законов природы и связанного с этим научно-технического прогресса возникает сциентизм [251]. Сциентизм не является строго оформленной системой взглядов, а представляет собой идейную ориентацию, проявляющуюся в различных формах социокультурной деятельности [251]. Например, в отношении роли науки в общественной жизни сциентизм проявляет себя в абсолютизации этой роли. Также сциентизм некритически относится к научным концепциям, недооценивает необходимость их постоянной коррекции и сопоставления с другими

возможными позициями, не учитывает широту спектра социальных, культурных и этических факторов [251]. Сциентизм в философии проявляется в игнорировании её мировоззренческого характера и непонимании её специфики по сравнению со специально-научным знанием [251]. В социально-гуманитарном познании сциентизм часто недооценивает специфику его предмета по сравнению с естественно-научным, а также делает попытки некритического и искусственного привнесения в познание человека и общества методов естествознания [251]. Опасным для научного познания следствием сциентистского культивирования науки является её идеологизация и догматизация, превращение её в некий суррогат религии, дающий окончательный ответ на все вопросы бытия. При этом сциентизм не учитывает, что настоящая сила науки состоит в открытости и незавершенности познаваемых ею моделей реальности [251].

С точки зрения сциентизма паранаука антисциентична, противоречит научной рациональности и не соответствует критериям естественно-научного знания. Как отмечает Н.И. Мартишина, паранаука осуществляет замещение отдельных критериев научности противоположными ориентациями [150, с. 23]. Например, на первый взгляд паранаука следует требованию доказательности, когда использует те же приёмы, что и наука. К ним относятся наблюдение, эксперимент, экстраполяция, классификации и сводные таблицы, постулаты и дедуктивный вывод, математический аппарат, компьютерные диаграммы и статистика. Различие состоит в методах реализации. В официальной науке главное условие для эксперимента – это его воспроизводимость. В паранауках эксперимент в большинстве случаев не воспроизводим. Наука обязательно учитывает вместе с положительными также и отрицательные результаты эксперимента. Паранаука изобретает специальные методы защиты своей теории от критики, которые могли бы сделать её нефальсифицируемой. Наука руководствуется требованиями простоты и экономии мышления. Но паранаука обходит ограничивающее науку препятствие перед признанием эпифеноменов, предполагая участие в явлениях качественно новых сил. Наука принимает минимально необходимые допущения, а паранаука пользуется максимально

возможным. При этом в паранаучных учениях гипотеза, которая была принята на начальном этапе доказательства, часто воспринимается в качестве основания для вывода правильного положения в конце этого доказательства. Объяснения паранауки являются избыточными. Отказ науки признавать существование внешних сил без надобности с целью объяснения и без требуемых достаточных оснований воспринимается паранаукой как догматизм. Паранаука производит впечатление с помощью своей новизны и неординарности. Она рассматривает все явления как проявление общей закономерности, пытается найти стоящую за ней связь сущностей и подстраивает теоретическую базу. Паранаука фиксирует эмпирическое обобщение в качестве всеобщего закона. Паранаучное объяснение универсально, поскольку считает объяснимым все сферы действительности. Наука указывает на пределы объяснительной силы любой методологии. Для паранауки достаточен минимум базовых представлений для полного описания совершенно разных феноменов. Объяснения паранауки уходят от предметного разграничения реальности и ставит в один ряд явления разного характера. Паранаука прагматична и утилитарна, поскольку направлена не на содержательное, а на целевое обоснование. То есть необходимость признания теории в паранауках обусловлена не достаточным и непроверяемым характером предложенных аргументов, а ценностью практических результатов, которые можно легко достичь на её основе. Также паранауке свойственен дилетантизм, поскольку она пытается освободить себя от принятых профессиональных приёмов. Методы паранауки обладают личностным характером, поскольку зависят от различных качеств того человека, который их применяет [150, с. 23].

Как отмечалось ранее, крайность сциентизма состоит в идеологизации и догматизации науки, превращении её в суррогат религии, которая может дать окончательный ответ на все проблемы бытия. В данном смысле паранаука имеет сходства с сциентизмом, поскольку также идеологизирует и идеализирует свою картину мира, пытается найти готовые ответы на все вопросы.

Следующей позицией в исследовании паранауки является антисциентизм. По мнению В.С. Швырева, главная идея антисциентизма заключается в

критической оценке науки, её роли в культуре и научном познании как факторе отношения человека к миру. Формы антисциентизма различаются по степени критичности в отношении к науке [247]. Например, умеренный антисциентизм выступает не против самой науки, а против агрессивного сциентизма, абсолютизирующего роль науки и принижающего культурную значимость других форм деятельности человека в мире, например, искусства, философии, религии, обыденного сознания [247]. Также антисциентизм отстаивает необходимость многообразия форм человеческого опыта и отношения человека к миру, которые не должны вытесняться научной рациональностью [247]. Радикальные варианты антисциентизма переходят от критики сциентистской абсолютизации науки к критике самой науки. В своих крайних проявлениях они представляют науку как силу, противостоящую свободе человека [247].

Паранаучные учения имеют наукообразный вид и с точки зрения антисциентизма могут содержать те же недостатки, что и обычные научные теории. Паранауки склонны к сходству с официальными науками, имитируют научное познание, стремятся к рационализации своих идей, повторяют структуру научной организации, а значит и допускают те же ошибки. Близкими к антисциентизму являются те паранауки, которые не имитируют науку, а основываются на мистических, мифологических или фантастических идеях и по своему интерпретируют духовную жизнь человека. Поскольку все паранауки претендуют на абсолютную истинность, универсальность и уникальность собственной картины мира, то для любой формы антисциентизма паранаука может иметь множество методологических и мировоззренческих недостатков. Ранее отмечалось, что различные формы антисциентизма различаются по степени критичности в отношении к науке. Такая же ситуация наблюдается и в отношении к паранауке, которая имеет собственную специфику и находится в особом соотношении с разными формами знания, стилями мышления и типами мировоззрения. Разнообразие форм паранаучного знания и форм антисциентизма позволяет лишь приблизительно и условно оценить отношение антисциентизма к паранауке. Паранаука имеет определённые сходства с антисциентизмом.

Проявляются они в том, что паранаука также дистанцируется от критериев научного знания как критериев истины, акцентируется на отрицательных последствиях научно-технического прогресса для современной цивилизации. Критикуя науку, паранауки используют различные положения антисциентизма. По мнению Н.И. Мартишиной, сциентистские и антисциентистские идеи свободно утверждаются в массовом сознании современного общества [150, с. 61]. Единственным типом знания, которое способно удовлетворить социальную потребность в «совершенной науке», является знание похожее на науку, но наукой не являющееся. Одним из видов такого знания является паранаука. В ней реализуются в превращённой форме социокультурные ожидания, которым перестала соответствовать наука [150, с. 61].

Следующими методологическими направлениями в исследовании паранауки являются экстернализм и интернализм. С точки зрения экстернализма источником развития науки служат такие внешние условия, как политические, социально-экономические, идеологические, культурные. Рассматривая паранауку в аспекте экстернализма, важно отметить, что внешние условия оказали значительное влияние на формирование большинства паранаук. Многие паранауки содержат прагматический характер, направлены на качественное улучшение жизни людей, создание комфортных условий существования, удовлетворение потребностей общества, быстрое достижение желаемого результата, решение финансовых, экологических и глобальных проблем, обеспечение военного и технического превосходства. В соответствии с изменениями в социальной обстановке паранаука производит корректировку своих познавательных методов и объяснительных схем, вовремя подстраивает их под необходимые потребности общества. Также на основания паранаук оказывают влияние сменяющие друг друга культуры, исторические эпохи, государственные идеологии, политические системы и любые глобальные изменения, происходящие во всём мире или в отдельном государстве. Основываясь на интересах массового сознания и современных научных

открытиях, паранаука адаптируется к новым социокультурным условиям и потребностям общества.

С точки зрения интернализма наука развивается благодаря таким внутринаучным факторам, как необходимость решения возникающих научных проблем, эволюция научных традиций, взаимное порождение идей, внутренняя потребность науки ставить эксперименты, создавать новые понятия и решать вопросы. Необходимо отметить, что такая же ситуация присутствует и в паранауке.

Во-первых, для достижения собственных целей паранаука стремится улучшить свою доказательную базу. В паранауках также ставятся эксперименты, создаются новые понятия и решаются проблемы. В паранаучных учениях также осуществляется процесс взаимного порождения идей и эволюция традиций, которые в подходящий момент видоизменяются или отвергаются. В паранауках постоянно совершенствуется наукообразие собственных идей и учений, методы имитации науки, приёмы манипуляции, способы обоснования и рационализации.

Во-вторых, внутренней особенностью паранаук может быть заинтересованность заблуждающегося учёного в ещё не исследованных проблемах и вопросах, например, в «необычных» явлениях природы, космоса или сознания. В подобных паранаучных теориях также наблюдается наличие внутреннего прогресса методов познания, несмотря на недостижимость цели такого познания.

В-третьих, это склонность различных паранаук к тому, чтобы реализовать фантастические идеи. Подобные идеи активизируют в паранауках изобретательность. В истории науки также известны примеры реализации фантастических идей. Поэтому некоторые паранауки могут содержать эвристическую ценность для официальной науки.

Следующим подходом к познанию паранауки является культурный релятивизм. Сторонники культурного релятивизма отрицательно относятся к попыткам минимизации роли паранауки в духовной культуре и считают такие попытки «научным шовинизмом». Они считают, что научные и вненаучные

формы духовного освоения мира являются несовместимыми. Представители культурного релятивизма выступают за тесное взаимодействие всех культурных форм, за уважительное отношение науки к паранаучному творчеству и за их равноценный диалог [84, с. 333, 379]. По их мнению, свободное развитие всей культуры обеспечивает свободное развитие каждой её формы. Данная позиция соответствует идеологии плюрализма, которая преобладает в современной культуре и в массовом сознании современного общества [165, с. 104].

Последним подходом к исследованию паранауки является позиция естественно-научного материализма. С точки зрения этой позиции предметом научного познания являются только устойчивые, закономерные и повторяющиеся связи и отношения объективного мира. Если что-либо не может быть воспроизведено в эксперименте в любом месте и в любое время, значит, оно не является предметом научного познания [165, с. 106]. Например, изучаемые паранауками паранормальные явления неповторимы в эксперименте и не содержат закономерных признаков, следовательно, они не объективны и могут быть объявлены иллюзиями восприятия или мошенничеством. Таким образом, паранаука вытесняется из сферы культуры и определяется как тип «попкультуры», суеверие, обман или самообман разочаровавшихся в науке людей и социальных групп [165, с. 107].

По мнению специалистов, недостаток естественно-научного материализма состоит в том, что он борется с паранаукой только в естественно-научной и общественно-политической сферах, при этом, не затрагивая её глубокие духовные и культурные основания, которые являются предметом гуманитарного и философского познания [165, с. 107]. Представители данной позиции дистанцируются от гуманитарных наук и философского познания, противопоставляя их естествознанию, а многие из них относят гуманитарные науки и философию к паранаукам. Такая позиция препятствует пониманию паранауки как феномена духовной культуры и как предмета гуманитарного и философского познания [165, с. 107–108].

Позиция естественно-научного материализма по отношению к паранауке является крайне негативной. Проблема состоит в том, что большинство паранаучных идей на начальном этапе не могут быть однозначно определены как истинные или ложные, поскольку начальный этап познания представляет собой период неопределённости. Как правило, требуется некоторое время для того, чтобы обозначились первые контуры будущей научной или паранаучной теории. Доказательством этого служит тот факт, что многие паранауки заимствуют из культуры рациональные идеи, которые на начальном этапе объявляются ложными официальной наукой и остаются невостребованными обществом. В будущем эти идеи могут быть признаны наукой. Такое признание как правило осуществляется в тот момент, когда и наука, и культура, и социокультурная среда становятся готовыми к этому. Например, Н.И. Мартишина отмечает, что главные идеи паранауки могут иметь рациональный характер. Они формируются в культуре данной исторической эпохи и осваиваются одновременно наукой и паранаукой [150, с. 62]. Либо эти идеи формируются в науке как средоточии рациональности и заимствуются паранаукой [150, с. 62]. Также в паранаучных теориях способны долгое время сохраняться сами научные идеи. Заимствование научных идей паранаучными теориями может происходить как на уровне категориального аппарата, так и на уровне общих принципов осмысления реальности [150, с. 62]. История науки имеет множество примеров таких идей. Рассмотрим некоторые из них.

Например, однажды комиссией Французской Академии Наук было вынесено заключение в отношении метеоритов, гласившее о том, что «...камни с неба падать не могут, потому что их там нет» [76, с. 14]. Данный приговор задержал развитие наук о метеоритах на несколько десятилетий. И по этой же причине многие музеи в Германии, Дании, Швейцарии, Италии и Австрии выбросили ценные метеориты.

Н.И. Мартишина приводит в пример астрологию. Существовавшие в 7–9 веках арабские обсерватории являлись единственными в данном историческом периоде. Арабы высоко ценили астрологию и в своих обсерваториях постоянно

проводили наблюдения за небесными явлениями. Благодаря данному интересу арабов к астрологии через некоторое время научная астрономия приобрела достаточный эмпирический материал, который был необходим для её дальнейшего развития [150, с. 64].

Б.М. Чиков в качестве примера ссылается на мнение В.И. Вернадского о плодотворном значении поиска решений лженаучных проблем [245, с. 16]. Примером является существовавшая в истории математики проблема «квадратуры круга», которую в течение нескольких веков пытались решить учёные. В 19 столетии была доказана недостижимость решения данной проблемы, но в процессе долгого поиска её решения были сделаны другие научные открытия. В истории механики аналогичную роль сыграла идея «вечного двигателя», в физиологии – поиск «эликсира жизни», в физике – идея «теплорода» [245, с. 16].

Другим примером служат идеи о межпланетных путешествиях русского мыслителя Юрия Васильевича Кондратюка. Он не имел специального образования и был объявлен «лжеспециалистом» после того как в 1929 году опубликовал свою книгу «Завоевание межпланетных пространств». Но уже в 1959 году Ю.В. Кондратюк вошёл в число признанных основателей советской космонавтики, а в 1969 году после полёта на Луну американскими учёными было объявлено, что схемы Ю.В. Кондратюка учитывались при полёте и посадке. Его именем назвали один из лунных кратеров. Также и космические проекты К.Э. Циолковского поначалу оценивались как псевдонаучные [245, с. 16–17].

Следующим примером является теория дрейфа материков, которая была предложена в 1912 году Альфредом Вегенером. Данная теория на начальной стадии развития также отвергалась научным сообществом. Но позже она была им признана и послужила основанием известной современной концепции о тектонике литосферных плит.

Похожим примером служат известные свойства сознания – гипноз, «кожное зрение» и интуиция, которые раньше относились к области паранауки, а сегодня признаны официальной наукой [122, с. 33]. Интуитивное озарение является одним

из важных этапов процесса научного познания и художественного творчества. Примером этого могут быть научные открытия Анри Пуанкаре и Д.И. Менделеева.

Специалисты представляют такие примеры, как поиски научного объяснения феномена НЛО, которые привели к разработке перспективных гипотез о природе шаровой молнии, характере оптических процессов в атмосфере, вызываемых ракетно-космической деятельностью [165, с. 315]. В биофизике сложилось новое направление, изучающее закономерности физических полей живого организма: теплового, электрического, магнитного, акустического. Идея этого направления основывается на паранаучных построениях, использующих неопределённое с точки зрения физики понятие «биополе». Паранаучные идеи о «Бермудском треугольнике» стимулировали геотектонические и океанологические исследования в этом малоизученном районе атлантического океана. Положительные моменты могут содержаться и в парапсихологии, которая ориентирует на объективное рациональное познание явлений гипноза, психотерапии, порогов ощущений, основных модальностей органов чувств [165, с. 315].

Зарубежный учёный Х. Бауэр приводит в пример шаровую молнию и иглоукалывание, которые официальной наукой раньше относились к области паранаук. Сегодня эти феномены ещё не признаны наукой, но уже и не относятся к паранауке. Например, шаровая молния активно исследуется современными физиками и метеорологами, а иглоукалывание также является предметом научного исследования [267, с. 6–7].

Паранаучные учения могут основываться на так называемых «плюс-фикциях», которые сыграли позитивную роль в развитии науки. Примером являются «мнема Блейлера», «руководящая сила Бернара», «энтелехия Дриша». С помощью данных идей учёные пытались решить проблему цели, которая организует части в целое, придавая ему особые свойства [189, с. 257–258]. Разработка представления об «энтелехии» способствовала критике механистических взглядов на причинность в биологии [189, с. 257–258].

Таким образом, паранаучное творчество способно угадывать новые области и направления, которые могут содержать в себе большой потенциал для дальнейшего развития и совершенствования науки и выполнять, таким образом, роль научного авангарда. Но такая функция паранауки может быть продуктивно реализована только при трансформации представлений о характере современной культуры и прежде всего преодолению жесткости демаркационных границ между сферами культуры. Поэтому В.С. Швырев, исследуя отношение научного типа рациональности к другим типам, указывал на необходимость внимательного и уважительного отношения к альтернативным картинам мира, возникающим в других культурных и мировоззренческих традициях, отличных от нашей современной науки [249, с. 15]. По его мнению, любые необычные с точки зрения критериев научной рациональности представления должны быть исследованы наукой [249, с. 15]. И прежде чем делать окончательные выводы по поводу ошибочности каких-либо представлений с позиции науки, необходимо проводить тщательный анализ оснований, на которых строится негативный вывод, а также специальное исследование того, не получен ли он по причине предвзятости, узости или некомпетентности [249, с. 15].

Данное мнение присутствует среди многих отечественных и зарубежных учёных. Например, М.Р. Жбанков указывал на конструктивно-критическую функцию паранауки по отношению к науке. Данная функция состоит в определении недостатков существующего аргументирования, выявлении несовершенства теоретических моделей и выяснении относительности критериев научности. Взаимодействие науки и паранауки способствует обогащению понятийного и концептуального фонда научного поиска, зарождению новых областей знания, определяя одновременно тенденции нетрадиционных познавательных стратегий [82, с. 761]. Зарубежный учёный М. Мартин утверждал, что изучение паранауки и паранормальных явлений должно стать частью научного образования, которое будет формировать критическое отношение к таким явлениям [275, с. 357].

Таким образом, у науки появляется возможность расширять свои границы благодаря освоению некоторых аспектов паранауки. Это приводит к постепенной рационализации внерациональной сферы знания и изменению границы между наукой и паранаукой. Например, П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова отмечают, что граница между наукой и паранаукой является исторически изменчивой, часто пересматривается, становится двусмысленной и меняет сравнительные критерии в зависимости от ситуации [197, с. 215]. По мнению Н.И. Мартишиной, постпозитивистская философия науки пришла к мнению о невозможности проведения демаркации между научным и вненаучным знанием на основе критериев заданных списочным способом и однозначного оценивания соответствия или несоответствия им [150, с. 12]. Представители естественно-научного материализма предлагают собственные критерии демаркации науки и паранауки. Например, Е.Д. Эйдельман предлагал 18 критериев-вопросов, которые позволяют установить отличие паранаучного учения от научного [260, с. 19–24]. Допустимо полагать, что вся социокультурная и методологическая сложность феномена паранауки не позволяет каким-либо критериям или стандартам обеспечить абсолютно правильный результат во всех случаях.

Паранаука пытается предоставить понятную интерпретацию какой-либо идеи в тот момент, когда научное получение выводов невозможно. Примером является такая паранаука, как дианетика, которая основывается на незавершённости научного изучения бессознательного. Все механизмы функционирования бессознательного современной наукой ещё не изучены, но при этом наука признаёт значимость бессознательного в человеческой жизни. Дианетика по-своему преодолевает эту ограниченность науки. Следствием этого является ошибочное понимание массовым сознанием возможностей паранауки, когда полагают, что она может выполнять то, чего не может выполнять наука. Паранаука называет слабостью или недостатком науки сам момент незавершённости научного исследования таких явлений или проблем, которые требуют большого количества времени для изучения. Например, Л.Н. Медведев отмечает, что в процессе познания учёный часто соскальзывает на поле

паранаучности. Вначале это происходит при обсуждении первичных данных по «горячим» следам выполненного исследования, когда ещё не завершена полная обработка добытого материала и сравнительный анализ является не более чем предварительной оценкой [153, с. 368]. Поэтому ситуацию незавершённости научного исследования паранаука использует как опровергающее основание для науки, которое даёт возможность паранауке быстрее и убедительнее дать ответы на вызвавшие у науки затруднения на определённом этапе исследования. В результате этого наука начинает совершенствовать свою доказательную базу и технические средства, становится более избирательной в методах познания. В социокультурном аспекте наука начинает указывать на паранаучные тенденции в массовом сознании, которые порождают мировоззренческие искажения и заблуждения, представляющие опасность для интеллектуального и духовного развития общества и всей культуры в целом.

Анализ паранауки в контексте научного знания позволяет выделить и разграничить основания, на которых строятся паранаучные учения. Например, Н.И. Мартишина относит к таким основаниям фальсификацию, добросовестное заблуждение, методологическую нечёткость и научную интуицию [150, с. 110].

Паранаука, в отличие от науки, имеет больше интерпретативных возможностей, поскольку она не ограничена нормами и правилами и не учитывает математических расчётов и вычислений. Например, С.К. Абачиев отмечал, что математические расчёты в физических теориях являются спецификой реализации их прогнозирующего, систематизирующего и объясняющего потенциала. Для этого они обращаются к ранее обоснованным и проверенным в работе математическим методам старых теорий. Их модификации осуществляются постепенно, с помощью систематического сопоставления с количественно выраженными опытными фактами, измерительная точность которых доходит до десяти в минус шестнадцатой степени как в методах ядерного гамма-резонанса. Такими опытными знаниями осуществляются периодические коррекции этих пережитков и их изживание. Без периодических коррекций количественными фактами и систематического контроля теоретическая физика быстро выродилась

бы в те спекулятивные теоретизирования, которые создаёт паранаука. В отличие от паранаучных учений, научные теоретизирования не приемлют логических «больших скачков» [1, с. 65].

Распространению паранаук в обществе могут способствовать заблуждения учёных и гипотезы, отступающие от стандартов научности. Например, в своём выступлении на международном симпозиуме в 2001 году академик Г.И. Абелев отметил: «При ретроспективном взгляде на любую нашу область можно видеть, я думаю, не менее 80–90 % работ, гипотез и обобщений, в конце концов не вошедших в сложившуюся систему научных представлений, то есть формально – ошибочных. Целые области в нашей науке оказались основанными на заблуждениях – например, идеи о ядре у бактерий, разрабатывавшиеся много лет, или об особом состоянии молекул в живой клетке, или о белковой структуре хромосом. Но никому и в голову не приходит отнести эти исследования и идеи к псевдонауке» [2].

Также важно указать, что к развитию паранауки приводит неправильное понимание и использование междисциплинарных исследований. В междисциплинарных исследованиях могут ошибочно или преднамеренно объединяться паранаучные идеи и методы научных исследований, а также методы исследования естественных и гуманитарных наук.

Для установления ясности в данном вопросе необходимо рассмотреть классификацию междисциплинарных исследований, предложенную В.Г. Будановым [32, с. 445-447].

В.Г. Буданов предложил пять типов междисциплинарной коммуникации. Во-первых, междисциплинарность может выступать в форме согласования языков смежных дисциплин. Например, когда две дисциплины имеют общую предметную область, где каждая использует свой метод. Примером является отношение химии и физики, социологии и психологии.

Во-вторых, междисциплинарность трактуется как согласование языков не обязательно близких дисциплин. Примером является ситуация, когда различные

дисциплины в своих исследованиях используют одни и те же общенаучные методы и правила. Это методы синергетики, математики и системного анализа.

В-третьих, под междисциплинарностью может подразумеваться эвристическая гипотеза-аналогия. Например, когда на основе гипотез осуществляется перенос познавательных конструкций из одной дисциплины в другую. При незавершённости подобных гипотетических переносов требуется дополнительное обоснование в рамках одной дисциплины, либо пересматриваются основания этой дисциплины.

В-четвёртых, междисциплинарность предстаёт как междисциплинарный проект, в котором происходит взаимодействие различных дисциплин для понимания и управления сверхсложными системами. Примером являются глобальные и экологические проблемы; освоение космоса; проблемы интегральной психологии и искусственного интеллекта; кибернетика, которая позволила применять единый абстрактный подход к конкретным процессам управления в социальных и технических системах. Таким образом, появилась возможность открыть и сформулировать общие принципы управления. Дальнейшее развитие междисциплинарной тенденции привело к появлению таких наук, как нейролингвистика, когнитивная психология, нейрокибернетика.

В-пятых, междисциплинарность понимается как самоорганизующаяся коммуникация. Знание здесь организовано не дисциплинарно, а как целостная сеть, в которой применяются трансдисциплинарные ценности и нормы, методы системного анализа и синергетики, развивается междисциплинарная методология. Примером является трансдисциплинарное направление синергетики, присутствующее в современной науке. Синергетика может применяться в разных науках как общая исследовательская установка. Трансдисциплинарное исследование способно выходить за пределы конкретных дисциплин с помощью переноса когнитивных схем из одной науки в другую, либо с помощью разработки совместных проектов исследования [32, с. 445–447].

Сегодня идеи синергетики часто используются в паранауках для обоснования своих теорий. Синергетика ошибочно понимается как новое научное

мировоззрение, которое должно придти на смену старому. Также её оценивают как новую картину мира, новый язык современной науки, новую научную парадигму, новую методологию, фундамент новой культуры, новый способ бытия человека в мире, новую поведенческую стратегию, ядро современной науки. Ошибки допускаются и в некоторых науках, когда методы синергетики пытаются применять ко всем явлениям, проблемам и вопросам. Так, например, В.Б. Губин отмечает, что синергетический эффект проявляется не всегда. Например, определение характера кильватерной струи при движении корабля, начиная с уровня молекул, возможно только с помощью тяжёлых расчётов на суперкомпьютерах [65, с. 110–111]. Оценивая синергетическое действие различных факторов, В.Б. Губин отмечает, что частные науки также раньше работали с учётом не одного, а нескольких факторов, и не пытались строить неправильные модели в угоду линейности. Например, до столетнего мобилизма в геологии развивались теории катастроф. Также действие лекарств не просто суммируется, а является сложным и запутанным процессом [65, с. 112]. Его влияние на конкретных людей до сих пор невозможно точно предсказать [65, с. 112]. В языкознании преобразования языков не рассматривались как равномерное перемешивание, а в политэкономии или истории предсказывались скачкообразные, резкие, революционные преобразования после периодов спокойного эволюционного развития, где собственность на средства производства фактически представлялась как синергетический аттрактор [65, с. 112].

Необходимо отметить, что развитие интегративной тенденции в современной науке, проявляющей себя в виде междисциплинарных исследований, свидетельствует об усложнении структуры научного знания, что также способствует развитию паранауки. Подобно междисциплинарным исследованиям паранауки также способны переносить познавательные конструкции из официальных наук, пересматривать основания официальных наук, использовать моменты незавершённости гипотетических переносов, которые требуют дополнительного обоснования в рамках одной науки. Перенос когнитивных схем из одной науки в другую приводит к тому, что научное исследование выходит за

пределы конкретных наук и создаёт предпосылки для развития паранауки, которая также совершает попытки выхода за пределы наук, когда переносит свои когнитивные схемы в официальные науки и наоборот.

Развитие в современной науке междисциплинарных исследований приводит к изменению в соотношении научного и вненаучного знания. Каждая наука кроме общенаучных содержит собственные представления об истинности и научности. Но в междисциплинарных исследованиях общенаучные и частнонаучные представления об истинности и научности могут пересматриваться. Поэтому меняются и оценки критериев научного и вненаучного знания. Так, например, В.А. Лекторский указывал на историческую условность представления о науке и научности, которое будет меняться постоянно, несмотря на его определенность в каждый данный момент в конкретной дисциплине [133, с. 35].

Несомненно, что междисциплинарные исследования, проводимые в официальных науках, дают положительные результаты, как в познавательном, так и в технологическом смысле: появляются новые технические изобретения и научные открытия. Но возможны ли такие результаты в междисциплинарных исследованиях паранаук? Необходимо учитывать, что если такое междисциплинарное исследование станет возможным, то оно будет ограничено в мировоззренческом и методологическом смысле, поскольку каждая паранаука имеет собственные цели и стремится к собственной истине. Результаты междисциплинарного исследования паранаук будут сведены к их потребностям, а не к совместному поиску истины. Например, если уфологи с целью установления контактов с внеземными цивилизациями станут применять знания парапсихологов о мистических способностях сознания человека, то результаты такого «междисциплинарного исследования» будут ограничены частными интересами уфологов. Даже если такое исследование принесёт новые знания и открытия, их ценность всё равно будет определяться конкретной паранаукой. Междисциплинарный характер паранаук лучше просматривается в их отношении к официальным наукам. Например, теория торсионных полей, уфология, волновая генетика объединяют в себе знания таких официальных наук, как математика,

физика, химия, биология. Также авторы паранаучных учений часто пользуются знаниями не других паранаук, а различных культурных форм, среди которых присутствуют мистицизм, религия, искусство, наука.

Таким образом, основываясь на собственных целях и основаниях, паранаука проводит исследования и создаёт междисциплинарные синтезы похожие на научные. Паранаука имеет междисциплинарный характер, проявляющийся в её коммуникативных свойствах, в способностях объединяться с любыми типами мировоззрения, стилями мышления, картинами мира и идеологиями. В итоге паранаука порождает собственные междисциплинарные синтезы. Задача философско-культурологического анализа состоит в том, чтобы выявлять такие междисциплинарные синтезы, находить их социокультурные, когнитивные и мировоззренческие основания, определять их влияние на массовое сознание современного общества и на всю современную культуру в целом.

Паранаука часто создаёт такие теории, которые претендуют на роль новой научной парадигмы и призваны отменить всю предыдущую науку. На самом деле, как отмечает Э.П. Кругляков, любая новая научная теория лишь расширяет границы знания на область параметров, которую не охватывала предыдущая научная теория [123, с. 69]. Например, в пределе малых скоростей теория относительности переходит в механику Ньютона, которая может описывать движение любых тел с макроскопическими размерами, и только при размерах, близких к атомарным, учёным приходится прибегать к квантовой механике [123, с. 69].

Проблема паранауки имеет отношение к вопросу о научной картине мира. Главное различие научной и ненаучной картин мира состоит в том, что научная картина мира строится на основе определённой фундаментальной научной теории, которая служит обоснованием этой картины мира и видит в картине мира средство для своей интерпретации [165, с. 33]. В то же время научная картина мира как форма систематизации знания отличается от научной теории [165, с. 33]. Научная картина мира отражает объект и при этом отвлекается от процесса получения знания [165, с. 33]. Научная теория содержит не только знания об

объекте, но также и логические средства проверки их истинности [165, с. 33–34]. Игнорирование качественного различия между теорией и научной картиной мира, а также между различными картинами мира создаёт предпосылки для перерастания научного исследования в паранаучное. Примером являются попытки «опровержения» специальной теории относительности, несмотря на то, что она уже подтверждена экспериментами и практикой строительства ускорителей элементарных частиц. Также существуют попытки критики современной синтетической теории эволюции с точки зрения неокреационизма [165, с. 34].

Необходимо отметить, что паранаука способна проявлять себя и в моменты научных революций. В ходе научных революций появляются новые способы, ценности и идеалы познания, типы объектов, критерии и стандарты научности. Современными специалистами отмечается, что паранаука является побочным результатом революционного порождения новых парадигм, остатком одного из несостоявшихся вариантов парадигмы, переходной формой, которая сложилась в кризисной науке, но при этом не подходит под её критерии и стандарты. Подобная духовная форма испытывает сильное давление социокультурного фона и всё больше начинает отходить от научных критериев, утрачивает взаимосвязь с наукой и переходит во вненаучные сферы духовной культуры [165, с. 101–102]. Примерами являются ранний индетерминистический вариант интерпретации квантовой механики, многолетняя борьба со специальной теорией относительности, теория торсионных полей.

В отличие от науки, в паранауке нет научных революций, нет смены парадигм и картин мира, поскольку истина в паранауках уже известна и является вечной, все знания даны изначально в готовом виде. Например, тайные знания астрологии и нумерологии остаются неизменными уже несколько тысячелетий.

При анализе паранауки в контексте естественно-научного знания необходимо учитывать такое понятие как «стиль мышления». Под стилем мышления в современной науке часто понимается такое мышление, которое направлено на рациональное познание в его логико-эпистемологическом смысле.

Паранаучный стиль мышления также направлен на рациональное познание либо создаёт имитацию рационального познания, но в нём присутствуют и такие внерациональные элементы, как фантазии, суеверия, заблуждения, бытовые представления, манипуляция, фальсификация, бессознательные мотивы. Рациональные и внерациональные элементы в паранаучном стиле мышления способны присутствовать одновременно. При этом внерациональные составляющие могут рационально обосновываться, например, когда формируется их наукообразная форма. Также в паранауках существуют попытки и обратного характера, когда рациональные, научно доказанные идеи получают внерациональное истолкование, например, мистическое или фантастическое. Паранаучный стиль мышления проявляет такую же динамичность и гибкость в ходе познания, как и научный стиль мышления.

Паранаучный стиль мышления обладает своей спецификой и особенностями, которые отличны от научного стиля мышления, например, он более стабилен и постоянен в своём развитии. В каждой исторической эпохе стиль мышления паранауки имеет отличительные особенности. Но в то же самое время он основывается на одних и тех же вечных истинах, неизменных в любое время. Большая динамика и изменчивость в различных культурно-исторических условиях проявляется в отношениях между паранаучным и научным стилями мышления. Стиль мышления паранауки способен находить новые перспективные либо ошибочные пути развития науки, которые научный стиль мышления по причине своей специфики в определённый момент времени найти не может.

Необходимо отметить, что взаимодействие между наукой и паранаукой имеет диалектический характер развития, который состоит в том, что деятельность одной приводит к усилению активности и изобретательности другой. Данное диалектическое взаимодействие имеет мировоззренческое значение, поскольку каждая новая диалектическая ступень развития взаимодействия между наукой и паранаукой приводит к возникновению новых стилей мышления и форм знания, которые в свою очередь также формируют новые уровни взаимодействия между паранаукой и наукой.

Таким образом, анализ паранауки в контексте естественно-научного знания, во-первых, показывает, что исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки. Во-вторых, выясняется, что паранаука в соответствии с изменениями, происходящими в официальной науке, легко перестраивает свою методологическую и категориальную основу. В современной культуре паранаука выполняет роль научного авангарда, поскольку способна открывать новые перспективные области и направления для развития науки. Паранаучные учения способны проявлять гибкость и мобильность независимо от изменений, складывающихся в научной методологии. Это позволяет ей быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, разворачивающимся не только в научном мире, но и во всей культуре в целом. Таким образом паранаука обеспечивает сохранность и динамику своих мировоззренческих оснований в культуре. Данные выводы позволяют говорить о том, что паранаука обладает социокультурной самодостаточностью, основания которой также необходимо выявить в социально-гуманитарном знании. Для этого потребуется перейти к анализу места и роли паранауки в социально-гуманитарном знании. Исследование паранауки в аспекте социально-гуманитарного знания необходимо также для того, чтобы, во-первых, выяснить предпосылки возникновения и распространения паранауки в данном аспекте. Во-вторых, показать, что в аспекте социально-гуманитарного знания исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки. Для этого обратимся к анализу такой науки, как психология.

Как отмечает В.А. Лекторский, со времени возникновения экспериментальной психологии в конце 19 века в ней всегда существовали попытки создания системы знания, подобного классическому экспериментальному естествознанию [134, с. 50]. На это ориентировался и основатель экспериментальной психологии Вундт, и основатель психоанализа Фрейд, и основатель бихевиоризма Уотсон [134, с. 50]. Такую же попытку построения психологии по образцу классического научного знания

предпринимали известные советские психологи Л. Выготский и А. Леонтьев [134, с. 50]. Но на практике этот идеал подтверждался в редких случаях.

В середине 20 века в США была образована группа психологов, в которую входили У. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и Р. Мэй [134, с. 50]. Они основали движение гуманистической психологии и выдвинули тезис о том, что психология не является наукой естественно-научного типа, который всегда рассматривался как научный. Поэтому общие представления об идеалах знания и целях науки должны быть пересмотрены [134, с. 50]. Например, А. Маслоу отмечал, что знание о человеке не может быть знанием экспериментальным. Такое знание возможно только как «экспириентальное», то есть основанное на непосредственных данных человеческих переживаний [134, с. 50]. В психологическом познании происходит слияние исследователя с объектом изучения. По мнению К. Роджерса, в процессе психотерапии возникает «экспириентальное» единство, то есть ситуация, в которой пациент и терапевт находятся в потоке субъективного аутентичного становления, взаимоотношения по типу «Я–Ты» [134, с. 50]. Это такой процесс самопознания, которому нельзя научить, его можно только пережить [134, с. 50].

Аналогичного мнения о статусе психологического знания придерживаются и российские психологи, которые критикуют естественно-научный идеал в психологии. Например, В. Розин подчёркивает, что по отношению к человеку не применимы такие технические установки, как «овладеть», «подчинить», «управлять». Также не применима и естественно-научная установка «описать процессы и условия, их определяющие». А. Пузырей отмечает, что в психологии эксперимент невозможен по той причине, что из эксперимента невозможно изъять самого исследователя, отделив его от объекта изучения [134, с. 50–51].

Для прояснения вопроса о научном статусе психологии необходимо рассмотреть такую паранауку как парапсихология. Специалисты отмечают, что парапсихология имеет древние корни, которые уходят в эзотерические пласты культуры, а как сложившаяся форма паранауки она относительно молода [165, с. 219]. Становление парапсихологии по времени совпадает с

формированием психологии как самостоятельной науки. На начальном этапе своего развития парапсихологические исследования входили в сферу интересов научной психологии. Например, на четвертом Международном конгрессе психологов в 1900 году была разработана систематическая номенклатура направлений исследований в психологии. В данной номенклатуре в девятом разделе «Изучение сна, состояний транса и патологии» вместе с изучением состояний транса, гипноза и сновидений входили и парапсихологические исследования [165, с. 219].

Классификации, определения и свойства парапсихологических явлений представлены в трудах таких исследователей, как М. Рицль [194], А.П. Дубров и В.Н. Пушкин [76].

Помимо разных классификаций и определений парапсихологических явлений существует мнение, что парапсихология должна сосредоточиться только на экстрасенсорном восприятии, исключив парабиологические и парафизические явления. То есть в сфере интересов парапсихологии должны быть такие явления, как ясновидение – способность знать и познавать факты, недоступные сознательному восприятию; телепатия – способность узнавать информацию о находящемся рядом человеке; предвидение – способность узнавать информацию о будущих событиях [165, с. 221].

Также отмечается, что парапсихология, несмотря на все попытки присвоить себе статус науки, всегда существовала в виде, с одной стороны, массива фактов, а с другой в виде нескольких объяснительных схем. Как правило, такие объяснительные схемы не согласуются друг с другом и противоречат фундаментальным законам природы, например, принципу относительности, закону сохранения энергии, принципу причинности и второму началу термодинамики [165, с. 221–222].

Важно указать, что многие представители парапсихологии призывают к отказу не только от научно-материалистического мировоззрения, но и от религии и мистицизма [165, с. 222].

Отношение официальной науки к паранормальным психическим феноменам является неоднозначным – от полного непризнания до нейтрального отстранения. Отношение парапсихологов к научной психологии также неоднородно. Одни парапсихологи занимают позицию конкуренции с официальной наукой, другие придерживаются позиции ассимиляции [165, с. 222].

Специалисты отмечают некоторые характеристики парапсихологических явлений. Во-первых, высказывается сомнение в достоверности историй о парапсихологических явлениях, поскольку они представляют неповторяющиеся события, которые невозможно проверить. Во-вторых, экстрасенсорное воздействие понимается как сверхъестественное, поэтому оно трактуется как непостижимое рациональным путём [165, с. 223]. В-третьих, парапсихология не имеет установки на получение достоверного истинного знания, не определена в выборе со своим предметом и не осуществляет рациональный отбор и классификацию эмпирических данных. В-четвёртых, при аргументации парапсихологи основываются на традициях или эмоциях. В рассказах о необычных психических явлениях познание как таковое отсутствует, а присутствует сообщение. Главная функция этих рассказов состоит в совместном эмоциональном переживании слушателя и рассказчика. Поэтому знания парапсихологов, предстающие в виде рассказов, не являются научными [165, с. 223].

Существуют попытки дать научное объяснение парапсихологическим явлениям. Например, М. Рицль определяет транс медиума как особую форму гипнотического состояния, которое приводит к появлению автоматических реакций. Эту форму гипнотического состояния он называет внушённой деперсонализацией. Деперсонализация понимается как отчуждение личности, вызываемое внушением. В данном состоянии человек может представить себя другим человеком или животным. Состояние деперсонализации сопровождается сильными моторными реакциями организма. Рицль относит парапсихологические явления к области психологии и психопатологии, а не парапсихологии [194, с. 64-69].

Другим примером современного паранаучного мифотворчества является трансперсональная психология. Исследователи отмечают сходство трансперсональной психологии с научной психологией. Например, представление о том, что некоторые неврозы или психосоматические расстройства, которые научная психиатрия и психология объясняют как болезни, на самом деле могут быть кризисами роста, а не патологиями. Данное понимание расширяет эмпирическое поле психологии и настраивает на поиск новых методов помощи людям и скрытых возможностей психики. Отличие трансперсональной психологии от научной психологии состоит в том, что такие основные идеи трансперсональной психологии, как жизнь после смерти, реинкарнация, возможность заглянуть в прошлое или будущее, не могут быть верифицированы или фальсифицированы и противоречат фундаментальным законам физики [165, с. 232–233].

Также трансперсональные переживания трактуются как регресс к архаическому восприятию, которое было непосредственным и целостным. В архаическом восприятии мысли и эмоции находятся в единстве и выступают как ментальные структуры, отличающиеся от тех, что испытывает современный человек. Здесь речь идёт о механизме передачи опыта от родителей к детям, который может прояснить, как современному человеку открывается доступ к архаическим переживаниям [165, с. 233]. Данный механизм имеет сходства с генетической эволюцией, а также и с культурной эволюцией, когда передаются не врождённые признаки, а приобретённые, например, стереотипы переживаний и чувствований, способы реакций, модели поведения [165, с. 233–234]. Этот механизм передачи опыта приобщает человека к культуре и мировоззрению его архаических предков. Архаические формы мировосприятия бессознательно функционируют в мышлении современного человека и проявляют себя через язык, обычаи, традиции, систему стереотипов и верований [165, с. 234].

Специалистами допускается предположение, что трансперсональный опыт свидетельствует не о том, что кто-то был другим человеком и жил в другую эпоху, а о том, что память человека хранит не только компоненты его

собственного опыта, приобретённого в процессе жизнедеятельности, и не только запас общекультурной информации. В ней содержится также длинная цепь персональных воплощений этой культуры, которая связывает современность с начальными этапами человеческой эволюции [26, с. 35–44]. По мнению специалистов подобное объяснение трансперсонального опыта более естественно, чем то, которое даёт в своём учении С. Гроф. Данное объяснение удовлетворяет таким критериям научности, как фальсифицируемость и соответствие исторически сложившимся знаниям о мире [165, с. 234–235].

В самой трансперсональной психологии усматривается попытка сближения западных и восточных культур и религий. Отмечается, что паранаука является изобретением западной культуры. Религиозную функцию на Востоке выполняют философские или религиозные доктрины. Любая крупная философская доктрина на востоке, например, буддизм, индуизм или даосизм является одновременно и философской концепцией, и религией, и схемой практических действий для повседневной жизни человека. В этих религиозно-мировоззренческих доктринах реализуются все три основные составляющие сознания: эмоциональная, когнитивная и волевая [165, с. 238].

В западной культуре единство эмоционального, когнитивного и волевого было утрачено ещё в эпоху Модерна. Утрата этого единства привела к тому, что человек западной культуры начал проявлять интерес к восточным мистическим учениям, с помощью которых он пытается найти свою духовную цельность. Поскольку собственные попытки осуществить синтез эмоционального, когнитивного и волевого оказались неудачными, поэтому западный человек начал поиск такого синтеза в других культурных традициях. Разочарованный в традиционном типе религиозности и системах управления, воспитанный в идеале «чистого знания», западный человек пытается найти на Востоке новый тип духовности, в котором сможет реализоваться его эмоциональная потребность веры. И здесь для него оказывается привлекательной такая разновидность парапсихологии, как трансперсональная психология [165, с. 239].

Рассматривая проблему научного статуса психологии, необходимо отметить, что ещё Декарт доказывал несостоятельность попытки создать науку о душе по образу естествознания. Он обосновывал это онтологически: существуют две субстанции – протяжённая и мыслящая, которые несводимы друг к другу. Кант также считал, что научная психология невозможна, либо неинтересна, по той причине, что она выражает минимальную часть человеческого опыта и практически бесполезна. Идеи Декарта и Канта подтвердились в конце 19 века, когда была предпринята неудачная попытка создать психологию по образу естествознания с использованием математических методов. Далее психология находилась между крайностями субъективизма и редукционизма. В 20 веке появилась «практическая» психология – психотерапия. Но З. Фрейд отмечал, что психоанализу научиться невозможно. Психоанализ представляет собой искусство, в котором психотерапевт либо одарён, либо нет. Поэтому собственная методологическая база психологии до сих пор не сформулирована. Отсутствие методологической базы психологии осложняет попытки установить различия научного и мифологического как в парапсихологии [165, с. 239]. Сложность состоит в том, что психология работает не с элементарными фактами, а с целостными психологическими ситуациями, «вписанными» в более широкие экзистенциальные контексты. Для их описания психология ещё не выработала точного языка, поэтому психические процессы описываются на условном символическом языке. Научная психология пока не предложила адекватных методов для познания субъективной реальности и даже запрещала поиски таких методов, объявляя их ненаучными [165, с. 239–240].

Такой же проблемой современной психологии являются изменённые состояния сознания. Современные специалисты утверждают, что изменённые состояния сознания должны изучаться научно и объясняться с рационалистических позиций. Нет оснований утверждать, что такое изучение невозможно. Предполагается, что многие психологические явления, которые в современной психологии квалифицируются как «аномальные», со временем перейдут в разряд «нормальных». Задача психологии как науки состоит в

рациональном постижении непознанных психологических явлений. Для этого предлагается путь накопления новых эмпирических и экспериментальных данных, их рационально-теоретическое обоснование, согласованное с фундаментальными научными знаниями [165, с. 240].

Высказывается мнение о том, что даже если 95 % сообщений о необычных свойствах психики являются выдумкой, то оставшиеся 5 % должны быть исследованы. Какие-либо предубеждения здесь не желательны, поскольку могут привести к примитивно понятому детерминизму и не позволят правильно объяснить необычные свойства психики, например, изменённые состояния сознания или феномены свободы воли и творчества [165, с. 241]. Похожей точки зрения придерживается зарубежный учёный Е. Гуд, который считает действительными и истинными неправдоподобные с научной точки зрения явления. В качестве примера он приводит парапсихологию, астрологию, креационизм и уфологию [270, с. 20].

Специалисты приходят к выводу о том, что мифологическая составляющая в парапсихологии доминирует над научной. Парапсихология апеллирует к мифологическим пластам европейского сознания и таким образом выполняет психотерапевтическую функцию, она устраняет психологические травмы, причинённые глобальными переменами в обществе [165, с. 241].

Парапсихология имеет прямое отношение к вопросу о существовании мистического опыта сознания. Философский анализ мистического опыта сознания представлен А.Н. Книгиным в его работе «Философские проблемы сознания» [112].

По мнению А.Н. Книгина, сомнения в существовании мистического опыта и его защита основаны на недоразумениях и логической путанице, которые связаны с нефеноменологическим подходом и узким пониманием опыта, исключая переживания [112, с. 155].

Скептики сомневаются в том, что предметное содержание мистического опыта, например, Абсолютное существует за пределами этого опыта и поэтому сам опыт называют «галлюцинацией» или «иллюзией». То есть они смешивают

вопрос о существовании опыта (состояния, феномена сознания) с вопросом о существовании «внеопытной действительности». Но если кто-то утверждает, что его посетил Бог и говорит при этом правду, то независимо от онтологии этого события, феноменологически это является реальностью сознания. И этого достаточно для признания существования мистического опыта. Другим сомнением скептиков является механизм мистического опыта, возможность что-то иметь в сознании помимо созерцания и интеллекта. В ответ данному сомнению можно сказать, что, например, страх также не относится к созерцанию и интеллекту, но человек его имеет [112, с. 156].

Защитники мистического опыта также допускают ошибку при его доказательстве. Например, Вл. Соловьев говорит, что если бы большинство людей были слепы, то они не поверили бы рассказам одиноких зрячих и не поняли бы, что такое свет. Данное рассуждение доказывает, что мистический опыт логически возможен, но не то, что он есть [112, с. 156]. Также защитники обвиняют скептиков в том, что они выдают свою «духовную слепоту» за доказательство несуществования мистического опыта. Но дело заключается в том, что не только мистический, а вообще никакой опыт не доказывается, поскольку он сам является предельным основанием [112, с. 156–157].

Таким образом, А.Н. Книгин представляет феноменологическое доказательство мистического опыта сознания. Данное доказательство помогает выявить многие недостатки в критике материалистами паранаучного знания. Например, Ч. Хэнзел по поводу таких свойств мистического опыта сознания, как телепатия и ясновидение отмечал отсутствие приемлемых доказательств реального существования экстрасенсорного восприятия [238, с. 295]. Аналогичный вывод следует из анализа трудов многих других парапсихологов [135, с. 170–172]. Данные мнения представителей материалистической психологии не учитывают феноменологического смысла мистического опыта сознания и противоречат основным принципам идеалистической психологии.

Представляется ошибочным считать антинаучными те направления психологии, предметом изучения которых является интуиция и мистический опыт

сознания. Среди учёных, критикующих теорию архетипов К. Юнга и трансперсональную психологию С. Грофа существует их неоднозначная оценка и неопределённость. Например, Ю.М. Сердюков, рассматривая психоаналитическую теорию К. Юнга, говорит о том, что с одной стороны её можно рассматривать как вполне нормальную психологическую концепцию, поскольку она весьма убедительна и содержит различные параллели с описаниями трансцендентных состояний в христианстве, йоге и буддизме. Также учение Юнга не имеет противоречий с основными современными концепциями сознания и доступно объясняет различные феномены из области «сверхъестественного» [204, с. 224]. Но с другой стороны, Ю.М. Сердюков отмечает, что концепция Юнга гипотетична, поскольку её основные выводы основаны на предположении о существовании не наблюдаемых объектов, которыми являются архетипы коллективного бессознательного. Они наследуются примерно также, как предрасположенность к отдельным заболеваниям или цвет волос, но по другим, небιологическим законам [204, с. 224]. Также Ю.М. Сердюков опровергает основные идеи трансперсональной психологии, но в суждениях об экстрасенсорном восприятии он признаёт отсутствие оснований для опровержения этого явления, поскольку, по его мнению, на имеющихся сведениях об экстрасенсорном восприятии нельзя строить теорию, но научная концепция обязана иметь достоверный способ объяснения таких сведений [204, с. 255]. Похожее неоднозначное мнение о трансперсональной психологии высказывал и Е.А. Торчинов. По его мнению, трансперсональная психология показала закономерный, непатологический и даже прагматический, в том числе и в психотерапевтическом плане, характер мистических переживаний. Но при этом гипотезы трансперсональной психологии являются наивными и похожи на «поп-философию» «нью-эйджа» [221, с. 366].

А.В. Юревич, рассматривая исследования экстрасенсорного восприятия отмечает, что данные исследования, выполненные на строго научной основе, так и не дали однозначного ответа на вопрос о том, существует экстрасенсорное восприятие или нет [264, с. 108]. Отсутствие однозначного ответа паранаука

расценила как ответ положительный [264, с. 108]. Данный случай является примером того, когда выдвинутые наукой гипотезы паранаука превращает в доказанные истины и даже в объяснительные принципы [264, с. 108].

Такие области исследования, как изучение экстрасенсорного восприятия, находятся на границе между наукой и паранаукой и поэтому являются одним из главных путей проникновения паранауки в область науки [264, с. 108]. Есть две причины привлекательности этой области для паранауки. Во-первых, она очень интересна для человека, много раз представлена в научно-фантастических романах и кинофильмах [264, с. 108]. Когда представители паранауки появляются в этой области, они приобретают возможности попасть в сферу общественных интересов, а следовательно, оказаться и в центре финансовых потоков [264, с. 108]. Во-вторых, отсутствие однозначного ответа научной психологии на вопрос о существовании экстрасенсорного восприятия открывает свободный путь для деятельности экстрасенсов [264, с. 108].

Необходимо отметить, что причиной возникновения и распространения паранаук могут являться не решённые научной психологией вопросы об идеальности и материальности сознания, о существовании мистического опыта сознания и о природе изменённых (пограничных, трансовых) состояний сознания. Например, современные специалисты отмечают, что гипноз как способ изучения бессознательного имеет несомненное преимущество перед другими методами, так как позволяет изучать бессознательные психологические явления в ходе эксперимента [189, с. 206–207]. Психолог может относительно легко вызывать гипнотические состояния у определённой категории людей и исследовать выполнение инструкций не только в гипнозе, но и в постгипнотическом состоянии [189, с. 207]. Имеются доказательства того, что, человек, находящийся в состоянии ясного сознания способен действовать под влиянием внушённых в гипнозе бессознательных установок [189, с. 207]. На этом явлении основано психотерапевтическое лечение гипнозом некоторых форм неврозов, алкоголизма и других нервно-психических заболеваний [189, с. 207].

Другим примером является такая способность сознания, как интуиция. Некоторые механизмы интуиции сегодня уже изучены официальной наукой и применяются на практике. Но большая часть этой способности до сих пор остаётся малоисследованной, а многие учёные вообще отвергают существование интуиции. В результате научные исследования прекращаются на ранних этапах или не начинаются, тем самым предоставляя возможность для паранаучных толкований интуиции. Таким образом, ситуация незавершённости научных исследований способствует появлению и развитию паранаучных учений.

Необходимо отметить, что возможное признание официальной наукой некоторых свойств мистического опыта сознания может привести к рационализации той области знания, которая принадлежит паранауке. Следовательно, возможно изменение границы между наукой и паранаукой, которая в данном случае может пониматься как граница между научной психологией и парапсихологией.

Актуальность и сложность проблемы научного статуса психологии подтверждается на примере такого направления, как психоанализ.

Преобладающее количество вопросов о научном статусе психоанализа имеется у представителей позитивизма и естественно-научного материализма. Среди позитивистов более известной является точка зрения Карла Поппера: «Психоаналитические теории... являются непроверяемыми и непроверяемыми теориями. Нельзя представить себе человеческого поведения, которое могло бы опровергнуть их... это означает, что те «клинические наблюдения», которые, как наивно полагают психоаналитики, подтверждают их теорию, делают это не в большей степени, чем ежедневные подтверждения, обнаруживаемые астрологами в своей практике» [181, с. 246–248]. По мнению позитивистов, фальсификация и верификация объяснений психоаналитика невозможна по той причине, что во время психоаналитического сеанса эти объяснения одинаково подтверждаются как в том случае, когда пациент соглашается с ними, так и в том случае, когда пациент их опровергает. Примером является объяснение любой бессознательной

деятельности человека: оговорка, сновидение, невроз, переживание, провал в памяти, страх, депрессия.

Методы и критерии естественных наук сегодня имеют большое значение при оценке знания на достоверность. В этом смысле необходимо рассмотреть психоанализ с точки зрения такой науки, как нейробиология. Как отмечает М. Солмс, начиная с 1950-х годов, после появления более совершенных методов исследования человеческой психики, выяснилось, что доводы Фрейда в научном отношении являются слабыми. Основным методом его работы был не научный эксперимент, а наблюдение пациентов в психиатрических клиниках. Для их лечения всё чаще стали применять лекарства, поэтому биологический подход к исследованию психических заболеваний стал вытеснять психоанализ [206, с. 56].

С точки зрения новых психологических представлений, пришедших на смену фрейдизма, человек, испытывающий депрессию, чувствует себя несчастным не потому, что в раннем детстве пережил травматические события, а потому, что в его головном мозге было нарушено равновесие между химическими соединениями [206, с. 56]. Но взамен психоанализу психофармакологи не предложили никакой новой теории личности, мотиваций и эмоций.

Сегодня нейробиологи признают бессознательные психические процессы, а также их важную роль в человеческой психике. Например, специалисты в области когнитивной нейробиологии допускают наличие таких систем памяти, которые осуществляют имплицитную (неосознаваемую) и эксплицитную (осознаваемую) переработку информации. Данные формы памяти предлагал и Фрейд. Также нейробиологами было обнаружено, что те структуры мозга, которые отвечают за формирование эксплицитной памяти, не функционируют в течение двух первых лет жизни ребенка [206, с. 57]. Этот факт подтверждает ранее предложенный Фрейдом феномен инфантильной амнезии. Кроме этого, в исследованиях нейробиологов подтвердились идеи Фрейда о том, что информация, неприятная для человека, вытесняется в область подсознательного, основываясь на принципе удовольствия; подавление памяти происходит избирательным образом, а процесс

воспоминания также испытывает воздействие принципа удовольствия, когда человек вместо действительного начинает вспоминать желаемое [206, с. 58].

Таким образом, современная нейробиология находится на пути к формированию единой теории функционирования человеческой психики, в которой подтверждаются многие идеи Фрейда.

Оценивая научный статус психоанализа, необходимо отметить, что данная концепция содержит определённую пользу для общества и оказывается способной решать личные и общественные проблемы. Поэтому, несмотря на свой слабый научный статус, психоанализ сегодня обладает высоким социокультурным статусом, который поддерживается популярностью и востребованностью в современном обществе. К тому же теория психоанализа успешно применяется в исследованиях других наук, например в литературоведении, философии, лингвистике, психолингвистике. Данное положение свидетельствует о научной ценности и плодотворности психоанализа.

Очевидно также и то, что проблема научного статуса психоанализа может находиться в долгом процессе решения, поскольку данный вопрос зависит от новых научных открытий в области нейробиологии и тех наук, которые имеют отношение к физиологии и психологии человека. Также необходимо учитывать, что клиническая практика не является абсолютным критерием для определения научного статуса психоанализа. Например, Б.И. Пружинин, говоря о научности психоанализа, отмечал важность социокультурного аспекта и относительность результатов клинической практики [185, с. 239–255].

Итак, анализ паранауки в аспекте социально-гуманитарного знания показал, что методология и критерии достоверности в социально-гуманитарных науках находятся в процессе становления. Они постоянно вырабатываются в ходе познания новых проблем и вопросов и не могут быть сформулированы однозначно и окончательно. Поэтому социально-гуманитарные науки не защищены от влияния внешних факторов социокультурного и паранаучного характера. Социально-гуманитарные науки являются легкодоступными для паранаучного вмешательства и по той причине, что они представляют

наибольший интерес для массового сознания. Для решения материальных и духовных проблем массовое сознание чаще всего обращается к гуманитарным наукам. Рассмотренные проблемы психологии, психоанализа и парапсихологии являются доказательством того, как теория, не соответствующая критериям научного знания, способна во многих случаях обеспечивать положительный результат при лечении психических расстройств и помогать человеку при решении экзистенциальных проблем. Поэтому паранаучное творчество в большей мере сегодня присутствует в гуманитарной сфере. Данная ситуация говорит о том, что для проверки знания на истинность и достоверность требуется учитывать не только научный, но и социокультурный аспект. Сегодня такие факторы, как культурная ценность, социальная польза, экзистенциальная значимость, прагматическая пригодность могут оказать решающее значение при определении истинности и достоверности какой-либо теории или картины мира.

Также анализ паранауки в аспекте социально-гуманитарного знания показал её активный, свободный и самодостаточный характер в современной культуре и обществе. Найденные проблемы привели к осознанию наличия более глубоких причин возникновения и распространения паранауки, имеющих в основаниях самой культуры. Для выявления этих причин необходимо обратиться к анализу социокультурных оснований и функций паранауки в современной культуре.

Анализ паранауки в контексте естественно-научного и социально-гуманитарного знания позволил сформулировать основные критерии паранауки:

- 1) Эклектичность: в паранаучных учениях присутствует хаотический способ передачи информации о предмете без её классификации и систематизации.
- 2) Интуитивность: многие положения в паранаучных учениях принимаются интуитивно без доказательств и проверки.
- 3) Ассоциативность: умозаключения в паранауках совершаются по аналогиям на основе ассоциативно сходных общих признаков.
- 4) Символичность: паранаучные учения основываются на символах, образах, метафорах и аллегориях.

5) Невоспроизводимость: паранаучные идеи не подтверждаются опытным, экспериментальным путём, поскольку они экспериментально не воспроизводимы, либо воспроизводятся, но каждый раз показывают различные результаты.

6) Нефальсифицируемость: в паранауках специально создаются различные методы защиты от критики собственной теории.

7) Неординарность: паранаука ориентирована на создание впечатления своей новизной, необычностью и сенсационностью.

8) Универсальность: паранаучное объяснение стремится к универсальному объяснению любых сфер действительности.

9) Утилитарность: паранаука направлена не на содержательное, а на целевое обоснование, то есть на быстро и легко достигаемые практические результаты.

Таким образом, анализ паранауки в контексте научного знания позволил выявить границы и возможности изучения паранауки в данном контексте.

Во-первых, было показано, что исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки. Анализ паранауки в данном контексте сводится к решению конкретных научно-методологических вопросов и проблем, например, вопросов о соотношении паранауки с научными критериями, методами познания, научными революциями, парадигмами, картинами мира. То есть такой подход не позволяет определить социокультурную роль паранауки, выявить её культурные основания, творческие и духовные предпосылки.

Во-вторых, было выявлено, что недостаточность обращения к контексту научного знания для понимания значения и природы паранауки обусловлена игнорированием социокультурного контекста функционирования и динамики науки, а также интерпретацией науки как готового знания.

В-третьих, было установлено, что анализ паранауки в контексте научного знания оказывается недостаточным для того, чтобы выяснить истинные причины роста популярности паранауки в современной культуре. Следовательно, возникает необходимость обращения к более широкому контексту анализа паранауки, которым является социокультурный контекст. Поэтому требуется

применение философско-культурологического анализа паранауки, позволяющего выявить её социокультурную роль, культурные основания и функции в культуре, что и будет сделано в следующей главе.

2. Социокультурные основания и функции паранауки в культуре

2.1. Социокультурные основания современной паранауки

Основная цель данной главы состоит в том, чтобы показать ценность и необходимость культурного контекста анализа паранауки для понимания причин её растущей популярности в современной культуре и выяснения продуктивной роли паранауки в аспекте научного знания. Для этого потребуются выявить те изменения в современной культуре, которые оказались наиболее благоприятными для развития и распространения паранауки, а также выяснить культурно-исторические, социокультурные и духовные основания паранауки.

В.С. Степин определяет культуру как систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности [209]. К таким программам относятся деятельность, поведение и общение, обеспечивающие воспроизводство и изменение социальной жизни. Данные программы представлены многообразием знаний, норм, навыков, идеалов, ценностных ориентаций и образцов деятельности. В своей совокупности они образуют исторически накапливаемый социальный опыт [209]. Культура хранит и передает этот опыт от поколения к поколению [209]. Также она генерирует новые программы деятельности, поведения и общения, которые, реализуются в соответствующих видах и формах человеческой активности и порождают реальные изменения в жизни общества [209].

Паранаука в своём развитии основывается на различных особенностях цивилизации и культуры. Поэтому анализ культурных оснований паранауки должен учитывать специфику различных типов культуры и цивилизации, определяющих понимание науки. Например, А.Б. Демидов отмечает, что наука, порождённая какой-либо цивилизацией как социальная матрица, может иметь различные признаки когнитивной структуры, целей познания и способов коммуникации между учеными [71, с. 16]. В одних цивилизациях присутствует «закрытая» система знаний, в которой истинное знание уже существует, изложено

в каком-либо «священном писании» и нуждается только в правильном понимании, объяснении, передаче и защите от искажений. В других цивилизациях присутствует «открытая» система знаний, то есть доступная для переосмысления, критики и дальнейшего развития, где инакомыслие воспринимается как нормальное явление [71, с. 16].

Современные исследователи отмечают, что в процессе познания мира человек оценивает его свойства с прагматической точки зрения. Функции оценки выполняют эмоции, которые являются субъективной формой представления потребностей. Такая когнитивно-ценностная двойственность сознания сложилась в процессе эволюции. Она проявляется в функции регулирования поведения психикой с целью удовлетворения потребностей организма в окружающей среде на основе её отражения [165, с. 19].

Необходимо отметить, что паранаука имеет тесную взаимосвязь с ценностным аспектом. Многие паранауки вырабатывают свою систему ценностей, которая служит культурным ориентиром для поведения человека и принятия им решений в бытовой и профессиональной деятельности. Примером этого является наличие в современном обществе большого количества людей готовых выстраивать свою жизнь по рекомендациям паранаучных учений, например, по астрологическим гороскопам или нумерологическим расчётам.

По мнению современных учёных, развитие и взаимодействие познавательной и ценностной сторон сознания определяют процессы демифологизации и ремифологизации духовной культуры. Демифологизация проявляется в упадке и забвении мифологических пластов сознания, в укреплении идеалов рационализма. Ремифологизация представляет собой их расцвет и возрождение, размывание критериев рациональности, рост критических настроений по отношению к науке и её роли в обществе [165, с. 20]. Важно указать на то, что в периоды ремифологизации духовной культуры происходит наибольшая активизация паранаучных учений, их возникновение и распространение в обществе.

В современной культуре именно обыденное сознание является наиболее подверженным влиянию паранауки. Многие элементы первобытного мифологического сознания воспроизводятся паранауками и адаптируются в обыденном сознании, где они синтезируются с другими типами мировоззрения, стилями мышления и формами знания.

Также в современной культуре отмечаются различные причины, способствующие возникновению и распространению паранаук. Во-первых, это размывание границ между когнитивной и ценностной сторонами сознания и возрастание личностного начала во всех сферах человеческой деятельности [165, с. 68].

Во-вторых, увеличивающаяся опосредованность и многозвенность связи между мотивами и целями деятельности, которые всё чаще направляются случайными, а не закономерными обстоятельствами.

В-третьих, развитие интегративных процессов в культуре осуществляется по двум направлениям – традиционным (магистральным) и нетрадиционным (девиантным).

Традиционные линии развития культуры представляют собой направления, которые закономерно и необходимо вырастают из оснований культуры. Они опираются на исторические пласты культуры, вырабатывают с ними устойчивые связи и отношения. Здесь выдвигаются высокие творческие критерии, предъявляются повышенные требования к профессионализму, формируется подлинная культурная элита [165, с. 69].

Нетрадиционные линии развития культуры появляются в результате взаимодействия вторичных, побочных и случайных факторов. Они характеризуются утерей закономерных связей со своими культуротворческими основаниями, заниженными критериями профессионализма, отсутствием глубинной исторической укоренённости, сиюминутными утилитарными ценностями, мнимой элитарностью [165, с. 69–70].

В-четвёртых, глубинные синтезы в духовной культуре опосредованы обыденным сознанием, которое часто не способно отличить нетрадиционные линии культуры от традиционных.

В-пятых, в динамике современной культуры присутствует закономерность, проявляющаяся в том, что каждый новый шаг в культурном творчестве совершается не только благодаря освоению новых достижений культуры, но и глубинных исторических пластов культуры, то есть за счёт синтеза истории культуры и её современности. История культуры постепенно включается в культуротворчество современности и становится его основной предпосылкой. Исторические пласты культуры в виде различных идей и тенденций обогащают её современное состояние [165, с. 70].

Также отмечается, что во всех исторических типах сознания содержится первобытная основа. Архаичная форма сознания в подходящих условиях может возрождаться в различных видах и противостоять исторически более поздним формам рационализма. Так в современной культуре осуществляется переход от когнитивно-доминирующего типа сознания к такому типу, который характеризуется единством и взаимодополнением когнитивного и ценностного [165, с. 70–71].

Таким образом, для выявления первого социокультурного основания паранауки необходимо обратиться к анализу её взаимосвязи с такими древними историческими формами культуры, как фольклор и мифология, а также с таким жанром современного художественного искусства, как фантастика. Рассматривая фольклорную и мифологическую природу паранауки, специалисты указывают на роль обыденного сознания, которое тесно связано с фольклорным творчеством. К основным взаимосвязанным составляющим частям мифа относятся повествование, обобщённое представление и обрядово-ритуальная игра. Они продолжают своё развитие в обыденном сознании и фольклорно-эпическом творчестве. Фольклорное сознание, также как и мифологическое, объединяет чувственный художественный образ и элементы объективного эмпирического знания о мире [165, с. 60]. Фольклорное сознание способно активизировать

интегративные процессы в системе духовной культуры, формировать новые пути и связи между различными формами сознания. Тем самым оно порождает новые формы культуры [165, с. 147]. Такая способность может быть связана с тем, что фольклорное сознание имеет импровизационный характер, когнитивное и ценностное в нём либо находятся в единстве, либо на стадии незавершённого синтеза. Современное паранаучное творчество является примером такого незавершённого когнитивно-ценностного синтеза. Данный синтез не может быть выявлен в системе логических структур, поскольку он безразличен к такой системе [165, с. 147–148].

Также отмечается, что паранаучное творчество, сформировавшееся на границе между фольклором, научной картиной мира и обыденным сознанием, ориентировано не на познание мира, а на умножение способов переживания человеком мира. Поэтому оно принадлежит не познавательному, а ценностно-эстетическому отношению человека к миру [165, с. 145].

Н.И. Мартишина, рассматривая мифологическую природу паранауки, отмечает следующие сходства мифа и паранауки:

1. В паранауке присутствуют содержательные принципы мифа. Например, космоцентризм, когда объект понимается через включение его в космическую структуру отношений. Отсюда присутствие в паранаучной литературе даже по конкретным вопросам, например, в системе правильного дыхания, больших вводных разделов, построенных в традиции установления связей между макро- и микрокосмосом [150, с. 91].

2. Логика паранауки является трансдуктивной. В ней присутствуют заключения от частного к общему, где один конкретный факт понимается как подтверждение другого, не имеющего связи с ним опытного наблюдения и от общего к высказыванию того же порядка общности также сходного с первым ассоциативно. В развитии паранаучных учений большую роль играют ассоциации и умозаключения по аналогиям [150, с. 91].

3. Отождествление объяснения с составлением сценария, реализация описания в своих терминах как самоцели, независимо от реального прироста

знания, готовность к восприятию в качестве априорно достоверных любых фактов, которые вписываются в систему, без строгого подтверждения, и принятые методы защиты от критики [150, с. 92].

4. Интуитивное ощущение истинности какого-либо положения как механизма его принятия. Сюда же относится слияние истинности высказываемых идей с их полезностью и субъективной ценностью [150, с. 92].

5. Представленные в паранауке в виде диахронического аспекта мифа рассказы о событиях, например, о чудесных исцелениях или визитах энлонавтов и персоналиях различаются по степени реализма. В результате принятие паранаучного учения оказывается не однозначным «да-нет», а включает в себя градацию степеней осуществления. Также стадияльно происходит и её освоение [150, с. 93].

6. Процесс обобщения представлений в паранауках имеет сходства с мифологическим. Обобщение выступает как конкретное, которое обретает статус всеобщего и является результатом эмоциональной рефлексии, а не абстрагирования. Таким же путём создаётся принадлежность паранауки к символизму, где важную роль при создании содержания играет цветовая, числовая и форменная символика, а символические изображения имеют значение в пропедевтике [150, с. 93].

7. Похожие механизмы мифологизации мифологизированных персоналий, отличающиеся от архаичных образов, основывающиеся на гипертрофировании одной или нескольких черт при элиминации остальных, героизации и сакрализации биографии, «застывании» образа в неизменности. Паранаука, как и мифология, представляет собой «личностное знание» в том смысле, что за ней всегда стоит личность первооткрывателя или обращение к опыту поколений. В итоге для человека приобщение к паранаучному учению является всегда в какой-то мере живым контактом, имеющим не только информационный, но и субъективно-эмоциональный потенциал [150, с. 94].

8. Паранаука направлена к таким же глобальным и ценностным проблемам, что и миф. Характер рассуждений в паранауке всегда направлен на

аксиологическое отражение реальности. Сюда входит указание на значимость задач, которые окажутся разрешены в результате принятия данного паранаучного учения, описание мироздания в этических категориях, прямая нравственная проповедь, указание на необходимость совершенствования личности для того чтобы постичь истину. Многие паранаучные учения воспроизводят мифологический взгляд на мир, представляя идею глобального равновесия добра и зла, на которое воздействует каждый поступок человека, вызывая соответствующую реакцию [150, с. 94].

9. Паранаука, как и мифология, представляет собой форму практически-духовного освоения мира, конкретно-прикладное сознание. Паранаука демонстративна и утилитарна в тех ситуациях, когда рациональное достижение значимых целей недоступно и является средством снятия ограничений наличной практики. Примером этого является парамедицина, которая обещает быстрое и эффективное исцеление [150, с. 95].

10. Сходство паранауки с мифологией наблюдается в практике словоупотребления, когда многие паранаучные понятия строятся как концептуализированные метафоры, при этом реальный и метафорический план едины в постоянных переключениях с одного на другой. Проявлением веры в магию слова в паранауке является гипертрофирование значения категоризации. Также восходит к мифологии паранаучный метод установления ассоциаций через лингвистическую близость и созвучие слов [150, с. 96].

Примером структурной, сюжетной и содержательной взаимосвязи фольклора с современными паранауками являются криптозоология, уфология, парапсихология и экстрасенсорика. Данные паранауки содержат фольклорные и мифологические образы, а также наблюдается их структурная и сюжетная аналогия с некоторыми жанрами фольклора, например, с бывальщиной, быличкой, легендой, преданием, сказкой, а также с таким жанром в художественном искусстве, как фантастика и её основными формами, которыми являются научная фантастика и научное фэнтези.

Предметом исследования криптозоологии является поиск животных, считающихся мифическими, несуществующими, вымершими либо животных, существование которых невозможно в определённой местности по причине большой отдалённости от области их естественного обитания. К таким животным относятся динозавры, драконы, птерозавры, русалки, лох-несское чудовище, морской змей, снежный человек, чупакабра, человек-сова, британские большие кошки. Свидетельства о таких животных основываются на рассказах случайных очевидцев и на народном фольклоре. Для того чтобы понять взаимосвязь фольклора и мифологии с современной криптозоологией и уфологией, обратимся к анализу фольклора и его жанров.

Как отмечает Э.В. Померанцева, одним из жанров русской устной прозы, в котором наиболее полно были отражены народные представления о мифических существах, являются былички. Былички представляют собой суеверные рассказы о сверхъестественных существах и явлениях. Они тесно связаны с низшей мифологией, к которой относятся народные верования. Былички возникли на основе этих верований и утверждали их в сознании народа [179, с. 4].

Э.В. Померанцева классифицирует былички и бывальщины следующим образом: 1) рассказы о духах природы, к которым относятся леший, водяной, полевой, полудница, русалки; 2) рассказы о домашних духах, к которым относятся домовая, баенник, овинник, хлевник; 3) рассказы о чёрте, волшебных кладах, мертвецах, привидениях, колдунах, нечистой силе [179, с. 13].

В быличках реальное и фантастическое тесно взаимосвязаны. Большое значение имеют личность и талант рассказчика, состав слушателей, ситуация, в которой рассказываются былички. Рассказчик обычно сам верит в то, что рассказывает. Былички чаще всего строятся на основе видений, на показавшихся и почудившихся образах. Во время рассказа эти видения становятся реалистичными, точными и конкретными, что усиливает веру в этот рассказ. Очень часто в быличках граница между фантастическим и реальным, истинным и ложным становится размытой и неопределённой.

Такие современные паранауки, как криптозоология и уфология по своей структуре и сюжету аналогичны фольклорным быличкам и легендам. Рассказы о встречах человека с различными чудесными животными, инопланетянами, загадочными существами, которые похожи на мифических природных и домашних духов, а также описываемые наблюдения сверхъестественных явлений природы и космоса содержат такую же яркую эмоциональную окраску и также активно влияют на чувства и инстинкты слушателей, как и фольклорные легенды и былички. В фольклорных и паранаучных легендах о русалках имеются сходные схемы построения и приёмы воспроизведения сюжета: акцент на символике формы и цвета, умозаключения по аналогиям и ассоциациям, использование обобщений и метафор, указание на таинственность и загадочность.

В русском фольклоре в большом количестве присутствуют приметы, былички и легенды, имеющие отношение к загадочным состояниям таких небесных светил, как солнце, луна и звёзды, а также к таким космическим явлениям, как гроза, молния, затмения, полёты комет и метеоритов. В данных быличках и легендах в главной роли часто выступают славянские боги. В современных паранауках похожий сюжет присутствует в многочисленных свидетельствах очевидцев о неопознанных летающих объектах и инопланетянах, которых аналогично древним славянским богам наделяют качествами всемогущества и высокоразвитости. Поэтому легенды уфологов об инопланетянах представляют собой модернизированный вариант фольклорных легенд о космосе, содержат аналогичную сюжетную и структурную основу, и оказываются востребованными среди жителей современной, технологически развитой городской цивилизации.

Образ инопланетянина, изображаемый уфологами, или чудесного животного, представленный криптозоологами, порождает те же чувственные и эмоциональные переживания, приводит в движение те же архетипы, что и древние фольклорные и мифологические образы. В обоих случаях задействованы одинаковые механизмы бессознательного. Исследуя бессознательную архетипическую природу мифов, К. Юнг указывал на «автохтонные»

возвращения, независимые от какой-либо традиции. Поэтому в бессознательной психике присутствуют «мифообразующие» структурные элементы. Они не являются оформленными мифами, а похожи на мифологические компоненты, которые по причине их типической природы можно назвать мотивами, первообразами, типами или архетипами [263, с. 88].

Структурная и сюжетная взаимосвязь криптозоологии и уфологии наблюдается и с городскими легендами. Они понимаются как короткие, похожие на правду истории, в которых задействованы знания современной науки и техники, особенности и проблемы общества. Примером являются современные сказки, мифы о тайных правительственных заговорах, радикальных социальных экспериментах, заговорах крупных корпораций, секретных технологиях, похищениях людей, а также мифы основанные на страхе и непонимании человеком сложной техники. Миф об инопланетянах и внеземных цивилизациях вызывает у человека интерес к чему-то странному, загадочному и сверхъестественному, порождая при этом страх, удивление и восхищение.

Структурная и сюжетная аналогия современных паранаук с фольклором выявляется также на примере экстрасенсорики и парапсихологии. Например, Т.В. Зуева и Б.П. Кирдан, исследуя славянскую мифологию, обращают внимание в волшебных сказках на упоминания о чудесных искусницах, которые способны накормить одним зерном всех людей и из одной нитки напрямь полотна на весь мир [88, с. 56]. В древнерусском фольклоре наличествуют образы колдунов, ведьм и знахарей, а также есть приметы, гадания, колдовство и заговоры. В их основе содержится мифическое восприятие мира, которое придавало всему окружающему особый, сакральный смысл. В древности они основывались на образном, метафорическом мышлении и аналогиях [88, с. 62]. Отмечается, что гадания долгое время имели аграрный характер, например, о будущем урожае. Но в 18 веке в гаданиях стал преобладать социокультурный характер, поскольку в основном гадали девушки о своей судьбе [88, с. 74]. Высказывается мнение о том, что сегодня заговоры также рассматривают как источник воссоздания мифопоэтического мира. Близость заговоров с мифами проявляется в одинаковом

отождествлении природного и человеческого, обращении к мифологическим персонажам. Примером являются мифические существа, природные стихии, космические объекты [88, с. 65]. Построение заговора выглядит как последовательное сочетание формул. Фольклорная формула представляет собой устойчивую словесную конструкцию, ритмически упорядоченную и имеющую характер законченного суждения. Разнообразные формулы использовались в таких текстах, как чудесные одевания, устрашения, отсылка в «иной мир», врачебные советы, угрозы, проклятия, пожелания [88, с. 67].

Важными элементами заговорных формул являются эпитеты, сравнения и символы. Формульная природа заговоров предположительно происходит от песенного магического синкретизма, поэтому в них присутствует развитая ритмика, а иногда возникали и рифмы [88, с. 68]. Необходимо отметить, что в современном обществе аналогичную роль в модернизированном виде играют парапсихология и экстрасенсорика. В них также используются гадания, колдовство и заговоры, а функцию колдунов и знахарей выполняют парапсихологи, телепаты и экстрасенсы. Они обращаются к тем же мифологическим моделям, методам лечения и схемам действия, что и колдуны, ведьмы и знахари прошлого. В их заговорах применяются такие же фольклорные формулы, символы и ритмическая упорядоченность. Так, например, О.Б. Христофорова, исследуя феномен колдовства в русской культуре, указывает на то, что при совершении колдовского обряда «знахарь предлагает клиенту мифологическую модель для объяснения его неблагополучия, сводит хаос фактов, симптомов и ощущений к умопостигаемой схеме» [236, с. 24]. Как в далёком прошлом, так и сегодня человек продолжает обращаться за помощью к парапсихологам и экстрасенсам с целью решения своих материальных и духовных проблем. Во многих ситуациях данная потребность людей используется для манипуляции их сознанием.

Сюжетная взаимосвязь фольклорного и паранаучного творчества также прослеживается на примере основных идей, образов и символов. Исследуя такой фольклорный жанр, как сказка, фольклористы указывают на новые волшебные

образы, воплощавшие мечту об облегчении труда, материальном изобилии, свободе и счастье. Во времена отсутствия поездов, самолетов, машин и телевидения, люди рассказывали об этих идеях в сказках. Например, данные идеи выражались в таких сказочных образах, как «ковер-самолет», «сапоги-скороходы», «зеркальце – весь мир покажу» [88, с. 156]. Они возникли как предвидение будущего мира. В современных паранаучных учениях эти сказочные образы проявляются в таких идеях, как «вечный двигатель», «машина времени», «волшебная таблетка», «торсионные поля», которые также призваны облегчить человеческий труд, принести свободу, благополучие и счастье. Данные паранаучные идеи воплощают в себе мечту современной цивилизации об идеальном будущем, основанном на высоких достижениях научно-технического прогресса.

В современных паранаучных легендах присутствуют и такие качества фольклорного сознания, как одухотворение и одушевление окружающего мира. К таким же общим качествам специалисты относят синкретизм, вариативность и импровизацию [88, с. 8–11]. Верования, бытовые потребности и поэтическое начало находятся в единстве благодаря синкретизму. Возможность исполнять фольклорное произведение в разных вариантах обеспечивается вариативностью. Способность создавать тексты фольклорных произведений или их отдельные части в процессе исполнения основывается на импровизации [88, с. 11]. Данные качества присущи и паранаучным легендам. Например, синкретизм в них проявляется как единство знаний и верований, перенятых из таких сфер культуры, как наука, искусство, мифология, мистика. Вариативность содержится в различных интерпретациях одних и тех же загадочных явлений природы, сознания и космоса. Импровизация проявляется в устной передаче «необычных» явлений, когда смысл и правдоподобность рассказа формируются в процессе исполнения.

Анализируя фольклорные основания паранауки, важно указать на одинаковую магическую составляющую в паранаучных учениях и фольклорных жанрах. Например, исследователи отмечают, что магия в древности создавала

уверенность в ситуациях неопределенности, организовывала церемониальный характер торговли и коллективный труд, оказывала социальное давление на индивида [191, с. 173]. Магия является языковым феноменом и использует специальный высокопарный сакральный язык [191, с. 173–174]. Магия закрепляла неравенство людей в примитивных обществах, формировала социальную структуру общества, организовывала важные формы деятельности, являлась основой развития человека и вырабатывала почти все духовные и практические новации [191, с. 174]. Магия воплощала в себе фундаментальные и плодотворные противоречия первобытной жизни. Например, она формировала новые социальные структуры, критиковала повседневную племенную действительность и обыденное сознание, культивировала свободу индивидуальности, сосредоточивала всю креативную силу в шамане. Магия смогла убедить зарождающееся человечество в его исключительности и внушить ему идею господства над природой, несмотря на то, что вся окружающая жизнь доказывала обратное [191, с. 174].

Паранаука в современном обществе играет такую же роль, что и магия в древности. Например, фольклорист М.Д. Алексеевский, исследуя интерес к магии в российском обществе постсоветского периода, обращает внимание на связь с социальными и культурными проблемами, которые переживало общество. Когда советская система ценностей была разрушена, магия стала отдушиной, объясняющей принципы устройства мира. Она давала ответы на вопросы о том, что происходит с человеком и как можно повлиять на складывающиеся жизненные обстоятельства. Бытовые или семейные проблемы, могли объясняться влиянием черной магии. Использование заговоров, амулетов и других подобных вещей могло стать спасением от различных проблем, например от болезней или сложного финансового положения. Для современного человека все эти традиции оказываются очень интересными. Магия становится формой психотерапии, где магические «специалисты», практикующие обряды, уподобляются бизнес-тренерам и мастерам по повышению мотивации. Со временем магия начинает проявлять себя не только в печатных изданиях, но и в интернете. Сегодня

существует много сайтов с магическими советами, процедурами, заговорами в формате аудиофайлов, которые можно прослушивать на компьютере и распространять по электронной почте. Поэтому в современной России старая, архаичная традиция магии оказалась очень пластичной и может проникать в различные медийные среды [10].

Таким образом, древние магические формы и фольклорные мифы воспроизводятся в виде паранаучных учений в условиях современной, технологически развитой городской цивилизации и оказываются востребованными в ней.

Необходимо также указать на сюжетную и структурную взаимосвязь современных паранаук с таким жанром художественного искусства, как фантастика и такими её направлениями, как научная фантастика и научное фэнтези. Научная фантастика основывается на фантастических вымыслах в области науки. Она представляет вымышленные технологии и научные открытия, контакты с внеземным разумом, предполагаемое будущее или возможный вариант развития человеческой цивилизации. В научной фантастике какие-либо явления имеют не сверхъестественное объяснение, а околонучное. В отличие от научной фантастики научное фэнтези представляет собой синтез научной фантастики и фэнтези, то есть синтез научно-фантастических представлений со сверхъестественными или мифологическими представлениями. Ярким примером этого синтеза являются такие современные паранауки, как криптозоология и уфология, в которых сверхъестественное и наукообразное слиты в одно целое.

Отличие паранауки от фантастики состоит в том, что фантастика основывается на вере в технократию, в безграничные возможности научно-технического прогресса. В фантастике присутствует технократический романтизм и мечтательность, используются технократические идеи и мифы для построения захватывающих сюжетов. В отличие от фантастики паранаука не ограничивается только технократическими идеями и мифами. Имитируя науку, паранаука создаёт свой собственный миф, который объединяет в себе все сферы культуры и общества. Достижения научно-технического прогресса и технократические идеи

являются лишь одними из многих других средств, которые паранаука использует в процессе создания своего учения. Помимо мечтательности, фантастичности и эмоциональности паранаука стремится ещё и к научной доказательности, логичности и рациональности своих идей. Основатели паранаучных учений осуществляют собственное познание либо имитируют научное познание, создавая для этого лаборатории и «общественные академии». А авторы фантастических произведений используют готовые результаты научного познания для усиления эмоционального эффекта в своих произведениях. Фантастика является жанром художественного искусства. А паранаука занимает срединное положение между наукой, искусством, мифологией, мистицизмом и обыденным мировоззрением. Также необходимо отметить, что авторы паранаучных учений и фантастических произведений в своём творчестве могут заимствовать друг у друга новые идеи.

Таким образом, паранаука наряду с таким жанром научно-художественной литературы, как фантастика способна питать новыми идеями современное художественное творчество.

Рассматривая различия паранауки с жанрами художественного искусства, необходимо указать и на её отличия от таких форм вненаучного знания, как религиозное и обыденное.

Отличие паранауки от религии состоит в том, что паранаука имеет наукообразную форму, склоняется к научной обоснованности и направлена на эмпирическое доказательство своих идей.

Обыденное знание, в отличие от паранаучного, не стремится к наукообразию, универсальности и неординарности, не является организованным.

По своему характеру паранаучное творчество оказывается близким и к таким культурным направлениям как футуризм и сюрреализм. С футуризмом паранауку роднит культ техники, движения и скорости. Например, паранаучные идеи вечного двигателя, машины времени, торсионных полей и идеи уфологии. Близость к сюрреализму объясняется склонностью паранауки к интуитивизму, к глубинным переживаниям, пренебрежением к рационализму и законам логики. Примером являются идеи парапсихологии и экстрасенсорики.

Рассмотренное структурное и сюжетное сходство криптозоологии, уфологии, парапсихологии и экстрасенсорики с фольклором и фантастикой приводит к следующим выводам.

Во-первых, для реализации своего творческого и духовного содержания фольклорное сознание постоянно находится в поиске новых социокультурных и мировоззренческих оснований. На определённом этапе таким новым основанием стала паранаука, поскольку она имеет все необходимые качества фольклорного жанра. Поэтому, находясь в процессе развития и эволюции, фольклорное сознание может проявлять себя в виде паранаучных легенд и учений. В этом смысле паранаука является новым этапом в развитии фольклорного сознания. Эволюция фольклорного сознания прослеживается в том, что на начальном этапе своего существования оно обобщало объективные знания об окружающем мире. Через некоторое время эти обобщённые объективные знания начали превращаться в народные знания и верования, примером которых являлись народная медицина, народный календарь и народная метеорология. Следующим этапом в развитии фольклорного сознания стало объединение народных знаний и верований с научными знаниями, технологиями, философскими учениями и научной фантастикой. Это послужило основой для появления паранаучных учений.

Во-вторых, информация, содержащаяся в криптозоологии, уфологии и парапсихологии может представлять познавательную ценность и содержать рабочие гипотезы для таких наук, как зоология, астрономия и психология. Эти гипотезы сегодня могут составлять ту границу научного знания, за которой скрывается сфера непознанного, содержащая в себе возможности для научных открытий в будущем. Таким образом, философско-культурологический анализ паранауки помогает выявить её продуктивную роль в аспекте научного знания.

Также важен вопрос о том, как взаимосвязь современных паранаук с фольклором и фантастикой отражается на мировоззрении современного человека, на массовом сознании с его обыденным типом мировоззрения? В современном мире, как и в глубокой древности, человек по-прежнему создаёт для себя миф, но теперь уже в новом наукообразном и технологичном виде. Вера в такой миф часто

подкрепляется методами психологической манипуляции. Тем самым человек реализует свою мировоззренческую потребность веры в миф, поскольку миф для сознания постоянен, универсален, вечен и неустраним. Мировая история показывает, что в разные времена в различных государствах в периоды так называемых «идеологических вакуумов» и «духовных кризисов» всегда возникали новые мифы, либо сохранялись и возрождались старые. Миф формирует бытие и мировоззрение человека, смысл жизни и существования, обеспечивает психологическую, моральную и духовную поддержку, придаёт человеку чувство стабильности и надёжности в жизни, помогает быстрее находить объяснение сложным природным и социальным явлениям и легче справляться с трудными жизненными ситуациями. Приобщаясь к мифу, человек обретает полноту бытия, поддерживает связь со своими истоками и началами. Миф имеет глубокий экзистенциальный и онтологический смысл, который отмечался классическими мыслителями прошлого. Например, С.Н. Булгаков считал, что миф имеет свою особую достоверность, основанную не на доказательствах, а на силе и убедительности непосредственного переживания [33, с. 58–59]. Для А.Ф. Лосева миф являлся подлинной жизнью с её надеждами и страхами, отчаянием и ожиданиями, реальной повседневностью и личной заинтересованностью [142, с. 14], а также данной в словах личностной историей [142, с. 151]. М. Элиаде, отмечал, что миф знакомит с основополагающими, первоначальными «сказаниями», которые утверждают человека экзистенциально, а все, что относится к его способу пребывания и существованию в этом мире, затрагивает его самым непосредственным образом [261, с. 21]. Американские литературоведы Р. Уэллек и О. Уоррен полагали, что миф представляет собой метафизическую истину, которая выражает высшие духовные ценности [224, с. 207]. К. Льюис указывал на ценность мифа, состоящую в способности воссоздавать известные вещи в их богатом значении, скрытом «флером повседневности». Мифологизируя вещи, человек не отрывается от реальности, а переоткрывает её [272, с. 15–16].

Вторым социокультурным основанием паранауки является экзистенциальный аспект. К нему относятся экзистенциальные проблемы современного общества, которые приводят к возникновению и распространению паранаук в культуре. Поэтому данные проблемы необходимо выявить и исследовать. В аспекте учения Э. Фромма повышенный интерес к паранаучным теориям может объясняться как способ преодоления человеком образовавшегося в процессе развития общества интервала между чувством свободы и ощущением безопасности. Э. Фромм отмечал, что в каждой исторической эпохе происходило развитие человеческой индивидуальности, в то время когда люди отстаивали свою личную свободу. Но достигнутая свобода и независимость привели к тому, что было утрачено чувство безопасности и появилось ощущение личной незначительности. Достижение человеком большей свободы и независимости приводило к тому, что он сильнее отдалялся от собственного общества. В результате в обществе увеличивалось отчуждение между людьми. Поэтому современный западный мир пришёл к дилемме, когда завоёванная свобода от общественных и политических рамок привела к утрате чувства безопасности и принадлежности к обществу [230, с. 40]. Выходом из данной ситуации для человека послужило увлечение паранаучными теориями.

Таким образом, паранаука имеет экзистенциальные и онтологические основания в современной культуре, поскольку помогает человеку преодолевать экзистенциальные кризисы, формирует смысл жизни, является духовным стержнем личности, мировоззренческим ориентиром, выступает в качестве новой системы ценностей, идеологии или картины мира. Например, паранаука тесно связана с экзистенциальными потребностями человека, на которые указывал Э. Фромм [230].

Во-первых, речь идёт о потребности в налаживании связей с окружающим миром. Данную потребность паранаука удовлетворяет с помощью приобщения человека к своему «особенному миру», к определённым общественным группам или общинам.

Во-вторых, потребность в преобладании над своей пассивной животной природой, чтобы начать активно и творчески созидать свою жизнь. Под созиданием понимается занятие искусством, наукой, религией или воспитание детей. Созидание даёт людям возможность возвыситься над пассивным и случайным характером своей жизни, достичь ощущение личной свободы и ценности. Паранаука создаёт для человека методы самосовершенствования, средства приобретения жизненного и духовного опыта, способы обучения и развития личности.

В-третьих, это потребность человека в основательности и стабильности. Паранаука способна обеспечить для человека подобную «иллюзорную» основательность и стабильность в жизни. В зависимости от основных идей и целей паранаучных учений, человек находит в них духовную и психологическую поддержку, которая может обеспечить чувство надёжности и стабильности.

В-четвёртых, человек испытывает потребность в идентичности с самим собой. Благодаря данной потребности он осознаёт самого себя и свою уникальность. Паранаука также удовлетворяет потребность в идентичности. Примером являются паранаучные учения, призывающие к самопознанию и изучению своего внутреннего мира. К ним относятся парапсихология и экстрасенсорика. Также авторы паранаучных учений часто подчёркивают уникальность и неповторимость своей личности.

В-пятых, потребность в стабильной и постоянной основе для понимания сложности мира. Такую основу может обеспечить объективное и рациональное отношение к природе и обществу. Рациональный подход важен для сохранения физического и душевного здоровья человека, поскольку позволяет ему воспринимать и познавать окружающий мир, целенаправленно и осознанно жить в нём. Паранаука претендует на рациональное объяснение каких-либо явлений или проблем. Наукообразия паранаучных учений позволяет доступно понимать и легко воспринимать. Также паранаучные учения предлагают различные стимулы для творческого и духовного развития человека.

Другой известный представитель психоанализа Виктор Франкл, главную причину социокультурных проблем современного общества видел в экзистенциальном кризисе, известном в его трудах как «экзистенциальный вакуум». В состоянии экзистенциального кризиса утрачивается смысл жизни, мировоззренческие ориентиры, ценности и цели существования. По мнению В. Франкла, причиной экзистенциального кризиса далеко не всегда являются психологические или физиологические проблемы человека. В его основе могут лежать причины более глубокого, жизненного, онтологического характера. Человек испытывает чувство пустоты и бессмысленности жизни, но в то же время остаётся здоровым в психологическом смысле. Поэтому, различая психогенные и ноогенные неврозы, В. Франкл считал экзистенциальную фрустрацию основной причиной ноогенных неврозов [229, с. 24–43]. Следовательно, в контексте учения Франкла высокий интерес массового сознания к паранаучным идеям может пониматься как попытка преодоления состояния экзистенциального кризиса и обретения нового смысла жизни.

В состоянии экзистенциального кризиса массовое сознание испытывает растерянность, неопределённость, непредсказуемость, равнодушие и нигилизм. В таком состоянии обращение к паранаучным учениям воспринимается как возможный путь к спасению. Например, Р.М. Юсупов, анализируя мифологическую природу массового сознания, указывает на имеющиеся в нём глубинные психологические механизмы, которые в кризисные периоды готовы принимать на веру фантастические и абсурдные представления [95, с. 393]. В экстремальных ситуациях и во время социальной нестабильности человек мыслит и поступает, основываясь на примитивных формах мышления и поведения [95, с. 394].

Третье социокультурное основание паранауки включает в себя политический, экономический и образовательный аспекты. К ним относятся такие явления, как тесное взаимодействие различных сфер общества; социальные проблемы и кризисы; низкий уровень экономического, политического, технологического и культурного развития общества и государства; способы

организации современной науки; взаимодействие различных общественных групп с научными организациями; установление рыночных отношений в средствах массовой информации, науке и образовании; распространение общественных академий. Данные явления приводят к тому, что границы между основными сферами культуры становятся размытыми и неопределёнными. Это способствует возникновению и распространению паранаук. Поэтому необходимо обратиться к анализу этих явлений.

Например, Н.И. Мартишина отмечает, что паранаука является реакцией на унификацию и массовизацию жизни, компенсаторной формой реализации «потребности в преодолении усреднённости» [150, с. 147]. Особые обстоятельства, знание и тайна в паранаучных учениях являются закономерным, логичным и доступным способом вырваться из рутины и повседневности, выразить себя и оказаться замеченным. Речь идёт не только о простых ситуациях, когда выясняется, что в большинстве своём очевидцами паранаучных явлений оказываются пожилые одинокие люди, подростки в семье и оставленные без должного внимания дети, отставные военные. По той же схеме развиваются ситуации, когда человек не обманывает и не фантазирует, а жажда необычного становится столь незначительной, что его убеждает своя же интерпретация обстоятельств [150, с. 147]. Также, по мнению Н.И. Мартишиной, частная ситуация самореализации истины проявляется в проблеме реализации в своей деятельности человека, который занимается наукой. Существует статистический факт, подтверждающий то, что люди с более высоким уровнем образования подвержены влиянию околонуучных мифов, а с низким уровнем склонны к обычным бытовым суевериям [150, с. 148].

Паранауки могут развиваться в современной культуре в силу специфики системы образования. Паранаучные мифы способны устанавливать тесную взаимосвязь с жизненным опытом человека, поэтому их часто бывает невозможно устранить с помощью образования. Например, американские специалисты отмечают, что обусловленная объективными причинами детская непосредственность восприятия через определённое время превращается в

предрассудки и невежество взрослых. Эта культурная инфантильность не преодолевается школьным и даже университетским образованием, поскольку знания часто преподаются не системно, а предмето-центрически. Примером являются эволюционное учение, антропосоциогенез, в том числе и генезис сознания, которые требуют системного видения мира. Таким образом, существуют когнитивные причины «сопротивления науке». То есть мозг человека работает так, что он склонен видеть во всём какой-то умысел, даже в своём собственном происхождении [268, с. 996–997]. При этом если культура ориентирована на массовое тиражирование мифологических образов, например, человек-паук, гуманоиды-пришельцы, люди-Х, то это приведёт к усвоению мифологических моделей происхождения человека [165, с. 193].

Необходимо отметить, что причиной возникновения и распространения паранаук в культуре может быть вмешательство внешних факторов в естественный ход развития официальной науки. Таким фактором, например, может стать политика. Вмешательство политики в науку создаёт ситуацию, когда ведущие учёные, научные институты, лаборатории и авторитетные научные советы начинают функционировать одновременно и в политике как консалтинговые структуры или центры лоббизма, использующиеся в пиар-технологиях. В мире глобализированной политики начинают распространяться «фейк-структуры», представляющие собой псевдонаучные организации, которые призваны помогать в решении политических и коммерческих проблем. Тем самым они реализуют интересы отдельных субъектов политики и бизнес-корпораций [165, с. 133–134].

Общественные силы, формирующие массовое сознание и манипулирующие им, заинтересованы в использовании достижений науки. Они пользуются языком науки и системой репрезентации данных, авторитетом учёных и экспертов, доверием людей к науке и её обоснованным выводам. Также они основываются на сложностях, часто возникающих при проведении независимой экспертизы проблемы. Примером являются дороговизна исследований, отсутствие специалистов, необходимость срочного принятия решения. При этом у общества

часто отсутствуют средства, позволяющие отличить мнение учёного от автора паранаучных учений [165, с. 135].

Политические структуры и бизнес-корпорации, которые опираются на авторитет науки, могут создавать информационный шум вокруг важной для них проблемы. Такой шум создаётся с помощью вброса в средства массовой информации экспертных оценок учёных. При этом истинность или ложность этих оценок теряет какое-либо значение. На начальном этапе проблема фиксируется и делается общеизвестной. Для этого создаётся избыточная информация о проблеме, которая навязчиво обсуждается, даются её различные оценки и интерпретации в средствах массовой информации. Данным способом проблема сначала фиксируется в массовом сознании, затем фетишизируется в нём, и далее открывается большое количество возможностей для мифологизации её решений [165, с. 134].

Оценивая роль политики в современной науке, необходимо отметить, что политическая идеология также способна оказывать влияние на науку. Важно учитывать то, какие социальные интересы стоят за наукой, какие общественные или государственные структуры влияют на её развитие. В истории имеются примеры того, как различные политические структуры навязывали учёным идеологические схемы, под которые должен подстраиваться результат научного познания. Такое идеологическое воздействие на науку часто приводит к возникновению паранауки. Примером является «лысенкоизм» в биологии советского периода [165, с. 36].

Причиной возникновения и распространения паранаук в современной культуре может являться специфика организации науки. Например, Р. Мертон в своей теории аномии раскрывает причины нарушения научной этики. Согласно этой теории, поведение учёных приобретает девиантные черты при сочетании двух условий: когда учёный выбирает некоторую чётко обозначенную культурную цель и когда у него одновременно отсутствуют адекватные средства её достижения. Причиной аномии может быть высокая престижность научных открытий и в то же время очень сложный доступ к материальным и идеальным

средствам получения научного результата, например, к знаниям, высокому уровню образования и интеллекта. Также имеет место фактор случайности, который часто сопровождает научное открытие [157, с. 244].

Е.Б. Александров отмечает, что развитие паранауки в современной культуре связано со следующими причинами:

- 1) Экономический, политический и общественный кризис, который в любое время в любом государстве ведёт к повышению интереса общества к паранауке;
- 2) Отсутствие государственной идеологии, общественных и мировоззренческих ориентиров создаёт ситуацию свободного распространения паранаучных и других маргинальных идеологий;
- 3) Установление рыночных отношений и отсутствие научной цензуры в средствах массовой информации ведёт к распространению паранаучных сенсаций и научной фантастики, вместо пропаганды научных знаний;
- 4) Недостаточное финансирование научных исследований, сокращение научных исследовательских институтов, высокая стоимость обучения и сокращение бюджетного финансирования ВУЗов формируют низкий уровень грамотности населения;
- 5) Рассекречивание лженаучных исследований, проводившихся в закрытых научных исследовательских институтах в условиях полной изоляции от мировой науки [8, с. 17].

Помимо вышеназванных проблем существует и проблема распространения «общественных академий», которые не имеют официального научного статуса, имитируют научную деятельность, придавая наукообразный вид разным идеям, учениям и открытиям не соответствующим критериям научного знания.

Рассматривая экономические предпосылки паранауки важно отметить, что процесс распространения паранаук наблюдается даже в экономически благополучных странах. В данной ситуации проблема состоит в самой культуре, а не в уровне финансирования науки и образования. Культура, теряющая свои духовные основы, становится массовой и начинает ориентироваться на материальные потребности и прагматические интересы общества. Такая культура превращается в цивилизационно-технократический механизм, направленный на экономическую прибыль, которая обеспечивается достижениями научно-

технического прогресса. Данная тенденция в современной науке обозначается специалистами таким понятием, как «прикладнизация» [128, с. 9]. Прикладнизация негативно влияет на развитие фундаментальной науки и формирует благоприятные предпосылки для распространения паранаук в обществе. По поводу отрицательной роли рыночной экономики в сфере науки высказывался и В.Г. Горохов, отмечавший, что коммерциализация процесса академического исследования ведёт к нарушению главного принципа научной этики – общедоступности научных знаний. Также нарушается основной закон существования научного сообщества – свобода научного исследования. Данные факторы приводят к разрушению академического мира [59, с. 5]. Похожим примером является установление рыночных отношений в средствах массовой информации, где паранаука стала служить источником финансовой прибыли и способом повышения собственных рейтингов. Поэтому Б.И. Пружинин, оценивая прагматическую ориентацию паранауки, отмечает, что научные знания о мире нужны паранаукам лишь для того, чтобы поддерживать культурный и социальный авторитет своих идей, а не для разработки и уточнения собственного познавательного потенциала этих идей [185, с. 372–374].

Необходимо отметить, что распространению паранаук в современной культуре способствует вера массового сознания в технократию и во всемогущие возможности науки, которая может разрешить все человеческие проблемы. Например, Н.И. Мартишина отмечает, что в классическом периоде развития науки был сформирован спонтанный сциентизм массового сознания, способствовавший развитию паранауки. Он проявлял себя в преклонении перед научными авторитетами; в убеждённости в правомерности научного анализа любой области; в уверенности в том, что существует только один научный метод, который может привести к истине, что наука может осуществлять исчерпывающее познание бытия; в представлении о том, что наука способна и обязана выработать рецепты решения всех общественных и индивидуальных проблем, открывать путь к идеальному устройству мира и благополучию людей; в восприятии как достоверной такой информации, которая сообщается в качестве

научной и имеет наукообразный вид в форме терминов, графиков, таблиц, формул [150, с. 57]. Таким образом, в современной культуре массовое сознание возлагает на паранауку те надежды и мечты, которые в классическом периоде возлагало на науку.

Свободное распространение паранаучных учений в обществе негативно сказывается на науке. Наука в массовом сознании теряет культурную и мировоззренческую ценность, её практическая польза и эффективность подвергаются сомнению, а престиж критикуется и постепенно забываются. Данная ситуация осложняется спецификой и особенностями массового сознания. Например, Н.И. Мартишина указывает на эклектизм массового сознания, который приводит к возникновению гибридных форм мышления [150, с. 61]. К таким гибридным формам мышления и относится паранаука, поскольку она объединяет в себе различные формы знания, стили мышления и типы мировоззрения.

Необходимо отметить, что одной из причин успешного развития паранаучных идей в обществе является низкий уровень грамотности населения, повышенный интерес к тайнам, загадкам, чудесам и сенсациям, поверхностный взгляд на вещи и события, привычка воспринимать на веру любую информацию. Данное обстоятельство должно побуждать науку к пропаганде научных знаний и повышению уровня образования в обществе, к выработке у людей критического мышления, к формированию культуры восприятия паранаучной литературы.

Серьёзной предпосылкой возникновения паранауки в культуре может быть низкий уровень развитости науки, технологий и образования в определённом государстве. Например, Т.Г. Лешкевич, анализируя специфику взаимоотношений науки и эзотерического знания, указывает на то обстоятельство, когда малообразованный народ впервые сталкивается с высокотехнологичными достижениями науки, то они объявляются чудом или волшебством. Достижения современной науки понятны и объяснимы в контексте её развития. Но если их извлечь из современного контекста и поместить в другой социокультурный слой, то они станут восприниматься как нечто сверхъестественное и необъяснимое [138, с. 163].

Потребность массового сознания в паранаучных учениях обеспечивается также тем, что эти учения могут облегчать тревожные состояния людей, возникающие в ситуациях, связанных с большой социальной ответственностью. Например, во время социальных кризисов обращение к паранаукам является способом разрешения жизненных трудностей. Паранаучные учения приводят к сплочённости людей внутри социальных групп, а также к объединению между собой отдельных социальных групп. То есть различные социальные группы в рамках паранаучного дискурса получают возможность взаимодействовать между собой и совместно решать насущные проблемы. Создаваемые авторами паранаучных учений «общественные академии» воспринимаются массовым сознанием как социальные институты, способные удовлетворять социальные потребности и разрешать общественные проблемы. Но в то же время паранаука может играть деструктивную роль в обществе, когда её учения используются с целью манипуляции массовым сознанием. Результатом манипуляции становятся идеологические противоречия, мировоззренческие искажения, ложные убеждения, подмена ценностей, стереотипы, которые приводят к негативным последствиям в обществе.

Четвёртым социокультурным основанием паранауки является специфика культуры постмодерна. Одной из главных особенностей постмодерна становится размывание границ между основными сферами культуры, что приводит к возникновению и распространению паранаук. Поэтому необходимо выявить сущность и место паранауки в контексте культуры постмодерна, найти взаимосвязь паранауки с основными идеями постмодерна.

Эпоха постмодерна начала формироваться во второй половине 20 века. Культура в данный период стала отличаться бесконечно растущим разнообразием течений и направлений, их новизной, странностью и непредсказуемостью. К таким течениям относится и паранаука.

Известный французский философ Ж. Бодрийяр считал постмодерн периодом неопределенности и множественности истины, эпохой минималистской морали, которая свободна от каких-либо предписаний [28, с. 3]. Для более верной

характеристики культуры постмодерна он предложил понятие симулякра. Симулякр представляет собой дубликат, модель, образ-копию или знак замещающий реальность. В аспекте учения Ж. Бодрийера о симулякрах любое паранаучное учение способно выступать в качестве симулякра, то есть более удобной и лёгкой для понимания копией научной теории, на основе которой массовое сознание стремится быстрее достичь цели и результаты, которые с помощью науки представляются труднодостижимыми или вовсе недостижимыми. Паранаука симулирует науку и тем самым порождает собственную искусственную реальность.

Другой представитель французского постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар в своём философском учении затрагивал такие принципы культуры постмодерна, как плюрализм, равноценность методов, картин мира, теорий, когнитивных практик и типов рациональности. Так, например, он высказывался против сведения знания к науке. Знание Ж.-Ф. Лиотар понимал не только как совокупность денотативных высказываний определяемых наукой, но и как представления о самых различных умениях: жить, делать, слушать. Помимо критерия истины Ж.-Ф. Лиотар учитывал и другие критерии. К ним относятся деловые, например техническая квалификация; критерии справедливости и добра, например, нравственная мудрость; критерии красоты звучания и окраски, например, аудио и визуальная чувствительность. Знание, по его мнению, позволяет делать хорошие достижения по различным предметам дискурса, которые необходимо решить, познать или оценить. Отсюда Ж.-Ф. Лиотар делает вывод о том, что знание должно совпадать с широким «образованием» компетенции и быть единой формой, воплощенной в субъекте, который состоит из различных видов компетенции его формирующих [140, с. 52–53]. Знание в эпохе постмодерна получает такие характеристики, как фрагментарность, калейдоскопичность, мозаичность, эклектичность, относительность, разобщенность. Такой характер знания прослеживается и в паранаучных учениях, которые в процессе создания собственных теорий и картин мира объединяют в себе идеи из различных культурных сфер, например из искусства, науки, мистицизма, фантастики, мифологии, фольклора.

Многие современные учёные обозначают эпоху постмодерна как антирациональную, пренебрегающую традициями и ценностями науки и культуры, отказавшуюся от идеалов разума и просвещения. Например, И.А. Гобозов, исследуя стиль мышления постмодернистов, отмечал, что они представляют свои мысли с помощью аналогий, а не строгих логических рассуждений. Их понятия и термины не несут смысловой и теоретической нагрузки, но при этом звучат оригинально [55, с. 47–48]. Данное высказывание характерно и для паранаучных учений, поскольку в них также нарушаются правила логики и они также основываются на ассоциациях, аналогиях, метафорах, образах, символах и наукообразных терминах.

Необходимо отметить, что эпоха постмодерна является временем бурного развития научно-технического прогресса, активного становления информационного общества, наивысшего расцвета популярной культуры и глобализации. Данные тенденции также приводят к ослаблению и размыванию границ между основными сферами культуры, что способствует возникновению и распространению паранаук.

Например, Э.Г. Соловьев указывает на то, что процесс развития информационного общества сопровождается обострением противоречий [207]. Происходит ускоренная трансформация ценностных систем, повышающая вероятность расхождений индивидуальных и групповых ценностных ориентаций. В индустриальном обществе мышление базировалось на трех основных положениях: отношение к природе как объекту эксплуатации, антропоцентризм и вера в научно-технический прогресс [207]. Информационное общество в отличие от индустриального является духовным хаосом утратившим своё согласие. Люди в нём не способны выработать единые стандарты поведения, общие правила и язык. Разнообразие ценностных ориентаций приводит к росту субкультур и повышению конфликтогенности общества [207].

По мнению Р.М. Юсупова, информация является способом управления человеком, общественными организациями, органами государственной власти, техническими системами. В повседневном человеческом общении, при

проведении дискуссий и переговоров применяются различные приёмы с целью манипуляции сознанием [95, с. 352]. Информационные технологии позволяют эффективно воздействовать на психику людей, создать новые формы скрытого манипулирования индивидуальным и массовым сознанием [95, с. 352–353]. При этом информационные воздействия опасны или полезны не сами по себе, а тем, что приводят к запуску мощных вещественно-энергетических процессов, параметры которых могут быть выше самой информации [95, с. 353].

Таким образом, выясняется, что высокой адаптивности паранауки способствует развитие информационного общества в современном мире и возрастание роли информации в жизни людей. Паранаука является продуктом, который производит информационное общество. Успешная адаптация современных паранаучных учений основывается на различных интерпретациях информации. В двадцатом веке в процессе развития информационного общества, научно-технического прогресса и процессов глобализации, появились возможности информационного распространения паранаук. Паранаука мифологична по своей природе, а увеличение возможностей информационного распространения паранаучного мифа привело к повышению его интерпретативных и коммуникативных свойств, к лучшему обоснованию собственных идей и более активному влиянию на мировоззрение человека, его поведение и ценности. Аналогичным продуктом современного информационного общества является виртуальная реальность, созданная компьютерными технологиями. Виртуальная реальность формирует иллюзию удовлетворения многих потребностей и желаний человека не реализуемых в естественной реальности, а также позволяет создавать виртуальные копии предметов материального мира. Воздействие виртуальной реальности на сознание и мировоззрение человека аналогично воздействию паранаучных теорий, которые создают такую же иллюзорную удовлетворённость желаний и фантазий человека.

Большую роль в современном информационном обществе играют средства массовой информации, являющиеся одним из основных связующих элементов между наукой и обществом. В.Г. Сурдин [218, с. 131] отмечает, что правильное

воспроизведение научной информации в средствах массовой информации зависит от профессионализма журналиста в той сфере, которой посвящена статья, интервью или фильм. Также современный журналист обязан обладать ответственностью, состоящей в поддержании обратной связи с учёным, которому предоставляется последнее слово перед публикацией материала. Специалистами отмечается и тот факт, что человек склонен оценивать достоверность информации по весомости и солидности её источника [165, с. 192]. Поэтому указанные проблемы, присутствующие в средствах массовой информации, часто становятся причиной возникновения и распространения паранаук в современном обществе.

Информация также стала связующим звеном между паранаукой и культурой. В социальном аспекте данная взаимосвязь может устанавливаться на уровне общественной группы или мировоззрения отдельного человека. В контексте искусства – в творческом процессе создания новых художественных и фольклорных произведений.

В.В. Дворников, рассматривая место современной науки в медийном пространстве интернета, указывает на то, что при наличии внешнего авторитета науки устраняется её статус и социальная база. Сегодня все больше пользователей выбирают пошаговые инструкции и нацеленные на интересы потребителя паранаучные и вненаучные сообщения в режиме «online» [70, с. 99]. По мнению В.Е. Черниковой, информационное общество обеспечивает необходимые условия для воплощения принципов децентрации, плюрализма и фрагментарности как главных постмодернистских принципов, которые подтверждают общую установку постмодерна, ориентированную на преимущество отдельного по отношению к целому [242, с. 202]. В эпохе постмодерна человеку даётся возможность выбора собственнического фрагмента культурного пространства, не принимая при этом во внимание общепринятые нормы и общественные стереотипы [242, с. 202–203]. Необходимо отметить, что в современной социокультурной обстановке любое паранаучное учение может послужить собственническим фрагментом культурного пространства, в котором человек почувствует себя комфортно и будет легко реализовывать свои жизненные цели.

Анализ паранауки в контексте развития информационного общества приводит к осознанию того, что паранаука представляет собой устойчивую информационную систему, то есть такую систему, которая в течение нескольких тысячелетий, несмотря на часто менявшиеся культурно-исторические условия, смогла сохранить свою информационную устойчивость, свои главные мировоззренческие и концептуальные основания, а также высокую популярность в обществе. Примером являются такие паранауки, как астрология и нумерология. Поэтому зарубежный учёный Р. Шульц, исследуя такую форму паранаучного знания как этнонаука, определял её как передающийся через поколения и основанный на богатом эмпирическом опыте комплекс знаний какой-либо людской общности, которая не затронута или слабо затронута цивилизацией [277, с. 24–31]. Данное свойство паранауки свидетельствует о её социокультурной самодостаточности и самостоятельности.

Рассматривая взаимосвязь основных идей постмодерна и паранауки, стоит обратить внимание на такую особенность постмодерна как спонтанность, неопределённость, хаотичность и неустойчивость всего, что раньше считалось надёжным и определённым, например, разума, культуры, науки, прогресса. По мнению А.В. Рубцова, в обращении с материей истории и культуры постмодерн имеет свою особую хаотическую онтологию [199, с. 69]. Имитация спонтанности порождает в постмодерне противоположную проблему: дефицит порядка там, где он необходим, недостаток стабильности и законченности в тех сферах, где они должны быть [199, с. 74]. Данное положение служит паранауке подходящим основанием для творчества и успешного развития собственных идей. Например, указывая на несостоятельность науки, авторы паранаучных учений предлагают собственные проекты преодоления неустойчивости окружающего мира, а также новые методы разрешения культурных, экологических, социальных и духовных кризисов, охвативших современную цивилизацию. Они обещают создать порядок в тех сферах жизни, где присутствует хаос и возродить гармонию там, где правит неопределённость и нестабильность.

Таким образом, в период постмодерна границы между основными сферами культуры оказались размытыми и неопределёнными. Это явилось главной причиной возникновения и распространения паранаук в современной культуре. Паранаучные учения идеально дополняют тенденции и закономерности, сложившиеся в различных областях культуры постмодерна, например, в политике, искусстве, образовании, экономике, средствах массовой информации. В период постмодерна паранаука получает новые возможности для развития своих идей и внедрения их в мировоззрение человека. Стремительное развитие информационного взаимодействия и постоянно увеличивающееся разнообразие коммуникативных взаимосвязей в период постмодерна также поспособствовало ослаблению границ между основными сферами культуры, что привело к возникновению и распространению паранаук. Паранаука активно предлагает новые, нестандартные варианты развития культуры и личности человека.

Также социокультурная роль паранауки заключается в её мировоззренческом значении в современной культуре. Например, Н.И. Мартишина выделяет такую характеристику паранауки как представление о единстве знания, сопряжённое с поиском всеобщего метода и стремлением к целостному мировоззрению на основе базовых истин [150, с. 68]. Паранаучные мифы, как и любые другие мифы, например, идеологические, социальные, религиозные способны влиять на мировоззрение человека на всех этапах его становления. Мировоззренческое значение паранауки проявляется в присущих ей свойствах универсализма, космоцентризма, глобального и ценностного взгляда на окружающий мир. Универсализм паранауки Н.И. Мартишина оценивает как способ восстановления утраченной целостности мировидения и чувства включённости в реальность, преодоления разорванности бытия [150, с. 141].

Необходимо отметить, что паранаука оказывает существенное влияние на мировоззренческие основания (категории, универсалии) культуры. Проявляется это в том, что паранаука становится актуальной и востребованной на таких уровнях организации культуры, как психологический, социальный, творческий, научный, духовный. Мировоззренческие основания культуры являются

исторически изменчивыми. Самодостаточный характер паранауки в современной культуре говорит об изменениях, происходящих в мировоззренческих основаниях культуры. Паранаука становится той сферой, где культура получает возможность воплощать свои новые тенденции, реализовывать своё творческое содержание, осуществлять поиск новых путей развития и раскрытия своего духовного потенциала. Паранаука способна обогащать культуру новыми плодотворными идеями, влиять на темпы её развития, приводить к её росту или упадку. Использование паранаучных идей в прагматических целях (финансовая прибыль, манипуляция, властные интересы) ведёт к упадку культуры. Являясь одним из видов популярной культуры, паранаука формирует собственную культуру, в которой человек получает возможность находить ответы на мировоззренческие вопросы, осуществлять свои жизненные цели и удовлетворять духовные потребности. Паранаука ведёт к пересмотру и переосмыслению мировоззренческих оснований и ценностей культуры. Примером является активный характер паранауки в культуре постмодерна, в которой также пересматриваются основания рациональности. В соответствии с изменениями в культуре, паранаука легко перестраивает свою мировоззренческую и концептуальную основу. Это позволяет ей быстро приспособливаться к любым социокультурным запросам массового сознания.

Итак, анализ социокультурных оснований паранауки показал, во-первых, что исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки. Поэтому исследование паранауки в социокультурном контексте позволило преодолеть ограниченность научного контекста анализа паранауки. Во-вторых, выявлены причины растущей популярности паранауки в современной культуре, найдены культурно-исторические предпосылки, творческие и духовные основания паранауки. Далее, для выяснения социокультурной роли паранауки в современной культуре потребуется выделить её ключевые функции, что и будет сделано в следующем параграфе.

2.2. Ключевые функции паранауки в современной культуре

Анализ ключевых функций паранауки в современной культуре необходим с той целью, чтобы выяснить её социокультурную роль в современной культуре, установить пути обогащения культуры плодотворными идеями, выявить способы развития и раскрытия творческого и духовного содержания культуры. Проявляется это в таких ключевых функциях паранауки, как психотерапевтическая, коммуникативная, культуротворческая, нарративная. Рассмотрим подробнее каждую функцию.

а) Психотерапевтическая функция паранауки в современной культуре состоит в способности паранаучных учений избавлять индивида от ощущения отчуждённости, одиночества и монотонности повседневной жизни, душевной пустоты, пессимизма и нигилизма, что помогает людям легче преодолевать проблемы и трудности реальной жизни, уходить от депрессий и комплексов, и делает их жизнь интереснее, разнообразнее и эмоционально богаче, удовлетворяя данную потребность в более рационализированных формах. Для современного рационально мыслящего человека религия часто становится недостаточно убедительной, поэтому возникает потребность в более рационализированных формах, к которым относится паранаука.

б) Коммуникативная функция паранауки заключается в её способности создавать сообщества в эпоху глобализации. Такие сообщества становятся наиболее оптимальной и гибкой формой существования людей в окружающем мире, обеспечивающей равновесие между личностью и обществом, позволяющей людям сохранить интересы и ценности своего сообщества в социуме. Тем самым паранаука организует в обществе публичные пространства, в которых поддерживаются и реализуются общие идеи и желания людей. Например, В.А. Лекторский отмечает, что вненаучные формы знания способствуют ориентации в простейших жизненных ситуациях, служат средствами выражения эмоций и способствуют сплоченности социальных групп [134, с. 38–39]. То есть различные социальные группы в рамках паранаучного дискурса получают

возможность взаимодействовать между собой и совместно решать насущные проблемы.

в) Культуротворческая функция паранауки в современной культуре проявляется в способности паранауки становиться новым этапом в развитии различных форм и жанров искусства и тем самым сферой производства новых культурных ценностей, например, художественных, творческих и экзистенциальных. Паранаука производит новые способы исполнения и формы повествования, к которым относятся паранаучные легенды и былички выступающие как наукообразные, технологичные и модернизированные формы мифа. Таким образом, воспроизводя древние мифы в современном виде, паранаука способствует формированию культурных ценностей, проявляющих себя в новых художественных жанрах, творческих направлениях и экзистенциальных смыслах. По мнению современных исследователей, культуротворческие основания и цели паранаучного творчества носят фольклорный, образно-художественный характер [165, с. 145]. Фольклорное сознание с помощью паранаучных учений реализует собственные творческие идеи и мифологические модели, осуществляет мировоззренческую и экзистенциальную функции в общественном сознании. Паранаучные мифы, также как и фольклорные, содержат онтологические и экзистенциальные основания. Фольклорное сознание на основе паранаучных учений осуществляет интегративные действия в духовной культуре, создаёт новые формы и направления культуры, устанавливает между ними связи. Эволюция фольклорного сознания ведёт к развитию культуры и порождает различные виды творчества, к которым относится и паранаучное творчество. Как новый фольклорный жанр паранаука представляет собой источник, который наполняет фольклор новыми творческими идеями и смыслами. Поэтому она играет смыслообразующую, культуротворческую роль в современном художественном творчестве. Различные направления искусства могут заимствовать паранаучные идеи и тем самым обогащать культуру своим творческим содержанием. Также и паранаука способна объединяться с различными течениями искусства,

перенимать у них основные идеи и дополнять их своим творческим содержанием. Таким образом, паранаука демонстрирует собственную творческую плодотворность и культурную самодостаточность.

г) Нарративная функция паранауки в современной культуре имеет прямое отношение к изменениям, произошедшим в сфере научного познания в эпохе постмодерна. Специфика модели познания в период постмодерна состоит в том, чтобы учёный в первую очередь умел впечатлительно описывать, убедительно рассказывать, восхитительно представлять и демонстративно преподносить публике свои научные знания. Поэтому французский философ Ж.-Ф. Лиотар отмечал ведущую роль нарратива (рассказа, повествования) в культуре постмодерна. Наилучшее доверие в постмодернистской эпохе вызывает учение, которое не обязательно соответствует определённым научным нормам и критериям, а рассказанное эмоционально, красиво, ярко и эффектно. Данное обстоятельство Ж.-Ф. Лиотар поясняет следующим образом: «что делают ученые, сделавшие какое-то «открытие», когда их приглашают на телевидение, интервьюируют в газетах и т.п.? Они рассказывают эпопею о знании, которое, однако, совсем неэпическое. Они удовлетворяют, таким образом, правилам нарративной игры, давление которых остается сильным не только в средствах массовой информации, но и в глубине души самих ученых» [140, с. 71–72]. Анализируя роль нарратива в познании необходимо указать на то, что данную роль в культуре постмодерна успешно играет паранаука. Нарративная функция паранауки в культуре проявляется в сюжетной и структурной взаимосвязи паранаучных учений с такими нарративными формами, как легенда, рассказ, история, повесть. Выражая в нарративной форме свои идеи, паранаука играет роль посредника между наукой и культурой. Данная ситуация говорит о том, что в эпоху постмодерна познание превратилось в языковую игру бесконечно и свободно конструируемых смыслов. И паранаука ведёт эту игру более изобретательно и умело, чем наука. Примером служат многозначные трактовки непознанных явлений природы и неразрешенных научных проблем, паранаучные мифы о возникновении вселенной и человека, внеземных технологиях и древних

цивилизациях. По мнению Н.И. Мартишиной, в такой постмодернистской игре паранаука подхватывает, соединяет и интерпретирует идеи науки, объединяет её материал с ненормативными ассоциациями и выступает для человека современной техногенной цивилизации в виде своеобразного хэппенинга [150, с. 136]. Действительно, паранаука в данной игре выступает в виде хэппенинга, являющегося языковой импровизацией, которая не имеет чёткого сценария и не контролируется автором полностью.

Таким образом, исследование ключевых функций паранауки в современной культуре показало, что паранаука играет важную социокультурную роль в современном мире. Функции паранауки становятся значимыми для развития искусства, науки, общества и всей современной культуры в целом. Поэтому паранаука оказывается способной направлять основные пути развития культуры, оказывать существенное влияние на различные сферы и основания культуры.

Заключение

Осуществлённый в данном диссертационном исследовании философский анализ оснований, места и роли паранауки в современной культуре показал, что паранаука с момента своего появления в культуре всегда обладала определенной степенью востребованности, несмотря на менявшиеся культурно-исторические и социальные условия. Каждый новый исторический этап развития культуры открывал перед паранаукой новые социокультурные и методологические возможности. На протяжении всего своего существования паранаука становилась ближе и доступнее для массового сознания, укрепляла свои позиции в культуре, а также получала новые методы и способы имитации официальной науки. Сегодня, как и много веков назад, популярность паранауки во многих государствах остаётся довольно высокой, она продолжает оказывать влияние на культуру и массовое сознание. Зарождаясь и формируясь в основаниях самой культуры, паранаука влияет на мышление и мировоззрение современного человека. Паранаучные легенды, былички и мифы представляют большой интерес для жителей современной, технологически развитой городской цивилизации.

Осуществлённый анализ существующей научной литературы помог определить достигнутые результаты и выявить проблемы, не позволяющие получить необходимые выводы в исследованиях паранауки. Было показано, что существующие концепции вненаучного знания не способны в достаточной мере выявить творческие, социокультурные и духовные основания паранауки. В результате данные подходы не позволили объяснить растущую популярность паранауки в современной культуре и выявить её роль в культуре.

Исследование существующих определений понятия паранауки помогло выявить их ограниченный, односторонний характер, терминологическую избыточность и лингвистическую сложность. В связи с этим было сформулировано собственное авторское определение паранауки, которое позволило преодолеть имеющиеся недостатки.

Анализ паранауки в контексте научного знания помог установить границы и возможности изучения паранауки. Было выявлено, что исследование паранауки путём сравнения с наукой не даёт исчерпывающего описания значения и природы паранауки, поскольку исследование паранауки в данном контексте сводится к решению конкретных научно-методологических вопросов и проблем и не позволяет выяснить истинные причины роста популярности паранауки в современной культуре.

Исследование проблем паранауки в контексте научного знания выявило способность паранауки играть в культуре роль научного авангарда, обладая тем самым определенной степенью научной плодотворности и эвристической ценности. Также анализ паранауки в контексте научного знания позволил выделить и разграничить основания, на которых строятся паранаучные учения и которые обуславливают неоднозначность влияния паранауки на развитие научного знания. Такими основаниями могут быть фальсификация, добросовестное заблуждение, методологическая нечёткость, научная интуиция, бессознательные мотивы, фольклорные, мифологические, фантастические и мистические идеи, обыденные представления, суеверия, попытки манипуляции массовым сознанием.

Анализ социокультурных оснований паранауки позволил выяснить культурно-историческую, экзистенциальную, творческую и духовную взаимосвязь паранауки с различными сферами культуры: искусством, политикой, экономикой, средствами массовой информации. Наиболее значимыми результатами для философско-культурологического анализа паранауки оказались следующие:

1. Выявлена взаимосвязь паранауки с различными направлениями и жанрами искусства, например, с такими как фольклор, фантастика, мифология, сюрреализм и футуризм.

2. Установлено, что паранаука является новым этапом в развитии фольклорного сознания в условиях современной, технологически развитой городской цивилизации.

3. Выявлены основные тенденции, ставшие причиной возникновения и распространения паранауки в современной культуре. К ним относятся: постмодерн, научно-технический прогресс, информационное общество, популярная культура, глобализация. Данные тенденции привели к размыванию границ между основными сферами культуры, что послужило причиной распространения паранаук в современной культуре.

4. Выявлена мировоззренческая роль паранауки в современной культуре, показывающая, что паранаука формирует или влияет на формирование мировоззрения людей, поскольку содержит мировоззренческие свойства (универсализм, космоцентризм, глобальный и ценностный взгляд на окружающий мир) и способствует пересмотру и переосмыслению мировоззренческих оснований и ценностей культуры.

Исследование ключевых функций паранауки (психотерапевтической, коммуникативной, культуротворческой, нарративной) позволило выявить её продуктивную роль в современной культуре, установить пути её влияния на обогащение культуры плодотворными идеями, обеспечивающими способы развития и раскрытия творческого и духовного содержания культуры. Выполняя определённые функции, паранаука становится тем самым важной составной частью культуры.

Актуальность философско-культурологического анализа паранауки состоит также в установлении её прогностической ценности в современной культуре. На примере паранауки появляется возможность моделировать будущие сценарии развития культуры и общества. Исследование паранауки помогает предопределить многие негативные последствия тех тенденций, которые сегодня наметились в социокультурной сфере. В прогностическом смысле паранаука может играть роль многомерной модели современной культуры, что позволяет рассматривать её как комплексную междисциплинарную проблему. Паранаука позволяет определять возможные будущие состояния культуры, науки и общества.

Дальнейшее исследование феномена паранауки предполагает его анализ в антропологическом, этическом и психологическом аспектах. Анализ паранауки в антропологическом аспекте необходим с целью выявления социально-исторических и архаических оснований паранауки. Исследование паранауки в этическом аспекте требуется для выяснения её соотношения с морально-нравственными ценностями и нормами. Познание паранауки в психологическом аспекте необходимо с целью выявления психологических причин возникновения и распространения паранауки, связанных с деятельностью сознания и психики отдельного человека и массового сознания в целом.

Также для исследования паранауки требуется комплексный подход, предполагающий совместную работу всего мирового сообщества. Необходимо создание международного исследовательского института по изучению проблем, связанных с распространением паранауки в государствах современного мира. Такой институт должен объединить в себе представителей всех сфер культуры, средств массовой информации, статистических и аналитических центров.

Таким образом, присутствие паранауки в современном социокультурном пространстве подтверждает наличие глубоких культурно-исторических изменений, через которые проходят культура и общество в своём развитии, чтобы выйти на новый уровень существования. Поэтому высокий социокультурный статус паранауки в современном мире говорит о том, что паранаука не является случайным, временным явлением в современной культуре. Она исторически закономерна, свидетельствует о формировании нового типа культуры и является одним из условий этого процесса.

Список литературы

1. Абачиев С. К. Подлинная наука и спекулятивная псевдонаука / С. К. Абачиев // В защиту науки / [ответственный редактор Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2008. – Бюл. № 3. – С. 56–76.

2. Абелев Г. И. Об истоках псевдонауки [Электронный ресурс] / Г. И. Абелев // Наука, антинаука и паранормальные верования : материалы международного симпозиума. Москва, 03–05 октября 2001 г. – URL: <http://razumru.ru/humanism/symposium/01.htm> (дата обращения: 01.06.2016).

3. Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность / Н. С. Автономова. – М.: Наука, 1988. – 287 с.

4. Автономова Н. С. Рациональность: наука, философия, жизнь / Н. С. Автономова // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 56–90.

5. Автономова Н. С. Хаос и логос / Н. С. Автономова // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 30–56.

6. Алейник А. З. Наука в системе общественного воспроизводства: Вопросы методологии / А. З. Алейник. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 184 с.

7. Александров Д. А. Историческая антропология науки в России / Д. А. Александров // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 3–22.

8. Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки / Е. Б. Александров // В защиту науки / [ответственный редактор Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2006. – Бюл. № 1. – С. 14–29.

9. Александров Л. Г. Рационализация эзотерического мышления (на материале астрологии): диссертация на соискание учёной степени кандидата

философских наук: 09.00.01 / Александров Леонид Геннадьевич. – Магнитогорск, 2002. – 126 с.

10. Алексеевский М. Д. Магические заговоры в постсоветской России [Электронный ресурс] / М. Д. Алексеевский. – URL: <http://postnauka.ru/video/59620> (дата обращения: 01.08.2016).

11. Андерсон П. Фантастика – певец науки / П. Андерсон // Если. – 1996. – № 10. – С. 203–210.

12. Андрюхина Л. М. Стиль науки: Культурно-историческая природа / Л. М. Андрюхина. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. – 152 с.

13. Антропов В. А. Научное и вненаучное знание / В. А. Антропов, В. И. Кашперский. – Екатеринбург: УГТУ, 1996. – 56 с.

14. Апухтина Н. Г. Наука и паранаука: Программа, теоретические и методические материалы к изучению спецкурса / Н. Г. Апухтина. – Челябинск: ЧГИИК, 1999. – 40 с.

15. Аристотель. Метафизика / Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.

16. Арский Ю. М. Инфосфера. Информационные структуры, системы и процессы в науке и обществе / Ю. М. Арский, Р. С. Гиляревский, И. С. Туров, А. И. Черный. – М.: ВИНТИ, 1996. – 489 с.

17. Афанасьева В. В. Тотальность виртуального / В. В. Афанасьева. – Саратов: Научная книга, 2005. – 103 с.

18. Ахундов М. Д. Социальное влияние на науку: локальное или атрибутивное? / М. Д. Ахундов // Философия науки. Формирование современной естественно-научной парадигмы. – М.: ИФ РАН, 2001. – Вып. 7. – С. 58–74.

19. Ахундов М. Д. У истоков идеологизированной науки / М. Д. Ахундов, Л. Б. Баженов // Природа. – 1989. – № 2. – С. 90–99.

20. Бажанов В. А. Наука как самопознающая система / В. А. Бажанов. – Казань: Изд-во КГУ, 1991. – 182 с.

21. Байкушев С. Серьезно о сверхъестественном / С. Байкушев. – М.: Мысль, 1991. – 107 с.

22. Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий / Е. Г. Балагушкин. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 286 с.
23. Барг М. А. Эпохи и идеи / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 350 с.
24. Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 736 с.
25. Берг К. Архетипы и мифология в Зодиаке / К. Берг. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 601 с.
26. Бескова И. А. О природе трансперсонального опыта / И. А. Бескова // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 35–44.
27. Блум Ф. Мозг, разум и поведение / Ф. Блум, А. Лейзерсон, Л. Хофстедтер. – М.: Мир, 1988. – 248 с.
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
29. Брагин Г. М. Об обыденной форме оккультизма / Г. М. Брагин // Отношение человека к иррациональному. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. – Вып. 1. – С. 130–142.
30. Брысина Т. Н. Сознание в современном мире / Т. Н. Брысина. – Саратов: Изд-во СГУ, 1993. – 80 с.
31. Бряник Н. В. Самобытность русской науки: предпосылки и реальность / Н. В. Бряник. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – 148 с.
32. Буданов В. Г. Синергетика коммуникативных сценариев / В. Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
33. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
34. Буянов М. Приключения древней загадки: истерия, история, суеверия / М. Буянов. – М.: Прометей, 1991. – 136 с.
35. Василенко Л. И. Магия в наши дни: старое зло или новое благо? / Л. И. Василенко // Знание за пределами науки. – М.: Институт философии АН СССР, 1990. – С. 110–132.

36. Васильева Н. Л. Естествознание по-современному: углублённое изучение / Н. Л. Васильева // Здравый смысл. – 2004. – № 4 (33). – С. 17–22.
37. Вебер М. Наука как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 707–735.
38. Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
39. Визгин В. П. На пути к другому: от школы подозрения к философии доверия / В. П. Визгин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800 с.
40. Визгин В. П. Оккультные истоки науки Нового времени / В. П. Визгин // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 1. – С. 140–152.
41. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер // Творец и Будущее. – М.: АСТ, 2003. – 732 с.
42. Виноградова Т. В. Этические проблемы творчества ученого / Т. В. Виноградова // Вопросы истории естествознания и техники. – 1992. – № 2. – С. 118–127.
43. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио. – М.: Гнозис, 2002. – 192 с.
44. Витгенштейн Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 323–405.
45. Волковский Н. Л. История информационных войн / Н. Л. Волковский. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – Ч. 1. – 510 с.
46. Волькенштейн М. В. О феномене псевдонауки / М. В. Волькенштейн // Природа. – 1983. – № 11. – С. 96–101.
47. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII в.) / П. П. Гайденок. – М.: Наука, 1987. – 447 с.
48. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1977. – Т. 1. – 276 с.
49. Гейзенберг В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. – М.: Прогресс, 1987. – 366 с.

50. Генон Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Арктогея, 1991. – 161 с.
51. Герцен А. И. Дилетантизм в науке / А. И. Герцен // Собрание сочинений в тридцати томах. – М.: Издательство АН СССР, 1954. – Т. 3. – С. 7–88.
52. Гивишвили Г. В. О «сверхсильном» антропном принципе / Г. В. Гивишвили // Вопросы философии. – 2000. – № 2. – С. 43–53.
53. Гилберт Дж. Открывая ящик Пандоры / Дж. Гилберт, М. Малкей. – М.: Прогресс, 1987. – 270 с.
54. Гинзбург В. Л. О науке, о себе и о других: [Статьи и выступления] / В. Л. Гинзбург. – М.: Физматлит, 2003. – 544 с.
55. Гобозов И. А. Постмодернизм – эпоха медиократов / И. А. Гобозов // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 41–53.
56. Голосовкер Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
57. Горелова В. Н. Обыденное сознание как философская проблема / В. Н. Горелова. – Пермь: Изд-во ПСХИ, 1993. – 168 с.
58. Горидько М. И. Философские обобщения: философия и история науки: Монография / М. И. Горидько. – М.: РГАЗУ, 2009. – 108 с.
59. Горохов В. Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма»? / В. Г. Горохов // Вопросы философии. – 2010. – № 12. – С. 3–14.
60. Грицман Ю. Я. Медицинские мифы XX века / Ю. Я. Грицман. – М.: Знание, 1993. – 176 с.
61. Гроф С. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. – Москва: АСТ, 2001. – 497 с.
62. Грушин Б. А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
63. Грюнбаум А. Новая критика теологических интерпретаций физической космологии / А. Грюнбаум // Вопросы философии. – 2002. – № 4. – С. 67–88.

64. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. / Б. С. Грязнов. – М.: Наука, 1982. – 256 с.
65. Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука / В. Б. Губин // В защиту науки / [ответственный редактор Э.П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2006. – Бюл. № 1. – С. 110–119.
66. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
67. Гуревич П. С. Поиск новой рациональности (по материалам трёх всемирных конгрессов) / П. С. Гуревич // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФ РАН, 1995. – 225 с.
68. Гуревич П. С. Приключения имиджа: типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия / П. С. Гуревич. – М.: Искусство, 1991. – 221 с.
69. Гуревич П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 288 с.
70. Дворников В. В. Проблема сосуществования в контексте информационного общества объективного знания, мистики, псевдонауки / В. В. Дворников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (75). – С. 98–106.
71. Демидов А. Б. Философия и методология науки: курс лекций / А. Б. Демидов. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 102 с.
72. Дессуар М. Очерк истории психологии / М. Дессуар. – СПб.: Книгоиздательство О. Богдановой, 1912. – 217 с.
73. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
74. Диксон П. Фабрики мысли / П. Диксон. – М.: АСТ, 2004. – 505 с.
75. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

76. Дубров А. П. Парапсихология и современное естествознание / А. П. Дубров, В. Н. Пушкин. – М.: СП «Соваминко», 1989. – 280 с.

77. Дынич В. И. Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения / В. И. Дынич, М. А. Ельяшевич, Е. А. Толкачев, Л. М. Томильчик // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 122–134.

78. Егоров А. Г. Научное мировоззрение и миф / А. Г. Егоров. – Смоленск: Смоленское областное отделение Педагогического общества РСФСР, 1990. – 36 с.

79. Егорова И. В. Мистика как социальный феномен (к постановке проблемы): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 09.00.11 / Егорова Ирина Владимировна. – М.: 1994. – 22 с.

80. Елсуков А. Н. Познание и миф / А. Н. Елсуков. – Минск: Университетское, 1984. – 151 с.

81. Жбанков М. Р. «Отклоняющееся» знание в развитии науки / М. Р. Жбанков // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки: тезисы, доклады и выступления. – Минск: 1990. – С. 182–183.

82. Жбанков М. Р. Паранаучное знание / М. Р. Жбанков // Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.

83. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. – СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. – 232 с.

84. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 464 с.

85. Заров Д. И. Философия и история науки: учебное пособие / Д. И. Заров, А. С. Борщов, В. Б. Устьянцев. – Саратов: Саратовский Государственный Технический Университет, 2004. – Ч. 1. – 76 с.

86. Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2011. – № 8. – С. 3–45.

87. Золотухина Е. В. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание / Е. В. Золотухина. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983. – 240 с.

88. Зуева Т. В. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
89. Ильин В. В. Критерии научности знания / В. В. Ильин. – М.: Высшая школа, 1989. – 128 с.
90. Ильин В. В. Теория познания: введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 163 с.
91. Ильин В. В. Природа науки: гносеологический анализ / В. В. Ильин, А. Т. Калинин. – М.: Высшая школа, 1985. – 230 с.
92. Интервью с академиком В. И. Арнольдом // В защиту науки / [отв. ред. Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2009. – Бюл. № 5. – С. 105–121.
93. Исторические типы рациональности / Ответственный редактор В. А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 1995. – Т. 1. – 350 с.
94. Исторические типы рациональности / Ответственный редактор П. П. Гайденок. – М.: ИФ РАН, 1996. – Т. 2. – 348 с.
95. История информатики и философия информационной реальности: учеб. пособие для вузов / Под ред. чл. корр. РАН Р. М. Юсупова, проф. В. П. Котенко. – М.: Академический Проект, 2007. – 429 с.
96. История мировой культуры (мировых цивилизаций) / Научный редактор доктор философских наук, профессор Г. В. Драч. – 2-е дополненное и переработанное издание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 544 с.
97. Казютинский В. В. Спонтанность и детерминизм / В. В. Казютинский, Е. А. Мамчур, Ю. В. Сачков. – М.: Наука, 2006. – 323 с.
98. Калинина Г. Н. Границы науки и превращенные формы знания: монография / Г. Н. Калинина. – Белгород: Иридис, 2012. – 292 с.
99. Каменский З. А. Философия как наука: Классическая традиция и современные споры / З. А. Каменский. – М.: Наука, 1995. – 173 с.
100. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика / И. Кант. – СПб., 1904. – 125 с.

101. Капра Ф. Дао физики: Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока / Ф. Капра. – СПб.: ОРИС, 1994. – 302 с.
102. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
103. Касавин И. Т. О ситуациях проблематизации рациональности / И. Т. Касавин // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – 225 с.
104. Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность» / И. Т. Касавин // Философские науки. – 1985. – № 6. – С. 64–65.
105. Касавин И. Т. Паранаука / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6f47a549db0256a3b8d> (дата обращения: 02.01.2018).
106. Касавин И. Т. Познание в мире традиций / И. Т. Касавин. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
107. Касавин И. Т. Понятие знания в социальной гносеологии / И. Т. Касавин // Познание в социальном контексте. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 6–36.
108. Касавин И. Т. Постигая многообразие разума / И. Т. Касавин // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 3–28.
109. Касавин И. Т. Размышления о магии, ее природе и судьбе / И. Т. Касавин // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. – М.: Республика, 1992. – С. 6–29.
110. Кассирер Э. Техника политических мифов / Э. Кассирер // Октябрь. – 1993. – № 7. – С. 153–164.
111. Кнабе Г. С. Семиотика культуры / Г. С. Кнабе. – М.: Российский Государственный Гуманитарный Университет, 2005. – 63 с.
112. Книгин А. Н. Философские проблемы сознания / А. Н. Книгин. – Томск: Издательство Томского университета, 1998. – 306 с.

113. Князева Е. Н. Как возможно освобождение от мифов классической науки? / Е. Н. Князева // Эпистемология и постнеклассическая наука: сборник статей. – М.: ИФРАН, 1992. – С. 19–25.

114. Князева Е. Н. Основания синергетики / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

115. Козлова М. С. Вера и знание. Проблема границы / М. С. Козлова // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 35–52.

116. Койре А. Очерки истории философской мысли / А. Койре. – М.: Прогресс, 1985. – 288 с.

117. Конопкин А. М. Особенности структурирования околонучного знания / А. М. Конопкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 39–47.

118. Копалов В. И. Общественное сознание: критический анализ фетишистских форм / В. И. Копалов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 221 с.

119. Котенко В. П. История и философия классической науки / В. П. Котенко. – М.: Академический проект, 2005. – 473 с.

120. Крамник В. В. Социально-психологические механизмы политической власти / В. В. Крамник. – Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1991. – 159 с.

121. Круглова И. Н. Антропология сакрального: ритуально-социологические аспекты / И. Н. Круглова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 65–70.

122. Кругляков Э. П. История одного интервью / Э. П. Кругляков // В защиту науки / [ответственный редактор Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2006. – Бюл. № 1. – С. 30–35.

123. Кругляков Э. П. От перестановки мест слагаемых сумма меняется! / Э.П. Кругляков // В защиту науки / [ответственный редактор Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2008. – Бюл. № 4. – С. 66–82.

124. Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги / Э. П. Кругляков. – М.: Наука, 2001. – 321 с.

125. Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги-2 / Э. П. Кругляков. – М.: Наука, 2005. – 336 с.

126. Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги-3 / Э. П. Кругляков // Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2009. – 357 с.

127. Кузнецов М. М. Виртуальная реальность – техногенный артефакт или сетевой феномен? / М. М. Кузнецов // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 62–90.

128. Культурно-историческое сознание ученых-гуманитариев в контексте современных тенденций в науке: Опыт федеральных университетов. Материалы «круглого стола – онлайн-конференции» // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 5–37.

129. Курц П. Испытание потусторонним / П. Курц. – М.: Академический проект, 1999. – 601 с.

130. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: Борьба миров / В. А. Кутырев. – Н. Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. – 199 с.

131. Лебедев В. И. Духи в зеркале психологии / В. И. Лебедев. – М.: Сов. Россия, 1987. – 222 с.

132. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

133. Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница / В. А. Лекторский // Наука: возможности и границы. – М.: Наука, 2003. – С. 20–35.

134. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

135. Леонтьев Д. А. Самая обыкновенная парапсихология / Д. А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 1. – С. 170–172.

136. Лермонтов М. Ю. Информационные технологии и сфера социокультурного управления / М. Ю. Лермонтов // Философские науки. – 2006. – № 7. – С. 122–136.

137. Лешкевич Т. Г. Философия для аспирантов: учебное пособие / Т. Г. Лешкевич, В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Б. Фатхи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 448 с.

138. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. Учебное пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – М.: ПРИОР, 1999. – 413 с.

139. Лженаука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика Э. П. Круглякова, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 21-22 июня 2013 г. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. – 291 с.

140. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

141. Лифтон Р. Технология «промывки мозгов»: Психология тоталитаризма / Р. Лифтон. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 576 с.

142. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 5–216.

143. Мамардашвили М. К. Классические и неклассические идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – М.: Логос. – 2004. – 240 с.

144. Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания / Е. А. Мамчур. – М.: Наука, 1987. – 126 с.

145. Манхейм К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

146. Марк М. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / М. Марк, К. Пирсон. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

147. Марков Б. В. Разум и сердце: История и теория менталитета / Б. В. Марков. – СПб: Издательство СПб. университета, 1993. – 232 с.

148. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
149. Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки: Научное издание / Н. И. Мартишина. – Омск: Издательство ОмГТУ, 1996. – 187 с.
150. Мартишина Н. И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека / Н. И. Мартишина. – Омск: Издательство ОмГТУ, 1997. – 178 с.
151. Матурана У. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
152. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное / М. Маффесоли // Социологос: Общество и сферы смысла. – М.: 1991. – Вып. 1. – С. 274–283.
153. Медведев Л. Н. Паранаучность: от шутовского колпака до академической шапочки: монография / Л. Н. Медведев. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2015. – 412 с.
154. Медведев Л. Н. Феномен паранаучного знания: монография / Л. Н. Медведев. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2007. – 376 с.
155. Мелюхин С. И. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / С. И. Мелюхин. – М.: Издательство МГУ, 1999. – 308 с.
156. Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно / Д. И. Менделеев. – М.: Сов. Россия, 1991. – 588 с.
157. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
158. Метафизика и идеология в истории естествознания / И. Д. Рожанский, И. В. Лупандин, Г. Д. Гачев. – М.: Наука, 1994. – 240 с.
159. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
160. Микешина Л. А. Философия познания / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.

161. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 27–43.
162. Молодцова Е. Н. Наука об уме и знании / Е. Н. Молодцова // Проблема знания в истории науки и культуры. – СПб.: Алетейя, 2001. – 224 с.
163. Морен Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
164. Мостепаненко М. В. Философия и методы научного познания / М. В. Мостепаненко. – Л.: Лениздат, 1972. – 263 с.
165. Найдыш В. М. Наука и квазинаука / В. М. Найдыш, Е. Н. Гнатик, В. Н. Данилов. – М.: Альфа-М, 2008. – 320 с.
166. Налимов В. В. В поисках иных смыслов / В. В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
167. Наука в культуре / РАН. Ин-т философии; Под ред. В. Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 380 с.
168. Немировский В. Г. Фантастические представления как элемент массового сознания / В. Г. Немировский, М. А. Мануильский // Социологические исследования. – 1987. – № 4. – С. 70–75.
169. Носов Н. А. Виртуальная психология / Н. А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. – М.: Аграф, 2000. – Вып. 6. – 432 с.
170. Одайник В. Массовая душа и массовый человек. / В. Одайник // Аналитическая психология: прошлое и настоящее. – М.: Мартис, 1995. – С. 243–255.
171. Окладной В. А. Возникновение и соперничество научных теорий / В. А. Окладной. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 240 с.
172. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509 с.
173. Панасюк А. Ю. Большая энциклопедия парапсихологии / А. Ю. Панасюк. – М.: Рипол классик, 2007. – 860 с.

174. Пармон Э. А. Роль фантазии в научном познании / Э. А. Пармон. – Минск: Изд-во БГУ, 1984. – 176 с.
175. Петрова Е. Н. Экология индивидуальности: философско-социологический аспект / Е. Н. Петрова. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. – 160 с.
176. Пивоваров Д. В. Вера и знание в религии и науке / Д. В. Пивоваров. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – 100 с.
177. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
178. Полонников Р. И. Феномен информации и информационного взаимодействия / Р. И. Полонников. – СПб.: Анатолия, 2001. – 171 с.
179. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – М.: Наука, 1975. – 194 с.
180. Попов В. В., Щеглов Б. С. Теория рациональности (неклассический и постнеклассический) подходы [Электронный ресурс] / В. В. Попов, Б. С. Щеглов. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2006. – 268 с. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000960/> (дата обращения: 01.09.2016).
181. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы. Перевод с английского / К. Р. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
182. Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. Сборник / В. Н. Порус. – М.: Университет Российской Академии образования. Кафедра философии, 2002. – 352 с.
183. Порус В. Н. Системный смысл понятия «научная рациональность» / В. Н. Порус // Рациональность как предмет философского исследования. – М.: ИФРАН, 1995. – С. 76–100.
184. Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века / РАН. Ин-т философии; Под ред. Л. Б. Баженова. – СПб.: Изд-во РХГИ, – 1999. – 279 с.
185. Пружинин Б. И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / Б. И. Пружинин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 423 с.

186. Пружинин Б. И. К вопросу о структуре астрологического знания / Знание за пределами науки / Б. И. Пружинин. – М.: 1990. – С. 133–150.
187. Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 3–31.
188. Психология религиозности и мистицизма: хрестоматия / М. Элиаде, Д. Кэмпбелл, Б. Рассел и др. – Минск; Москва: Харвест: АСТ, 2001. – 543 с.
189. Психофизиология: учебник для вузов. 4-е изд. / Под редакцией Ю. И. Александрова. – СПб.: Питер, 2016. – 464 с.
190. Рабинович В. Л. Парацельс / В. Л. Рабинович // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010. URL:<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2f279cse78afb929ef7e2f> (дата обращения: 06.09.2017).
191. Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления / Под редакцией И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. – 402 с.
192. Расторгуев С. П. Информационная война / С. П. Расторгуев. – М.: Радио и связь, 1998. – 415 с.
193. Расторгуев С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. – М.: Вузовская книга, МПСИ, 2003. – 301 с.
194. Рицль М. Парапсихология: Факты и мнения / М. Рицль. – Львов: Инициатива; К.: Ника-центр, Вист-С, 1999. – 368 с.
195. Робертс Р. Парапсихология: научно-популярная литература / Р. Робертс, Д. Грум. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 224 с.
196. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1998. – 292 с.
197. Романов П. В. Социальное как иррациональное? (Диагнозы 1990 года) / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 212–226.

198. Роуз Дж. Что такое культурологические исследования научного знания? / Дж. Роуз // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 23–41.
199. Рубцов А. В. Архитектоника постмодерна: континуум / А. В. Рубцов // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 66-76.
200. Рузавин Г. И. Методы научного исследования: монография / Г. И. Рузавин. – М.: Мысль, 1975. – 237 с.
201. Санников Д. В. Социокультурные основания паранаучной мифологии / Д. В. Санников // Гуманитарные исследования. – 2005. – № 4 (16). – С. 22–28.
202. Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1987. – 368 с.
203. Сергейчик Е. М. Философия истории / Е. М. Сергейчик. – СПб.: Издательство «Лань», 2002. – 608 с.
204. Сердюков Ю. М. Альтернатива паранауке / Ю. М. Сердюков. – М.: Academia, 2005. – 312 с.
205. Смит Дж. Псевдонаука и паранормальные явления: Критический взгляд / Дж. Смит. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 566 с.
206. Солмс М. Фрейд возвращается / М. Солмс // В мире науки. – 2004. – № 8. – С. 54–61.
207. Соловьев Э. Г. Информационное общество / Э. Г. Соловьев // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH131b96cb772df8497f4613> (дата обращения: 06.09.2017).
208. Степин В. С. Знание за пределами науки / В. С. Степин. – М.: Издательство ИФ РАН, 1990. – 199 с.
209. Степин В. С. Культура / В. С. Степин / Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010.

– URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения: 06.09.2017).

210. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

211. Степин В. С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентаций) / В. С. Степин // Ценностные аспекты развития науки. – М.: Наука, 1990. – С. 152–166.

212. Степин В. С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки / В. С. Степин // Проблемы методологии постнеклассической науки. – М.: ИФ РАН, 1992. – С. 40–48.

213. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

214. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

215. Стерледев Р. К. Естественнонаучное и эзотерическое видение мира в аспекте имманентного и трансцендентного / Р. К. Стерледев // Религиоведение: Научно-теоретический журнал. – 2006. – № 1. – С. 60–68.

216. Стерледев Р. К. Философский анализ конфликта естественнонаучных и эзотерических концепций XX-XXI вв.: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01 / Стерледев Роман Константинович. – Пермь, 2009. – 499 с.

217. Сулима И. И. Наука-антинаука: хроника противостояния / И. И. Сулима // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 4. – С. 153–154.

218. Сурдин В. Г. Наука и сенсация / В. Г. Сурдин // В защиту науки / [отв. ред. Э. П. Кругляков]; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2009. – Бюл. № 5. – С. 126–145.

219. Сухотин А. К. Превратности научных идей / А. К. Сухотин. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 271 с.

220. Торчилин В. П. Там, где кончается наука / В. П. Торчилин. – М.: Политиздат, 1991. – 124 с.
221. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного / Е. А. Торчинов. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005. – 480 с.
222. Тулмин С. Человеческое понимание / С. Тулмин. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
223. Уледов А. К. Общественная психология и идеология / А. К. Уледов. – М.: Мысль, 1985. – 268 с.
224. Уэллек Р. Теория литературы / Р. Уэллек, О. М. Уоррен. – Прогресс, 1978. – 325 с.
225. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд. – М.: АСТ, 2010. – 378 с.
226. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. – М.: АСТ, 2007. – 413 с.
227. Физики в парапсихологии. Очерки / Под общей редакцией Л. Б. Болдыревой и Н. Б. Сотиной. – М.: Летний сад, 2003. – 111 с.
228. Филатов В. П. Об идее альтернативной науки / В. П. Филатов // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 464 с.
229. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
230. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
231. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 404 с.
232. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок / Дж. Хендерсон. – М.: Добросвет, КДУ, 2007. – 272 с.
233. Холтон Дж. Что такое антинаука? / Дж. Холтон // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 26–58.
234. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки / Дж. Хорган. – СПб.: Амфора, 2001. – 479 с.

235. Хоружий С. С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 38–62.

236. Христофорова О. Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: автореф. дис. ... докт. фил. наук: 10.01.09 / Христофорова Ольга Борисовна. – М.: 2010. – 46 с.

237. Хьелл Л. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) [Электронный ресурс] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2062944/> (дата обращения: 01.05.2016).

238. Хэнзел Ч. Парапсихология / Ч. Хэнзел. – М.: Мир, 1970. – 320 с.

239. Хюбнер К. Истина мифа / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 448 с.

240. Чаликова В. А. Утопия и утопическое мышление / В. А. Чаликова. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

241. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии: учебное пособие для философских факультетов и отделений университетов / А. Н. Чанышев. – М.: Высшая школа, 1981. – 374 с.

242. Черникова В. Е. Культура постмодерна в условиях информатизации современной реальности / В. Е. Черникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (69): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 201–204.

243. Черникова И. В. Трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки / И. В. Черникова // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 26–35.

244. Черникова И. В. Философия и история науки: учебное пособие / И. В. Черникова. – Томск: Издательство НТЛ, 2001. – 352 с.

245. Чиков Б. М. Не все так просто с лженаукой / Б. М. Чиков // В защиту науки / отв. ред. Э. П. Кругляков; Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований РАН. – М.: Наука, 2007. Бюл. № 2. – С. 14–18.

246. Шабуров Н. В. Гностицизм / Н. В. Шабуров // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH6747a0dc7baf3ee6cf67> (дата обращения: 06.09.2017).

247. Швырев В. С. Антисциентизм / В. С. Швырев // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ec813aa8c5c331f681b0> (дата обращения: 06.09.2017).

248. Швырев В. С. Научная рациональность: проблемы критического осмысления / В. С. Швырев // Природа. – 1992. – № 4. – С. 3–8.

249. Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей / В. С. Швырев // Исторические типы рациональности. – М.: ИФ РАН, 1995. – Т. 1. – С. 6–25.

250. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

251. Швырев В. С. Сциентизм / В. С. Швырев // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ebf1048dba456a128fb7> (дата обращения: 06.09.2017).

252. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования) / В. П. Шейнов. – Минск: Харвест, 2006. – 816 с.

253. Шкуратов В. А. Психика. Культура. История / В. А. Шкуратов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1990. – 252 с.

254. Шмакин Б. Наука и паранаука: динамика коэволюции и конфронтации / Б. Шмакин // Здравый смысл. – 1997. – № 4. – С. 34–41.

255. Шоркин А. Д. Особенности современных констелляций научного и паранаучного знания / А. Д. Шоркин // Ученые записки Таврического

национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2009. – Т. 22 (61), № 1. – С. 35–46.

256. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

257. Шульга Е. Н. Философское сознание: драматизм обновления / Е. Н. Шульга. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.

258. Щавелев С. П. Паранаука, её социально-психологические и когнитивные основы / С. П. Щавелев // Материалы пленарных и секционных заседаний учебно-методической и научной конференций, посвященных 70-летию Курского государственного медицинского университета. – Курск: издательство Курского государственного медицинского университета, 2005. – С. 14–20.

259. Щеглова Л. В., Борисова Ю. В. Роль эзотерики в современном научном познании / Л. В. Щеглова, Ю. В. Борисова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2015. – № 1 (27). – С. 22–26.

260. Эйдельман Е. Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации / Е. Д. Эйдельман // Здравый смысл. – 2004. – № 4 (33). – С. 19–24.

261. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.

262. Юдин Б. Г. Знание как социальный ресурс / Б. Г. Юдин // Вестник Российской академии наук. – 2006. – Т. 76, № 7. – С. 587–595.

263. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

264. Юревич А. В. Паранаука в современной России / А. В. Юревич // «Наука, инновации, образование - приоритеты современного мира» (сентябрь 2008) / Альманах «Наука. Инновации. Образование». – М.: РИЭПП, 2008. – Вып. 6. – С. 97–116.

265. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

266. Agassi J. The Social Base of the scientific theory and practice / J. Agassi // Rationality in science and politics. Boston Studies in the Philosophy of Science. Radnitzky Festschrift, 1984. – Vol. 79. – P. 15–28.

267. Bauer H. «Pathological Science» Is Not Scientific Misconduct (nor Is It Pathological) / H. Bauer // HYLE-International Journal for Philosophy of Chemistry. – 2002. – Vol. 8, №. 1. – P. 5–20.

268. Bloom P. Childhood Origins of Adult Resistance to Science / P. Bloom, D. S. Weisber // Science. – 2007. – Vol. 316. – P. 996–997.

269. Boudry M. Introduction. Why the Demarcation Problem Matters / M. Boudry, M. Pigliucci // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. – Chicago: The University of Chicago Press, 2013. – 480 p.

270. Goode E. Paranormal Beliefs. A Sociological Introduction / E. Goode. – Prospect Heights, IL: Waveland Press, 2000. – 310 p.

271. Koyre A. Etudes newtoniennes / A. Koyre. – Paris: Gallimard, 1969. – 355 p.

272. Lewis C. S. The dethronement of power / C. S. Lewis // Tolkien and the Critics. – London: University of Notre Dame Press, 1968. – P. 12–16.

273. Mahner M. Demarcating Science from Non-Science / M. Mahner // Handbook of the Philosophy of Science: General Philosophy of Science / Theo Kuipers (ed.) Focal Issues, Amsterdam: Elsevier, 2007. – P. 515–575.

274. Martin M. Pseudoscience, the Paranormal, and Science Education / M. Martin // Science & Education, 1994. – Vol. 3, № 4. – P. 357–371.

275. Mortimore G. W. Rational action / G. W. Mortimore // Rationality and the social sciences. – London: S. I. Benn and G. W. Mortimore, 1976. – 416 p.

276. Radner D. Science and unreason / D. Radner, V. Radner. – Belmont: Wadsworth Publishing Co, 1982. – P. 1–3.

277. Shultes R. Burning the library of Amazonia / R. Shultes // The sciences. – 1994. – Vol. 34, № 2. – P. 24–31.

278. Wilson F. The logic and methodology of science and pseudoscience / F. Wilson. – Toronto: Canadian Scholars' Press, 2000. – 364 p.